

ISSN 1816-5435
ISSN (online) 2224-8935

№ 4/2021

международный научный журнал
International Scientific Journal

www.psyjournals.ru/kip

Межкультурные отношения,
идентичности, психологическое
благополучие: постсоветский опыт

Intercultural Relations, Identities
and Psychological Well-Being:
Post-Soviet Experiences

культурно-историческая
ПСИХОЛОГИЯ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

cultural-historical
PSYCHOLOGY

Международный научный журнал

International Scientific Journal

Культурно-историческая психология

2021. Том 17. № 4

Межкультурные отношения, идентичности, психологическое благополучие:
постсоветский опыт

Тематический редактор: Н.М. Лебедева

Cultural-Historical Psychology

2021. Vol. 17, no. 4

Intercultural Relations, Identities and Psychological Well-Being: Post-Soviet Experiences

Guest Editor: N.M. Lebedeva

Московский государственный психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology & Education

Содержание

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ИДЕНТИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ПОСТСОВЕТСКИЙ ОПЫТ

Предисловие тематического редактора <i>Н.М. Лебедева</i>	4
Таксономия межгрупповых идеологий <i>Д.С. Григорьев, Д.У. Берри</i>	7
Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры <i>Н.М. Лебедева</i>	16
Воспринимаемая инклюзивность контекста, идентичности и аккультурация русских в Кыргызстане и Эстонии <i>З.Х. Летишкова</i>	25
Аккультурационные установки и психологическое благополучие русских в Кыргызстане и Таджикистане: модерационная роль воспринимаемой безопасности <i>В.Н. Галяпина</i>	34
Социальная сплоченность, этническая принадлежность и изменения благополучия: результаты интервенционного исследования в Кыргызстане <i>М.М. Ларсен, К.Г. Бёнке, Д. Эсеналиев, Т. Брюк</i>	46
Роль советской идентичности во взаимосвязи мультикультурализма и проницаемости социальных границ для русских в Армении <i>М.А. Бульцева, Е.В. Бушина, А.С. Берберян, Е.А. Коджа</i>	56
Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ <i>А.Н. Татарко, Н.В. Чуйкина</i>	65
Взаимосвязь социального капитала и аккультурационных ожиданий эстонцев в Эстонии: воспринимаемая угроза как медиатор <i>Г.Я. Родионов</i>	74
Роль локальной идентичности и воспринимаемого контекста в психологическом благополучии русских Эстонии <i>А.В. Трифонова</i>	83
Пятьдесят оттенков серого: удовлетворенность жизнью среди еврейских иммигрантов из бывшего СССР в Израиле <i>Е. Тартаковский</i>	92
Профили множественной социальной идентификации и отношения к представителям других наций россиян и болгар: кросс-культурный анализ <i>К. Носова (Велкова)</i>	97

ДИСКУССИИ И ДИСКУРСЫ

К проблеме социальной обусловленности орудийного поведения высших животных: структура и особенности «социальных контекстов» <i>Е.Ю. Федорович, Е.Е. Соколова</i>	107
---	-----

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования академической резильентности детей-мигрантов: анализ и перспективы <i>О.Е. Хухлаев, Э.Р. Хакимов, А.Е. Фомичева</i>	117
Нормы и их нарушение: от научного мышления к обыденному (поисковое исследование на выборке российской молодежи) <i>М.Е. Сачкова, Е.Б. Березина, Н.В. Дворянчиков, И.Б. Бовина</i>	128

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

К 90-летию В.П. Зинченко и В.М. Мунипова — «отцов» эргономики <i>В.К. Зарецкий</i>	137
---	-----

Contents

INTERCULTURAL RELATIONS, IDENTITIES AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING: POST-SOVIET EXPERIENCES

Foreword by Guest Editor <i>N.M. Lebedeva</i>	4
A Taxonomy of Intergroup Ideologies <i>D.S. Grigoryev, J.W. Berry</i>	7
Ethnic Identity and Psychological Well-Being of Russians in Post-Soviet Space: The Role of Diaspora <i>N.M. Lebedeva</i>	16
Perceived Inclusiveness of the Context, Identities and Acculturation of Russians in Kyrgyzstan and Estonia <i>Z.Kh. Lepshokova</i>	25
Acculturation Attitudes and Psychological Well-Being of Russians in Kyrgyzstan and Tajikistan: The Moderating Role of Perceived Security <i>V.N. Galyapina</i>	34
Social Cohesion, Ethnicity and Well-Being: Results from an Intervention Study in Kyrgyzstan <i>M.M. Larsen, K. Boehnke, D. Esenaliev, T. Brück</i>	46
The Role of Soviet Identity in the Relationship of Multiculturalism and Boundaries Permeability for Russians in Armenia <i>M.A. Bultseva, E.V. Bushina, A.S. Berberyan, E.A. Kodja</i>	56
The Relationship Between Multiple Identities and Social Capital in the Post-Soviet Space: An Intergenerational Analysis <i>A.N. Tatarko, N.V. Tšaikina</i>	65
The Relationship Between Social Capital and Acculturation Expectations of Estonians in Estonia: Perceived Threat as a Mediator <i>G.Ya. Rodionov</i>	74
Role of Local Identity and Perceived Context in Psychological Well-Being of Russians in Estonia <i>A.V. Trifonova</i>	83
Fifty Shades of Gray: Satisfaction with Life Among Jewish Immigrants from the Former Soviet Union to Israel <i>E. Tartakovsky</i>	92
Profiles of Multiple Social Identification and Attitude to Representatives of Other Nations in Russians and Bulgarians: A Cross-Cultural Analysis <i>K. Nosova (Velkova)</i>	97

DISCUSSIONS AND DISCOURSES

On the Problem of Social Determination of Tool Behavior of Higher Animals: Structure and Features of "Social Contexts" <i>E.Yu. Fedorovich, E.E. Sokolova</i>	107
---	-----

EMPIRICAL RESEARCH

Studies on Academic Resilience of Migrant Children: Analysis and Prospects <i>O.E. Khukhlaev, E.R. Khakimov, A.E. Fomicheva</i>	117
Norms and Their Violation: From Scientific to Lay Thinking. An Exploratory Study from a Sample of Young Russian Adults <i>M.E. Sachkova, E.B. Berezin, N.V. Dvoryanchikov, I.B. Bovina</i>	128

MEMORABLE DATES

To the 90 th Anniversary of V.P. Zinchenko and V.M. Munipov – the "Fathers" of Ergonomics <i>V.K. Zaretsky</i>	137
---	-----

**МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ИДЕНТИЧНОСТИ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ:
ПОСТСОВЕТСКИЙ ОПЫТ**
*INTERCULTURAL RELATIONS, IDENTITIES
AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING:
POST-SOVIET EXPERIENCES*

**Межкультурные отношения, идентичности, психологическое благополучие:
посткоммунистический опыт**

Со времени распада СССР в 1991 г. на 15 независимых государств прошло почти 30 лет. Около 25 млн русских остались жить в этих странах, выбравших разные траектории постсоветского развития и разные идеологии управления культурным разнообразием. За этот период выросло и прошло социализацию новое поколение русских и «титულных» жителей этих государств. Сегодня в постсоветских странах, за пределами России, проживают более 16 млн русских. В силу закрытости многих стран, их политического, культурного и социального дистанцирования от России мы очень мало знаем о том, как изменилась социальная идентичность русских и «титулных» жителей, принадлежащих к разным поколениям — «советскому» и «постсоветскому».

Постсоветское пространство представляет собой полумифическое культурно разнообразное поле, на котором в течение 70 лет был осуществлен уникальный естественный «эксперимент» по созданию огромного поликультурного государства (СССР), в котором все имели единую национальную идентичность («советскую»), но при этом сохраняли свою этническую идентичность и развивали свою этническую культуру. После завершения этого «эксперимента» было мало попыток научного обобщения и осмысления на основе эмпирического материала тех социокультурных процессов, которые продолжают идти на постсоветском пространстве. Остается неясным: существует ли еще некое единство на уровне идентичностей, установок, социального капитала у граждан бывшего СССР и в чем оно проявляется? Как постсоветские государства справляются с вызовами поликультурности в условиях независимости, какие доминирующие идеологии преобладают в разных странах, как это сказывается на идентичности, аккультурации, благополучии русских, живущих в этих странах?

Цель настоящего тематического выпуска — познакомить читателей с тем, как проходит взаимная аккультурация русских и «титулных» жителей в изменившихся социокультурных условиях постсоветских стран, как переживается смена этнического статуса с большинства на меньшинство и наоборот, сдвигаются ли межэтнические границы, меняется ли культурная дистанция с Россией и страной проживания. Какие межгрупповые идеологии поддерживаются в этих странах и каким образом? Как формируется их социальный капитал: «связывающий» (внутриэтнический) и «соединяющий» (межэтнический)? Каковы взаимные межкультурные установки русского и титульного населения республик, какую роль играет воспринимаемая угроза в психологическом благополучии представителей каждого поколения? Какова роль русской диаспоры в постсоветских странах? Что общего и особенного в траекториях постсоветского развития этих стран? Какие процессы идентификации имеют место в посткоммунистических странах, например, Болгарии? Как себя ощущают наши бывшие соотечественники, выбравшие эмиграцию в Израиль? Ответы на данные вопросы кроются в статьях международной команды авторов данного выпуска.

Тематический выпуск включает 11 статей. В работе «*Taxonomy of Intergroup ideologies (Таксономия межгрупповых идеологий)*» Д. Григорьев и Д. Берри представляют общую таксономию межгрупповых идеологий, а также список их индикаторов. Ориентация на эти индикаторы позволяет понять, какие межгрупповые идеологии, охватывающие межкультурные установки и межгрупповые отношения, существуют в странах, и описать их. В статье «*Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры*» (Н.М. Лебедева) показано, что участие русских Кыргызстана и Эстонии в разных ви-

Для цитаты: Лебедева Н.М. Предисловие тематического редактора // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 4–6. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170400>

For citation: Lebedeva N.M. Foreword by Guest Editor. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 4–6. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170400> (In Russ.).

дах диаспорной активности медирует взаимосвязь их этнической идентичности и психологического благополучия: сохранение коллективной исторической памяти и участие в публичных акциях в Кыргызстане и активность по сохранению русского языка и культуры в Эстонии. В фокусе внимания статьи *З.Х. Летишковой* «**Воспринимаемая инклюзивность контекста, идентичности и аккультурация русских в Кыргызстане и Эстонии**» находится воспринимаемая русскими Кыргызстана и Эстонии инклюзивность современного социокультурного контекста данных стран и ее роль в их идентификации и аккультурации. В статье *В.Н. Галляпиной* «**Аккультурационные установки и психологическое благополучие русских в Кыргызстане и Таджикистане: модерационная роль воспринимаемой безопасности**» показано, что социокультурный контекст задает паттерн предпочтения той стратегии, которая обеспечивает русским удовлетворенность жизнью в ситуации безопасности: в Таджикистане — это ассимиляция, а в Кыргызстане — интеграция. В работе «**Роль локальной идентичности и воспринимаемого контекста в психологическом благополучии русских Эстонии**» (*А.В. Трифонова*) анализируется взаимосвязь локальной идентичности с психологическим благополучием русских в Эстонии. Результаты показали, что локальная идентичность эстонских русских значимо позитивно связана с удовлетворенностью жизнью и воспринимаемой инклюзивностью социокультурного контекста, при этом индикаторы воспринимаемой инклюзивности контекста медируют взаимосвязь между локальной идентичностью и психологическим благополучием русских в Эстонии. В статье «**Роль советской идентичности во взаимосвязи мультикультурализма и проницаемости социальных границ для русских в Армении**» (*М.А. Бульцева, Е.В. Бушина, А.С. Берберян, Е.А. Коджа*) рассматривается поддержка идеологии мультикультурализма этническим большинством как фактор инклюзивности контекста для этнокультурных меньшинств. Было обнаружено, что поддержка идеологии мультикультурализма армянами позитивно связана с проницаемостью социальных границ для русских только при условии высокой выраженности у армян советской идентичности. Делается вывод о важности рекатегоризации для выстраивания наиболее инклюзивного контекста и гармонизации межкультурных отношений. Работа «**Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ**» (*А.Н. Татарко, Н.В. Чуйкина*) направлена на выявление связей между множественными идентичностями (этнической, гражданской, религиозной, советской, цивилизационной) и двумя видами социального капитала (соединяющим и связывающим) в двух постсоветских республиках — Эстонии и Киргизии. В статье «**Взаимосвязь социального капитала и аккультурационных ожиданий эстонцев в Эстонии: воспринимаемая угроза как медиатор**» (*Г.Я. Родионов*) показано, что с увеличением воспринимаемой физической угрозы предпочтение «мультикультурализма» у эстонцев снижалось. Воспринимаемая экономическая угроза усиливала вероятность предпочтения «сегрегации» русских принимающим населением. Медиативная роль культурной угрозы в настоящем исследовании не подтвердилась. Статья «**Social cohesion, ethnicity and well-being: Results from an intervention study in Kyrgyzstan**» (Социальная сплоченность, этническая принадлежность и изменения благополучия: результаты интервенционного исследования в Кыргызстане) (*Mandi M. Larsen, Klaus Boehnke, Damir Esenaliev, Tilman Brück*) представила результаты панельного опроса 5 207 взрослых, проживающих в 30 сельских районах Кыргызстана, которые показали, что более высокий уровень социальной сплоченности сообщества сводит к минимуму различия этнических групп в изменении удовлетворенности жизнью. Таким образом, социальная сплоченность может быть одним из объясняющих элементов в комплексной картине этнических различий в удовлетворенности жизнью. В работе «**Профили множественной социальной идентификации и отношения к представителям других наций россиян и болгар: кросс-культурный анализ**» *К. Велкова* рассматривает латентные профили социальной идентификации и отношения к представителям других наций в культурных контекстах России и Болгарии, базируясь на личностно-ориентированном подходе. В результате латентного анализа профилей в России было выявлено четыре профиля (Интернационалисты, Индивидуалисты, Европейцы, Националисты), в то время как в Болгарии выявлено три латентных профиля (Индивидуалисты, Европейцы, Националисты). Интересно, что содержание профилей и особенности респондентов, вошедших в профили, оказались схожими в России и Болгарии. В статье «**Fifty Shades of Gray in Satisfaction with Life Among Immigrants: A Case of Jewish Immigrants from the Former Soviet Union to Israel**» (Пятьдесят оттенков серого в удовлетворенности жизнью среди мигрантов: пример еврейских мигрантов из бывшего СССР в Израиле) *Eugene Tartakovsky* изучал удовлетворенность жизнью (субъективное благополучие) иммигрантов в первом поколении из бывшего Советского Союза в Израиле и евреев, оставшихся в России. Полученные результаты показали, что иммиграция была смешанно положительной для исследуемой группы иммигрантов, благотворной в одних аспектах и обременительной в других.

Наши исследования показали, что неизбежность взаимной адаптации, местами болезненной, сопровождаемой резкой сменой статусов и идеологий, культурного контекста, массовой миграцией, локальными конфликтами, добровольной или вынужденной ассимиляцией и сепарацией/сегрегацией, тем не менее, очевидна. Те русские жители постсоветских стран, которые остались в них, считают эти страны своим домом и в целом приняли правила жизни, предложенные им этническим большинством. Со стороны этнического большинства также в эти годы имела место некая динамика, смена идеологий от полного неприятия и вытеснения русских до поиска более здорового баланса взаимных интересов и ожиданий.

Следует отметить, что задачи взаимной адаптации у этнического большинства и этнического меньшинства разные. Меньшинству крайне важно сохранить свой язык и культуру, иметь равные с местным населением

права и доступ к важным социально-экономическим ресурсам. Для большинства важно сохранить мир и порядок, добиться единства общества на условиях доминирования титульной нации, укрепляя ее ценности, язык и культуру. Здесь не стоит забывать, что нынешние этнические меньшинства — это этнические меньшинства в структуре бывшего СССР, со своими обидами, ущемленной этнической идентичностью, пережившие период «русификации» и «советизации». Поэтому не стоит удивляться неизбежным перекосам и трудностям нациестроительства в новых независимых государствах — бывших республиках СССР.

Принятие культурного разнообразия как блага для общества и ресурса его развития и конкурентоспособности — довольно-таки трудная задача для любой страны; ответственность за межэтнический мир и согласие, а также за сохранение культуры этнических меньшинств требует большой зрелости и искусства балансирования и взаимных уступок.

Актуальность подобных исследований состоит в том, что изменения идентичности русских на постсоветском пространстве, их аккультурация и ее предикторы в кросс-культурном и межпоколенном сопоставлении недостаточно изучены, хотя они, как носители русской культуры, являются связующим звеном между Россией и другими постсоветскими странами. Для России отношения с постсоветскими государствами-соседами имеют важное стратегическое значение, и борьба за влияние на постсоветском пространстве в последнее время заметно обострилась. Соответственно, изучение установок, представлений, настроений русских и представителей этнического большинства в этих странах является чрезвычайно важным и актуальным, как с научной, так и общественной точек зрения.

Наши исследования — лишь небольшой срез, призванный зондировать идущие на постсоветском пространстве процессы на примере наших небольших выборок и ограниченных методических средств, и мы надеемся в последствии придать им большую точность и усилить их объяснительную и прогностическую силу.

Н.М. Лебедева
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

A Taxonomy of Intergroup Ideologies

Dmitry Grigoryev

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

John W. Berry

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2587-2879>, e-mail: elderberrys@gmail.com

This paper provides an analysis and a general taxonomy of intergroup ideologies, and presents a list of their indicators. This taxonomy is related to the eight ideologies that were originally outlined in the early works. These ideologies were created on the basis of three dimensions of intercultural relations: cultural maintenance; social participation; and relative power. The taxonomy of intergroup ideologies proposed here follows these three dimensions, which are related to two issues: (i) attitudes towards cultural diversity; and (ii) forms of inclusion of ethnocultural groups in the larger society (including the issue about the hierarchy among groups). It is possible to assess how these issues are solved using four indicators: (1) celebrating differences, (2) status of groups, (3) opportunity for social interaction, and (4) way to ensure the unity of society. Orientations to these indicators make it possible to understand what kind of intergroup ideologies covering intercultural attitudes and intergroup relations exist in countries and describe them.

Keywords: intergroup ideologies, cultural diversity, integration, segregation, assimilation, multiculturalism, colorblindness, interculturalism, polyculturalism, omniculturalism, cosmopolitanism.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation (project № 20-18-00268).

For citation: Grigoryev D.S., Berry J.W. A Taxonomy of Intergroup Ideologies. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 7–15. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170401>

Таксономия межгрупповых идеологий

Д.С. Григорьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Дж.У. Берри

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2587-2879>, e-mail: elderberrys@gmail.com

В статье представлены анализ и общая таксономия межгрупповых идеологий, а также список их индикаторов. Эта таксономия связана с восемью идеологиями, которые первоначально были изложены в ранних работах. Эти идеологии были созданы на основе трех измерений межкультурных отношений: сохранение культуры; социальное участие; относительная власть. Предлагаемая здесь таксономия межгрупповых идеологий следует этим трем измерениям, которые связаны с двумя проблемами: (i) отношение к культурному многообразию; (ii) формы инклюзии этнокультурных групп в более широкое общество (включая вопрос о групповой иерархии). Можно оценить, как эти проблемы решаются, используя четыре индикатора: (1) приветствие различий, (2) статус групп, (3) возможности для социальной интеракции и (4) способ обеспечения единства общества. Ориентация на эти индикаторы позволяет понять, какие межгрупповые идеологии, охватывающие межкультурные установки и межгрупповые отношения, существуют в странах, и описать их.

Ключевые слова: межгрупповые идеологии, культурное многообразие, интеграция, сегрегация, ассимиляция, мультикультурализм, этнический дальтонизм, интеркультурализм, поликультурализм, омникультурализм, космополитизм.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00268).

Для цитаты: Григорьев Д.С., Берри Д.У. Таксономия межгрупповых идеологий // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 7–15. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170401>

Introduction

One of the central issues on the current agenda for plural societies is: “How all cultural groups shall live together”? [7]. There are three features of plural societies that are important to understand: (1) the extent of cultural diversity in the society; (2) ideologies with respect to how to manage this diversity; and (3) public policy about managing such diversity. This paper considers these last two aspects: what are the ideologies and public policies about how to deal with the existing cultural diversity, in general internationally?

Over the course of history, many beliefs and views on cultural diversity have arisen, which can take shape in state policies and in intergroup ideologies. These policies and ideologies are comprised of beliefs, rules and norms about how members of all ethnocultural groups should relate to each other in a society. These intergroup policies and ideologies describe and influence the way intergroup relations are organized in culturally diverse societies [25].

Attention was first paid in psychology to the question of how different cultural groups in a plural society could or should relate to each by Berry, Kalin and Taylor (1977) [6]. They used the concept of *multicultural*

ideology to identify one of the ways for these relations to take place. They proposed a number of ways of engaging in intercultural relations. These proposals were based on the combination of three issues: (i) the maintenance of heritage cultures and identities (the *cultural diversity* component); (ii) the full and equitable participation of all ethnocultural groups in the life of the larger society (the *social equity* component); and (iii) who has the power and authority to decide on how groups should relate with each other (the *relative power* component). The intersection of these three dimensions was used to identify eight ideologies, based on combinations of positive or negative orientations to them [1]. The current version of these ideologies is shown in Figure 1 from Berry (2003) [2].

On the left side are the orientations held by members of ethnocultural groups; on the right side are the views held by members of the larger society. Across the top is the maintenance of heritage cultures and identities dimension. Down the side is the equitable participation dimension. The difference between the two circles represents the third dimension: the relative power to decide. Orientations to these issues intersect to define eight strategies.

For members of non-dominant ethnocultural groups, when these individuals do not wish to maintain their

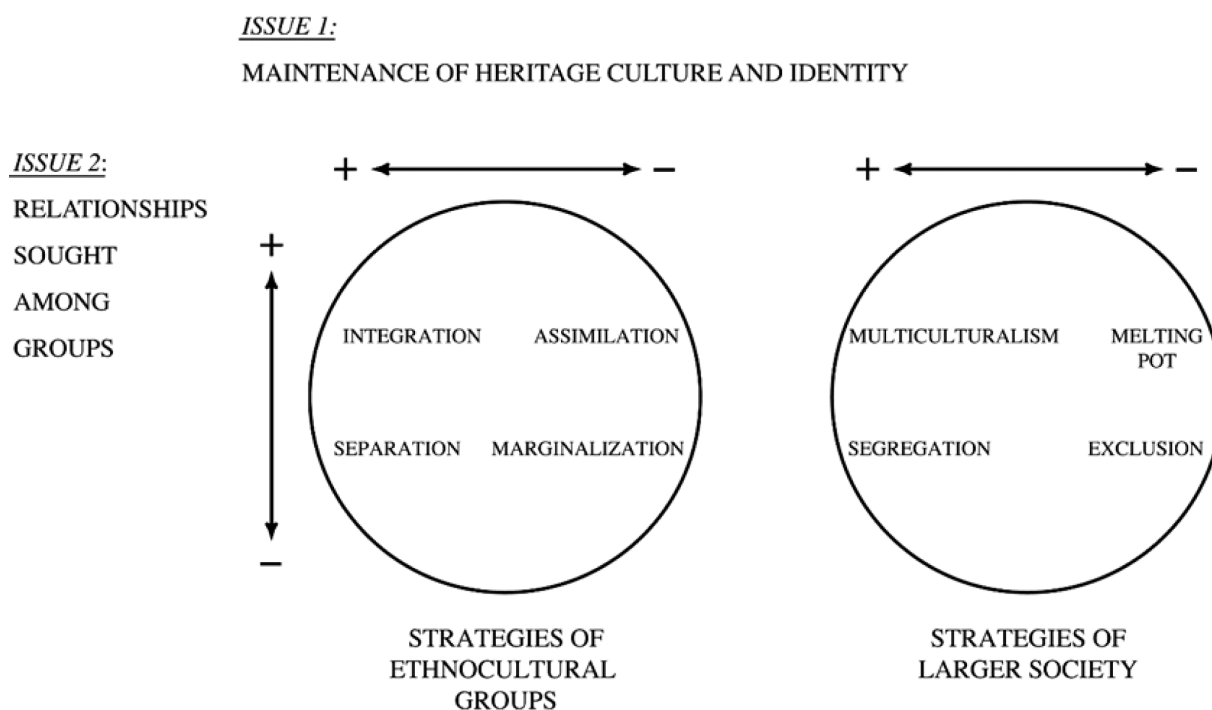

Fig. 1. Intercultural strategies among ethnocultural groups and the larger society [2]

cultural identity and seek daily interaction with other cultures, the assimilation strategy is defined. In contrast, when individuals place a high value on holding on to their original culture, and at the same time wish to avoid interaction with others, then the separation alternative is defined. When there is an interest in both maintaining ones original culture, while being in daily interactions with other groups, integration is the option. In this case, there is some degree of cultural integrity maintained, while at the same time seeking, as a member of an ethnocultural group, to participate as an integral part of the larger social network. Finally, when there is little possibility or interest in cultural maintenance (often for reasons of enforced cultural loss), and little interest in having relations with others (often for reasons of exclusion or discrimination) then marginalization is defined.

The different terms used to describe the strategies of the dominant larger society are presented on the right side of Figure 1. These concern the ways that the larger society expects everyone to relate. If the dominant group expects assimilation, this is termed the melting pot. When separation is forced by the dominant group it is segregation. Marginalization, when imposed by the dominant group, is exclusion. Finally, for integration, when diversity and equity are widely accepted features of the society as a whole, it is called multiculturalism. With the use of these concepts and measures, comparisons can be made between the strategies and expectations used by individuals and their groups, and between non-dominant peoples and the larger society within which they are acculturating.

However, in most studies, no assessment is made of the acculturation strategies of members of dominant groups. To remedy this lack, recent work has gone beyond the study of the expectations that members of dominant groups have about how they prefer non-dominant group members to acculturate to examine their views about how they, themselves, prefer to acculturate in their increasingly diverse societies [18]. The question in these studies is the extent to which dominant group members wish to have contact with, and adopt aspects of, the non-dominant cultures.

Intergroup Ideologies

Since the initial presentation (Figure 1), many intergroup ideologies have been proposed in the literature, sometimes using the same dimensions and sometimes with similar names. The views captured by the terms multiculturalism, assimilation, and segregation in Figure 1 have been taken into these ideologies; however, no ideology has been advanced that corresponds to the concepts of exclusion/marginalization.

The eight ideologies that have been developed are: segregationism; assimilationism; multiculturalism; colorblindness; interculturalism; polyculturalism; omniculturalism; and cosmopolitanism. These various intergroup ideologies are not usually represented in their pure form in a society. Rather, in most cases, the ideologies are mixed or blended; they coexist, and one or another of its forms becomes dominant depending on socio-po-

litical conditions [13; 14]. In this paper, we distinguish among eight intergroup ideologies that are now widely studied and used. We begin with segregationism (SG) and assimilationism (AS), which are historically the first intergroup ideologies to be implicitly used to cope with cultural heterogeneity.

Segregationism

SG was one of the eight approaches that was in the original proposal [6], where it had two labels (separation and segregation), depending on which group was the focus. The view here seems to be that if group differences are the source of negative relations, the best policy is to keep groups away from each other. SG also argues that group differences are so great that it would be better for society if different cultural groups remained separate from each other [10; 15]. Today, the implementation of SG is rarely an ideology, nor is it explicitly carried out anywhere. Most societies have abandoned policies that systematically exclude members of particular groups, and have enacted laws and developed norms that prohibit such exclusion. Nevertheless, these exclusionary practices continue to exist in day-to-day behaviors in domains such as employment, education, housing, and political rights.

Assimilationism

AS was also one of the eight approaches that was in the original proposal, where it had two labels (assimilation and melting pot), depending on which group was the focus. These state policies that aimed at reducing cultural diversity and homogenizing the population can still be found [14]. AS prevailed until the 1960s in most settler societies (such as Australia, Canada and the US, and still in Israel); it reflects a preference for cultural uniformity and homogeneity. The view seems to be that if cultural differences are the basis for negative group relations, the solution is to eliminate or reduce such differences.

The influence of assimilation as an ideology can be seen even in research topics that were most popular in social psychology until the 1970s, such as the similarity-attraction paradigm: decades of research have shown that similarity breeds attraction. The implication is that, in accordance with assimilation, a culturally homogeneous society should ensure harmonious intergroup relationships, as evidenced by some strategies for reducing bias based on intergroup contact. Thus, AS presupposes the disappearance of group differences, so society becomes more homogeneous and cohesive. In addition, the assimilation of minorities includes their adaptation to the lifestyle of the majority group, so there is great continuity and stability in the 'core' of society. It also includes the adoption of the lifestyle of the majority, leading to the melting pot, which involves the fusion of all of the different minority and majority groups. The results in a transformed common 'mainstream' culture that continues to change as new groups emerge. In both cases, AS promotes cultural homogeneity by incorporating minorities as part of a pre-existing cultural group before members of minority groups can fully participate in large society [22].

Multiculturalism

Multiculturalism was also one of the original eight proposed ideologies. Multiculturalism (MC) as a state policy was first developed in the Canadian policy of multiculturalism in 1971, as an alternative to the long-standing emphasis on assimilation and/or segregation that had been advocated in Canada for immigrants, ethnocultural groups, and indigenous peoples [3]. MC has largely replaced AS (as well as SG) as the dominant approach to managing cultural diversity in many societies. The key features of MC are the recognition, maintenance, and celebration of group differences. The ideology includes the belief that when everyone's culture can be made secure by its acceptance and promotion, positive intergroup relations will result. That is, unlike AS where cultures are threatened, or SG where cultures are placed outside participation, MC accepts and incorporates them as integral parts of the larger society.

One way to achieve this incorporation is by using the principle of *laissez-faire*, which assumes that the state allows social forces to determine the way in which group differences are recognized, maintained, and rewarded. This is what takes place in the USA, and in some other settler societies. Another way is MC that is planned and promoted; this involves more direct state intervention in the process of recognizing, preserving, and supporting group differences. This is the case in Australia and Canada, where MC is the official policy. MC argues that attention should be paid to ethnicity and race, because prejudice arises in part from insufficient knowledge and recognition of other groups, and that prejudice can be reduced by recognizing, examining, and accepting differences between cultural groups [14].

MC is seen in many ways as the opposite of AS. Various cultural and civil rights movements have drawn attention to the rights of marginalized or non-dominant racial and ethnic groups to preserve their own culture and to recognize and respect those cultures. Therefore, the definitions and goals of MC are that race and ethnicity should be paid attention to (and not ignored), that cultures of virtually all racial and ethnic groups are equally important (that is, some cultures are not superior to others), and everyone in society is not obliged to share common culture for all [14; 27].

These two features of MC (diversity and equity) have remained central to the Canadian policy since its inception. However, most recently the incorporation of everyone into a Canadian civic society has come to the fore with an emphasis on common citizenship for all. This shift as going from ethnicity MC (with a focus on cultural diversity), to equity MC (focus on equitable participation), to civic MC (focus on society-building and inclusiveness), and to integrative MC (focus on identification with Canada, and full incorporation of cultural groups into the larger Canadian society) [9].

However, MC can take different forms and include different elements to varying degrees. First, MC can simply be aimed at exploring cultural differences between different racial and ethnic groups and drawing attention to them in order to understand the lives, experiences, and perspectives of others (a form of 'the importance of differ-

ences'). MC can also take the form of teaching the value of the contribution of different groups to a culturally diverse society, which, through such an overview, is able to solve problems more effectively (the 'value of the contribution' form of MC). Finally, MC can include an emphasis on groups that maintain their own culture and traditions, such as immigrants in a new country or on non-dominant groups, in direct opposition to AS [27; 28].

Some researchers also distinguish between a positive version of MC (recognizing and maintaining differences to create a strong, culturally diverse community) and a negative version (which is seen as a form of SG, in which different groups in society are so different that integrating them all into a single whole is problematic) [24; 27]. Another similarity with SG that has been proposed is that MC is a form of 'divide and conquer' by which cultural groups are kept separate, creating a host of 'parallel societies' ("State multiculturalism has failed, says David Cameron" – <https://www.bbc.com/news/uk-politics-12371994>).

Moreover, it is important to understand what is meant in the literature by MC (conceptualization) and how MC was measured (operationalization), e.g., some measures had only about 27% common variance [see 26]. Also, in contrast to Berry and Kalin's Multicultural Ideology Scale (1995) [5], the operationalization of MC often covers only the attitude towards cultural diversity and omits the dimension of social participation [cf. 26; 31]. Different conceptualizations, operationalizations, and levels of analysis can complicate the interpretation of findings on MC [12].

In sum, MC is an intergroup ideology that strongly supports both cultural diversity, (advocating for the preservation of the culture of the heritage of immigrants and minorities) and also supports their full and equitable participation (while not requiring them to accept the culture of dominant groups as a precondition for full participation in society). It also supports the right of each group to decide whether they maintain their culture and to participate as culturally distinct communities. In other words, the ideology of MC is defined by: a positive attitude towards cultural groups (that is, a recognition of categorical differences, combined with a desire to preserve these differences in order to build a strong plural society); their full and equitable participation in the daily life of the larger society; and confirms their power to make these decisions. MC ideology contrasts strongly with AS (which does not value cultural differences) and with SG (which does not value their participation).

Colorblindness

A fourth ideology is that of colorblindness (CB). This is related to AS, although they differ in some fundamental ways, and is the opposite of MC. Initially, CB assumed that bias against minorities stems from people's inappropriate and superficial emphasis on group categories (such as race), and therefore this bias can be reduced by reducing the emphasis on group membership (such as by ignoring group differences). While CB is an ideology that depreciates group categories by emphasizing similarities (as for assimilation), it can also be implemented by emphasizing

individual differences (e.g., “every person is unique”). In this vein, this approach is based on the principle of treating people as individuals, which is reflected in such popular sayings as “you cannot judge a book by its cover” [14].

Thus, as with MC, CB can exist in three different forms: ‘similarity’, ‘preconditions for assimilation’, and ‘uniqueness’ [27]. The assumptions that race or ethnicity should not matter regardless of race or ethnicity, and that all people are the same, means that we should not classify people by ethnicity or race. It also means that there are clear conceptual grounds that distinguish CB (implying attempts to ignore group differences through decategorization) from AS (implying effort to reduce group differences through recategorization). Another reason why CB should not be confused with AS is that it implies an egalitarian orientation: everyone should be treated equally, which means equality without cultural differences (e.g., republicanism, meritocracy) [14; 25]. In other words, CB is defined by the desire to avoid categorical differences, going beyond ethnicity or race, and viewing people as individuals rather than as members of their ethnic or racial categories.

CB is also defined as an ideology in which non-dominant group members are responded to positively and benevolently. In contrast, AS devalues the qualities of the non-dominant group, and seeks their elimination. AS states that ‘we all shall be the same’, and this sameness will be determined by the norms of the dominant group. Non-dominant group members will be treated fairly and without reference to their membership in the category, only if they are fully prepared to assimilate with the culture of the dominant group [10; 31].

Interculturalism

Interculturalism (IC) is a special rethinking of AS and MC. What distinguishes IC from AS is a positive view of the value of cultural diversity to society. IC (as for MC) also aims to value both cultural diversity and the full participation of non-dominant groups in the larger society. The contrasting of IC with MC by the proponents of IC is based on their claims that they have something new to say. However, while rejecting MC, the IC proponents do not recognize that MC has both cultural maintenance and social participation in the ideology; it is not only maintenance. However, what does distinguish IC from MC is that IC promotes the idea of prioritizing and maintaining the culture of the national society, making a nod to the language and cultural values of the dominant group (the ‘mainstream’). This difference between IC and MC lies in the higher group status that is given to the culture of the majority group in a society. In contrast to IC, MC rejects the notion of a single majority ‘mainstream’ culture, and promotes a form of *egalitarian pluralism* that gives all cultural groups equal rights. IC, in contrast, is a form of *hierarchical pluralism* [28]. For example, in the Canadian context, IC is promoted in Quebec, which includes provisions for the official state language (French) and a set of social values that protects the culture of the Quebec minority as the dominant group in that province.

IC promotes three interrelated components: intergroup dialogue; identity flexibility; and the promotion of

a sense of unity in the society. First, according to IC proponents, MC includes a ‘groupness’ that some observers claim can lead to ‘parallel societies’ or segregation. In contrast, the emphasis in IC is on the importance of dialogue and interaction, which are considered to be critical to the development of harmonious intergroup relations in a plural society. Second, according to IC proponents, MC tends to prioritize the recognition of singular ‘origin’ identities (such as “Chechen”, “Irish” or “Arab”) and the promotion of ‘pure’ forms of identity, and the strengthening of essentialism. In contrast according to IC proponents, IC recognizes multiple and flexible identities with an increasing number of bicultural individuals, dual identifiers, hybrid identities, and mixed races, and therefore focuses on the development of cohesive civil societies by transforming concepts of single identities into concepts of multiple [30]. Nevertheless, this contrast between MC and IC seems biased.

Third, while MC emphasizes the value of recognizing relatively separate and stable minority ethnocultural identities, IC focuses on developing a common understanding of these differences. Proponents of IC argue that MC places too much emphasis on differences and what divides groups, while ignoring what unites groups, thereby encouraging disunity and fragmentation. In contrast, IC claims that a superordinate identity is a central category against the background of cultural differences between subgroups; this feature determines the hierarchical orientation of IC. In short, IC emphasizes the belief that, along with cultural differences, it is important to develop a sense of unity and shared belonging for community cohesion [30].

Polyculturalism

Historians have identified the ideology of polyculturalism (PC), which suggests that bias stems in part from people’s lack of knowledge of, and attention to, historical and contemporary interactions between different racial and ethnic groups [26]. These intercultural relations also lack a focus on the past (more) and present (to a lesser extent) connections between groups that are capable of solving this problem of bias. Various racial and ethnic groups have exchanged ideas and influenced each other throughout history.

PC, as well as MC and IC, involves the recognition of cultural diversity and has a positive attitude towards it, but instead of focusing on differences between different cultural groups, it focuses on the multiple connections between groups due to past and present interactions and mutual influences. This does not mean similarities, as for CB, but rather the related backgrounds of the different racial and ethnic groups that have shaped these cultures and groups. PC insists that there are no “pure” cultures belonging to specific racial or ethnic groups (culture is a continuous and not a discrete quantity and it is not clear where one ends and the other begins), and that culture should not be understood or used as a way of dividing and differentiating between groups, which may inadvertently be facilitated by the emphasis in MC on group differences. In contrast, PC emphasizes that all cultures and people are in fact the products of historical and contemporary interactions between many different racial and ethnic groups, all deeply connected to people from

other cultures through a common, ever-intersecting history and a common and changeable biological origin.

The various forms of PC are not yet well understood, but it can take the form of an emphasis on positive interactions and mutual influences between groups (i.e., the process and outcomes of acculturation). These changes have led to improvements in technology, knowledge, and science, and to the formation and sharing of well-known cultural products such as music, dance, and favorite food. They also may lead to emphasizing negative interactions between groups and how they have influenced history and current societies. While focusing only on negative interactions can heighten intergroup hostility, it is also possible that focusing only on positive interactions can be viewed as superficial [26; 27].

PC also shares some similarities with IC in that both have a less static view of culture. But, PC differs from IC by emphasizing interaction and interconnectedness, which is measured in terms of the existence of cultural ties and mutual cultural influences in the past. Moreover, PC does not contain the prescriptive normative expectations (“shoulds”) inherent in IC, and does not imply the belief that an orientation towards unity and flexibility of identity are necessary conditions for creating harmonious intergroup relations [30]. Indeed, it can mean that as intergroup ideology PC only focuses on the attitude towards cultural diversity and does not provide any clear view on the participation of ethnocultural groups in the life of the larger society.

Omniculturalism

The main goal of omniculturalism (OC) is to achieve a society bound by universal human values. This ideology also indicates a hierarchical orientation, in that ethnic cultures are secondary to universal human values. This goal should be achieved through educational efforts, by teaching children to emphasize traits and characteristics common to all people, and asking people to focus on common human characteristics when interacting with members of the outgroup [21]. According to the OC, common grounds must come from the discoveries of empirical psychology and Kantian ethical principles. After focusing on such a ‘common humanity’, attention should also be paid to ethnic identity and more specific cultural values. This combination of commonality and specificity is precisely what dual identity theorists suggest: identification with a superior category combined with recognition of local identity. It also corresponds to the concept of ‘universalism’ as defined in cross-cultural psychology: all peoples share common basic psychological processes, but develop and express them differently as a result of cultural experiences [8]. From this perspective, people must first acknowledge and prioritize what they have in common with all others in their society, and then in a second step, focus on their particular group culture. This involves a two-stage process of socialization of individuals: in the first stage, the emphasis is on the unifying common; in the second stage, intergroup differences and identities are introduced. Thus, the aim of OC is to create a solid foundation for unity between people within the framework of primary common identity, before emphasizing that people also belong to groups that are different from each other in some respects. The first phase of OC parallels the charac-

terization of the ‘community of cultures’ of PC. However, while OC focuses on the universals of human behavior established by research, PC focuses on patterns of social interaction and mutual influence, that is, on patterns that are often rooted in the historical past [22, 23].

Cosmopolitanism

The last intergroup ideology is cosmopolitanism (CP). Research in other fields, such as philosophy, political science, and sociology, has linked cosmopolitanism to adherence to universalist values and mutual respect between different groups, greater freedom, and egalitarianism. Analyzing the literature on CP, psychologists have proposed three main features of a cosmopolitan orientation: respect for cultural diversity; cultural openness, and global prosociality [20]. Respect for cultural diversity means recognizing cultural differences; and includes values such as tolerance and respect between different groups, as well as advocating for the maintenance of cultural diversity.

Cultural openness means intellectual sensitivity to the opinions of other cultures; that is, people with a CP orientation tend to learn from other cultures, are open to new ideas, and seek to broaden their horizons. CP is defined as an openness to cultural differences and a willingness to interact with people from other cultures.

Global prosociality refers to the conviction to promote justice and equal treatment regardless of ethnicity and nationality of people, to recognize fundamental human rights throughout the world, to defend universal morality, and to reject social domination and inequality, and fundamental human rights universally applicable to everyone in the world [20]. Thus, CP is more like an individual strategy for coping with cultural diversity; if MC describes the processes of transformation at the level of society, then CP starts from the self-actualization and development of individuals.

Taxonomy of Intergroup Ideologies

The taxonomy of intergroup ideologies proposed here is related to the eight original ideologies that were outlined in the introduction on the basis of three dimensions (cultural maintenance, social participation, and relative power) and that followed these three dimensions to address two issues: (i) *attitudes towards cultural diversity*; and (ii) *forms of inclusion of ethnocultural groups in the larger society* (including the issue of *hierarchy among groups*).

Based on the descriptions and analyses of the similarities and differences among the ideologies presented above, it is possible to assess how these issues are addressed using four indicators: (1) *celebrating differences*, (2) *status of groups*, (3) *opportunity for social interaction*, and (4) *way to ensure the unity of society*.

Intergroup ideologies include both a socially constructed superstructure (which creates and conveys social ideas about the organization of a particular society) and a motivational substructure (epistemological, existential, and relational motives), which in general constitutes a general system of beliefs about how society should function. These, in turn, provide a cognitive

framework for interpreting the social environment. Each of the ideologies of intergroup relations is based on different principles of categorization that differentiate the social world of a person in accordance with them [11]. The distinction between personal beliefs (*mental representations*) and beliefs prevalent in culture (*cultural representations*) may be necessary to understand the effects of intergroup ideologies and the variation of these effects in different contexts [14; 19]. For example, textbooks can be considered as an important source of cultural representations of different ethnocultural groups [17].

In theoretical terms, when considering intercultural relations, it is necessary to differentiate intergroup attitudes along several axes at once, which go beyond the simple issue of attitude towards cultural diversity, or attitudes towards specific ethnocultural groups. Issues about group positions (social status and relative power) and group security (absence of discrimination and subjugation) are also essential here.

In practical terms, an articulated intergroup ideology, like any other ideology in its motivational (or functional) aspect, should: (1) provide solidarity including shared reality; (2) ensure security; and (3) offer certainty [see 16]. It can be reached by eliminating intergroup threats, status-based antagonism and a high level of inequality, and by forming a positive civic identity, integrating all other social identities in a consistent manner. Providing solidarity, ensuring security, and offering certainty are components of various forms of inclusion of ethnocultural groups in the larger society.

In sum, the present analysis provides a basis for the elaboration of a general taxonomy of intergroup ideologies on two issues: (1) attitude towards cultural diversity and (2) forms of inclusion (either egalitarian or hierarchical) of ethnocultural groups in the larger society. The division of intergroup ideologies on these two issues suggests the taxonomy presented in Table 1.

This taxonomy of intergroup ideologies is structured according to these issues. The first issue is the attitude toward cultural diversity (across the top). On this dimension there are three intergroup ideologies, divided into those that: (1) *accept* cultural diversity (MC, CP, IC, SG, PC); (2) *ignore* cultural diversity (CB, OC); and (3) *reject* cultural diversity (AS and exclusion/marginalization). The second issue refers to the forms of inclusion and incorporates the dimension of the feature of the relative status or power of groups as well, divided into those that are: (1) *egalitarian* forms of inclusion (MC, CP, CB); (2)

hierarchical forms of inclusion (IC, OC, AS); and (3) do not imply any positive strategy of inclusion (SG, PC, exclusion/marginalization). SG and marginalization/exclusion have a hierarchical character, where the decision is taken by dominant groups to exclude non-dominant ones (for SG) or to exclude them and as well as to reject their cultures (for marginalization/exclusion). Note that marginalization fits into this taxonomy, but so far no ideology corresponding to it has been advanced. While such an ideology implicitly exists in the general population and is expressed by far-right political parties, but so far it has not been articulated by researchers, nor formally studied.

Egalitarian acceptance of cultural diversity can be both through the group level (MC) and the individual (CP). In addition, any positive form of inclusion in SG and PC is not expected. Since SG, on the contrary, is aimed at isolating different cultural groups (i.e., rejection of inclusion). And PC, due to its non-essentialist view, does not even touch on this issue, since all cultures are a product of a common history, which in this regard, assumes a completely different view of group affiliation.

Further analysis of the proposed intergroup ideologies contributes to the identification of some of their essential common elements, which make it possible to name the indicators in a specific country context. There are four indicators of these differences in intergroup ideologies:

(1) The first indicator concerns *celebrating differences*, which reflects the degree of tolerance for differences, as well as the provision of an opportunity to maintain and develop different and distinct cultures.

(2) The second indicator is *status of groups*, including and the granting of equal rights (i.e., intercultural asymmetry in rights).

(3) The third indicator is the *opportunity for social interaction*. Providing opportunities for contacts between groups includes the absence of isolationism, conflict, and intergroup threats, and provides opportunities for dialogue. It takes into account the degree of essentialism and flexibility of identities. For example, if there are insurmountable boundaries between cultural groups, such as how much they differ, and how conflictual and dangerous these differences are.

(4) The fourth indicator is whether there is a *way to ensure the unity of society*. Is there the presence of a vision of a common identity and a solution to the issue of how different cultural groups live together within the framework of one society? Are there specific national policies, norms, and practices of pluralism that promote national unity?

Table 1

Taxonomy of intergroup ideologies

Issues		Issue 1: Attitude towards cultural diversity		
		Acceptance	Ignoring	Rejection
Issue 2: Forms of inclusion of ethnocultural groups in the larger society	<i>Egalitarian inclusion</i>	Multiculturalism (Cosmopolitanism)	Colorblindness	-
	<i>Hierarchical inclusion</i>	Interculturalism	Omniculturalism	Assimilationism
	<i>Rejection of inclusion</i>	Segregationism	-	(Exclusion) (Marginalization)
	<i>No view on inclusion</i>	Polyculturalism	-	-

In this framework, *celebrating differences* is the only and key indicator for the issue of attitude towards cultural diversity. And *status of groups*, *opportunity for social interaction*, and *way to ensure the unity of society* are indicators of forms of inclusion of ethnocultural groups in the larger society, performing the functions of providing solidarity, ensuring security, and offering certainty in plural societies.

These identified indicators of intergroup ideologies allow us to develop a research program to analyze the intergroup ideology in a particular country. To analyze intergroup ideologies in a country's context, it is necessary to answer the following questions:

— *Celebrating differences*: What is the degree of tolerance for differences in a country? Are there opportunities to maintain and develop different cultures in a country?

— *Status of groups*: What is the view of group positions (i.e., group statuses, are there any dominant and privileged groups) and the granting of equal rights to different cultural groups in a country?

— *Opportunity for social interaction*: What are the opportunities for intergroup contact in a country? What is the level of mutual positive intergroup attitudes (i.e., **intercultural adaptation**) and the potential for intercultural conflict relations in a country? In what forms are opportunities for intercultural dialogue offered? Are there insurmountable boundaries between cultural groups (i.e., **essentialist beliefs**), how much are these cultural groups different (i.e., **cultural distance**)?

— *Way to ensure the unity of society*: What is the view of the common identity in a country? What are the current national policies and existing norms and practices regarding the cultural diversity of a country?

The analysis should be sensitive to the different contexts in which they are examined: national states (e.g., Germany, Denmark); immigrant/settler countries (e.g., Canada, the US); conglomerate countries (e.g., Russia, Indonesia); newly independent states (e.g., Azerbaijan, Georgia); or post-colonial states (e.g., Republic of South African, Morocco). Answers to these questions make it possible to understand what kind of intergroup ideology exists in the country and describe it.

This is similar to the Banting and Kymlick's Multicultural Policy Index (see <https://www.queensu.ca/mcp/>), which assesses multiculturalism policies and practices regarding immigrant minorities (e.g., affirmative action, bilingual education, dual citizenship), national minorities (e.g., territorial autonomy, official language status, guaranteed representation), and indigenous peoples (e.g., distinct status as nations, land rights, customary law) in 21 contemporary democracies. However, we have proposed some indicators that are more related to intercultural attitudes and intergroup relations than policies and practices.

Moreover, these indicators are related to a revised version of the Multicultural Ideology Scale (MCI-r), which is currently being developed to measure endorsement of multiculturalism in different cultural contexts [29]. The measure aims to cover several attitudinal dimensions of multiculturalism, relevant to the integration of different ethnocultural groups: Cultural Maintenance, Equity/Inclusion, Social Interaction, Essentialistic Boundaries, Extent of Differences, and Consequences of Diversity. Three new components of the measure (Essentialistic Boundaries, Extent of Differences, Consequences of Diversity) were added to those that were originally developed in Canada to assess attitudes towards multiculturalism [5]. These components correspond to core aspects of the proposed indicators: celebrating differences and Cultural Maintenance; status of groups and Equity/Inclusion; opportunity for social interaction and Social Interaction, Essentialistic Boundaries, Extent of Differences, and Consequences of Diversity.

Conclusions

Research on intergroup ideologies has increased in recent decades, as a concern for how to understand and manage cultural diversity has increased. More diversity has been documented in many societies; policy shifts have taken place in response to these changes in diversity, and in public attitudes. It is essential for such research to continue, indeed be increased. Our proposed taxonomy of specific intergroup ideologies could provide a guide for this research.

References

1. Berry J.W. Acculturation as varieties of adaptation. In A. Padilla (Ed.), *Acculturation: Theory, Models and some New Findings*, (pp. 9–25). Boulder: Westview, 1980.
2. Berry J.W. Conceptual approaches to acculturation. In K. Chung, P. Balls-Organista, G. Marin (Eds.). *Acculturation: Advances in Theory, Measurement, and Applied Research*, (pp. 17–37). Washington: APA, 2003.
3. Berry J.W. Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1984. Vol. 16, no. 4, pp. 353–370.
4. Berry J.W. Psychological aspects of cultural pluralism. *Topics in Culture Learning*, 1974. Vol. 2, pp. 17–22.
5. Berry J.W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 National Survey. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1995. Vol. 27, pp. 301–320. DOI:10.1037/0008-400X.27.3.301
6. Berry J.W., Kalin R., Taylor D. *Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada*. Ottawa: Ministry of Supply and Services. 1977.
7. Berry J.W., Lepshokova Z., MIRIPS Collaboration, Grigoryev D. How shall we all live together?: Meta-analytical review of the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project. *Applied Psychology: An International Review*, 2021. DOI:10.1111/apps.12332
8. Berry J.W., Poortinga Y.H., Breugelmans S.M., Chasiotis A., Sam D.L. *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications* (3rd ed.). Cambridge: Cambridge University Press. 2011.
9. Fleras A. *The Politics of Multiculturalism*. Palgrave Macmillan US, 2009. DOI:10.1057/9780230100121
10. Hahn A., Banchevsky S., Park B., Judd C.M. Measuring intergroup ideologies. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2015. Vol. 41, no. 12, pp. 1646–1664. DOI:10.1177/0146167215607351
11. Grigoryev D., Batkhina A., Dubrov D. Assimilationism, multiculturalism, colorblindness, and polyculturalism in the

Russian context. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2018. Vol. 14, no. 2, pp. 53–65. DOI:10.17759/chp.2018140206 (In Russ., abstr. in Engl.)

12. Grigoryev D., Batkhina A., van de Vijver F., Berry J.W. Towards an integration of models of discrimination of immigrants: From ultimate (functional) to proximate (sociofunctional) explanations. *Journal of International Migration and Integration*, 2020. Vol. 21, no. 3, pp. 667–691. DOI:10.1007/s12134-019-00677-w

13. Guimond S., Crisp R.J., de Oliveira P., Kamiejski R., Kteily N., ... Zick A. Diversity policy, social dominance, and intergroup relations: Predicting prejudice in changing social and political contexts. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2013. Vol. 104, no. 6, pp. 941–958. DOI:10.1037/a0032069

14. Guimond S., de la Sablonnière R., Nugier A. Living in a multicultural world: Intergroup ideologies and the societal context of intergroup relations. *European Review of Social Psychology*, 2014. Vol. 25, no. 1, pp. 142–188. DOI:10.1080/10463283.2014.957578

15. Gündemir S., Martin A.E., Homan A.C. Understanding diversity ideologies from the target's perspective: A review and future directions. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10, pp. 1–10. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00282

16. Jost J.T., Federico C.M., Napier J.L. Political ideology: Its structure, functions, and elective affinities. *Annual Review of Psychology*, 2009. Vol. 60, no. 1, pp. 307–337. DOI:10.1146/annurev.psych.60.110707.163600

17. Kozlova M., Ryabichenko T. Ideologies of intergroup relations in pedagogical discourse: Representation of cultures and intercultural interaction in the educational books for migrant children. *Journal of Intercultural Communication Research*, 2021. 1–15. DOI:10.1080/17475759.2021.1910065

18. Kunst J.R., Lefringhausen K., Skaar S., Obaidi M. Who adopts the culture of ethnic minority groups? A personality perspective on majority-group members' acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 2021. Vol. 81, pp. 20–28. DOI:10.1016/j.ijintrel.2021.01.001

19. Lankester L.-A., Alexopoulos T. From diversity ideologies to the expression of stereotypes: Insights into the cognitive regulation of prejudice within the cultural-ecological context of French laïcité. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 11, pp. 1–12. DOI:10.3389/fpsyg.2020.591523

20. Leung A.K.-Y., Koh K., Tam K.-P. Being environmentally responsible: Cosmopolitan orientation predicts pro-environmental behaviors. *Journal of Environmental Psychology*, 2015. Vol. 43, pp. 79–94. DOI:10.1016/j.jenvp.2015.05.011

21. Moghaddam F.M. Omniculturalism: Policy solutions to fundamentalism in the era of fractured globalization. *Culture & Psychology*, 2009. Vol. 15, no. 3, pp. 337–347. DOI:10.1177/1354067X09337867

22. Moghaddam F.M. The omnicultural imperative. *Culture & Psychology*, 2012. Vol. 18, pp. 304–330. DOI:10.1177/1354067X12446230

23. Moghaddam F.M. Omniculturalism, diversity, and human commonalities. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2020. Vol. 26, no. 2, pp. 107–109. <http://doi.org/10.1037/pac0000471>

24. Ng Tseung-Wong C., Verkuyten M. Diversity ideologies and intergroup attitudes: When multiculturalism is beneficial for majority group members. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2016. Vol. 21, no. 2, pp. 336–350. DOI:10.1177/1368430216663021

25. Rattan A., Ambady N. Diversity ideologies and intergroup relations: An examination of colourblindness and multiculturalism. *European Journal of Social Psychology*, 2013. Vol. 43, no. 1, pp. 12–21. DOI:10.1002/ejsp.1892

26. Rosenthal L., Levy S.R. The relation between polyculturalism and intergroup attitudes among racially and ethnically diverse adults. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 2012. Vol. 18, no. 1, pp. 1–16. DOI:10.1037/a0026490

27. Rosenthal L., Levy S.R. The colorblind, multicultural, and polycultural ideological approaches to improving intergroup attitudes and relations. *Social Issues and Policy Review*, 2010. Vol. 4, no. 1, pp. 215–246. DOI:10.1111/j.1751-2409.2010.01022.x

28. Scott C., Safdar S. Threat and prejudice against Syrian refugees in Canada: Assessing the moderating effects of multiculturalism, interculturalism, and assimilation. *International Journal of Intercultural Relations*, 2017. Vol. 60, pp. 28–39. DOI:10.1016/j.ijintrel.2017.06.003

29. Strogiani M., Berry J.W., Grigoryev, D., Murdock E., Schmidt L.-M., Back C. Development and validation of the revised Multicultural Ideology Scale (rMCI) in Germany and Luxembourg. *Psychological Reports*, 2021. DOI:10.1177/00332941211041009

30. Verkuyten M., Yogeewaran K., Mephram K., Sprong S. Interculturalism: A new diversity ideology with interrelated components of dialogue, unity, and identity flexibility. *European Journal of Social Psychology*, 2020. Vol. 50, no. 3, pp. 505–519. DOI:10.1002/ejsp.2628

31. Whitley B.E., Jr., Webster G.D. The relationships of intergroup ideologies to ethnic prejudice: A meta-analysis. *Personality and Social Psychology Review*, 2018. Vol. 23, no. 3, pp. 207–237. DOI:10.1177/1088868318761423

Information about the authors

Dmitry Grigoryev, PhD in Psychology, Research Fellow, Center of Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

John W. Berry, PhD in Psychology, Research Professor, Center of Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Информация об авторах

Григорьев Дмитрий Сергеевич, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Берри Джон У., кандидат психологических наук, профессор-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2587-2879>, e-mail: elderberrys@gmail.com

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021

Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры

Н.М. Лебедева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>, e-mail: nlebedeva@hse.ru

В статье анализируется роль диаспорной активности как медиатора взаимосвязи этнической идентичности и психологического благополучия у русских Кыргызстана и Эстонии (N=609). Результаты структурного моделирования показали, что выраженность этнической идентичности позитивно связана с вовлеченностью в деятельность русской диаспоры в обеих странах, при этом диаспорная активность русских значимо выше в Кыргызстане, чем в Эстонии. Участие в разных видах диаспорной активности медирует взаимосвязь этнической идентичности и психологического благополучия русских: сохранение коллективной исторической памяти и участие в публичных акциях в Кыргызстане и активность по сохранению русского языка и культуры в Эстонии. Результаты исследования могут послужить основой практических рекомендаций по поддержке русской диаспоры на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: этническая идентичность, диаспорная активность, психологическое благополучие, русские, Кыргызстан, Эстония.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268.

Для цитаты: Лебедева Н.М. Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 16–24. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170402>

Ethnic Identity and Psychological Well-Being of Russians in Post-Soviet Space: The Role of Diaspora

Nadezhda M. Lebedeva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>, e-mail: nlebedeva@hse.ru

The article analyzes the role of different forms of diaspora activity as a mediator of the relationship between ethnic identity and psychological well-being of Russians in Kyrgyzstan and Estonia (N = 609). The results of structural equation modeling showed that ethnic identity salience is significantly positively associated with the involvement in all types of Russian diaspora activities both in Kyrgyzstan and in Estonia. Russians' participation in all types of diaspora activity is significantly higher in Kyrgyzstan than in Estonia. Participation in different types of diaspora activity mediates the relationship of ethnic identity and psychological well-being: in Kyrgyzstan – participation in public actions and activity aimed at preservation of collective historical memory; in Estonia – activity aimed at maintenance of Russian language and culture. The results can serve as the basis for practical recommendations for supporting the Russian diaspora in the post-Soviet space.

Keywords: ethnic identity, diaspora activity, psychological well-being, Russians, Kyrgyzstan, Estonia.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RCF), project number 20-18-00268.

For citation: Lebedeva N.M. Ethnic Identity and Psychological Well-Being of Russians in Post-Soviet Space: The Role of Diaspora. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 16–24. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170402> (In Russ.).

Введение

В современном мире трудно переоценить роль диаспор. В связи с глобализацией, миграционными процессами число диаспор постоянно увеличивается. Анализ показал, что термин «диаспора» не имеет универсального содержания [5; 8], однако многие авторы выделяют ряд общих характерных черт диаспоры: единство этнического происхождения, наличие стойкой этнической самоидентификации, нахождение в иноэтническом окружении вне ареала расселения своего народа, наличие социальных институтов для обеспечения потребностей диаспоры [8].

Опираясь на эти характеристики, мы можем рассматривать русских, живущих в странах бывшего СССР (около 15,5 миллионов человек [10]), как диаспору.

В начале 90-х гг. попытки самоорганизации русских диаспор на постсоветском пространстве не увенчались успехом. Ситуация стала меняться после того, как Россия озаботилась судьбой соотечественников и официально вынесла вопрос в разряд приоритетных в своей внешней политике [1].

Цели данного исследования:

- определить наиболее популярные виды диаспорной активности русских в странах бывшего СССР (ныне независимых Кыргызстане и Эстонии);
- выявить, какую роль играет диаспорная активность русских во взаимосвязи их этнической идентичности и психологического благополучия. Иными словами, усиливает ли участие в различных акциях диаспоры позитивное самоощущение русских на постсоветском пространстве или, наоборот, снижает.

Социокультурный контекст: сравнительный анализ

Данное исследование проводилось в двух странах бывшего Советского Союза — Кыргызстане и Эстонии. Русские расселились на территории этих стран более 200 лет назад. После распада СССР наблюдалась массовая миграция русских из этих республик. На сегодняшний день русских в Кыргызстане насчитывается 341,4 тыс. человек, или 5,1% [7], в Эстонии — 322,7 тыс., или 24,3% [20].

После распада СССР русские получили гражданство Кыргызстана автоматически. По данным 2011 года, гражданство Эстонии имели около 54% эстонских русских, гражданство России — около 24%, статус негражданина — около 21% [21].

В Кыргызстане два официальных языка — кыргызский и русский [4]. В Эстонии единственный государственный и официальный язык — эстонский [23].

В Кыргызстане в 216 школах обучение ведется только на русском языке, а в 551 школе существует

смешанный язык обучения (кыргызский и русский) [6]. В вузах Кыргызстана на русском языке учатся 70% студентов, а в школах — 30% детей. В Эстонии только в 78 школах обучение ведется на русском языке [18]. С 2007 г. 60% всех предметов в старших классах средней школы преподаются на эстонском языке [19]. Большинство русскоязычных жителей страны предпочитают отдавать своих детей в учебные заведения с эстонским языком обучения. При этом среди русских в Эстонии наблюдается ярко выраженная ориентация на сохранение родного языка и русских культурных традиций [9]. Данное обстоятельство позволяет исследователям говорить о нелинейности процессов интеграции — повышение уровня владения государственным языком, принятие эстонского гражданства и улучшение социо-экономического статуса эстонских русских еще не означает их социальной и идентификационной интеграции в эстонское общество [15].

По мнению экспертов, эффективным механизмом интеграции выступают институты русской диаспоры [2; 13]. В советское время русская диаспора в Кыргызстане, как и в других республиках СССР, не была консолидированной. Однако после распада СССР появились проблемы, решение которых требовало общего участия (сохранение русского языка, культуры). Это привело к появлению первых общественных организаций в Кыргызстане [2], большинство из которых занимались гуманитарными программами и фольклорными мероприятиями.

С середины нулевых многие организации стали строить свою работу в соответствии с ожиданиями диаспоры. Особенности социально-политической ситуации в Кыргызстане (частые смены политических элит) актуализировали желание русских участвовать в политической жизни страны. Образуются правозащитные и молодежные организации, деятельность которых направлена на сохранение исторической памяти, например, участие в общественных акциях «Бессмертный полк» и др. В настоящее время в Кыргызстане официально зарегистрировано более 70 общественных объединений российских соотечественников [13].

В рамках Союза объединений российских соотечественников в Эстонии создано 42 объединения общественной, патриотической, культурной, образовательной и спортивной направленности [12]. Однако вовлеченность представителей русского этнического меньшинства в жизнь диаспоры остается достаточно низкой. Среди факторов, препятствующих объединению русских, эксперты выделяют размытую этническую идентичность русских [24], отсутствие ярких лидеров [22], неоднородность русской общины, длительность проживания в стране и степень интегрированности в эстонское общество [9; 24].

Русская диаспора активно работает в направлении сохранения русского языка и культуры. Проводится большое количество мероприятий, фестивалей и праздников. Также для русских в Эстонии важным является сохранение коллективной памяти о событиях Второй мировой войны. Особенности социокультурного контекста, связанные с тем, что эстонская интерпретация прошлого отрицает позитивный образ русского солдата в качестве героя-освободителя [25], актуализируют потребность русских в сохранении исторического наследия.

Проведенный анализ позволил выделить ряд общих позиций и особенностей каждой из стран. После распада СССР отмечается размытая этническая идентичность русских в обеих странах и слабая консолидация русской общины. Для диаспор обеих стран характерно стремление к сохранению коллективной исторической памяти. При этом особенности социокультурного контекста обуславливают разные потребности русских в двух странах, в реализации которых важную роль может играть диаспора: в Кыргызстане — это участие русских в общественно-политической жизни страны, в Эстонии — сохранение русского языка и культуры.

Теоретические основы исследования

В своем исследовании мы опирались на теорию социальной идентичности, которая рассматривает силу идентификации как важный фактор активности, связанной с членством в группе [29]. Люди, сильнее отождествляющие себя со своей группой, более склонны к просоциальному поведению по отношению к другим членам группы [27].

Опираясь на эти данные, а также учитывая то, что «размытая» этническая идентичность не способствовала объединению русских в общины [24], мы выдвинули нашу первую гипотезу:

Гипотеза 1. Выраженность этнической идентичности представителей русского этнического меньшинства будет позитивно связана с их диаспорной активностью в Кыргызстане и Эстонии.

В ряде исследований было обнаружено, что этническая идентичность положительно связана с самооценкой [16; 30] и удовлетворенностью жизнью [28] среди этнических меньшинств. Однако есть исследования, показывающие, что выраженная этническая идентичность не всегда способствует психологическому благополучию; важную роль в этой взаимосвязи играет социокультурный контекст [17]. В исследованиях, проведенных в Эстонии, была выявлена отрицательная взаимосвязь между этнической иден-

тичностью и удовлетворенностью жизнью русских [25]. Опираясь на эти данные, мы сфокусировались на компоненте психологического благополучия, наиболее связанном с этнической идентичностью, — самоуважением, — и выдвинули нашу вторую гипотезу.

Гипотеза 2. Выраженность этнической идентичности представителей русского этнического меньшинства положительно взаимосвязана с их самоуважением в Кыргызстане и Эстонии.

Исследования показывают, что вовлеченность в деятельность диаспоры способствует сохранению позитивной этнической идентичности, что может смягчать негативные последствия воспринимаемой дискриминации, повышая психологическое благополучие [26].

Учитывая анализ социокультурного контекста, мы предположили, что в этих двух республиках чаще будут проявляться разные виды диаспорной активности: в Эстонии русским будет более свойственно объединяться для защиты своего языка и культуры, в Кыргызстане для русских более важным будет участие в политических и общественных акциях. В обеих странах важным для русских будет участие в движениях по сохранению коллективной исторической памяти, так как трактовка событий XX века часто различается у представителей большинства и меньшинства в данных странах.

Исходя из этого, мы сформулировали нашу третью гипотезу:

Гипотеза 3. Разные виды диаспорной активности в Кыргызстане и Эстонии будут позитивно взаимосвязаны с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства.

Учитывая сложную связь между этнической идентичностью и психологическим благополучием русских, а также особенности социокультурного контекста исследуемых стран, мы сформулировали наш исследовательский вопрос.

Могут ли разные формы диаспорной активности влиять на эту связь?

Выборка исследования

В социально-психологическом опросе приняли участие 300 русских респондентов из Кыргызстана и 309 русских респондентов из Эстонии (табл. 1).

Процедура исследования

В опросе использовалась удобная выборка, мы применяли метод «снежного кома». В распространении опросника в Кыргызстане помогли исследовате-

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Респонденты	N	Пол		Возраст			
		Мужской	Женский	Min.	Max.	M	SD
Русские Кыргызстана	300	35,2%	64,8%	17	65	35,56	17,40
Русские Эстонии	309	47,9%	52,1%	18	75	37,46	16,56

ли из Кыргызско-Российского Славянского университета, в Эстонии — исследователи из Таллинского университета. Участие в исследовании было добровольным, анонимность гарантировалась.

Инструментарий

Этническая идентичность [3]. Шкала включала в себя 4 утверждения, например: «Я горд быть русским».

Диаспорная активность. Шкала включала 4 субшкалы, измеряющих разные направления деятельности диаспоры:

«сохранение русского языка и культуры» (например: «Я читаю местную русскоязычную прессу»);

«участие в жизни Православной общины» (например: «Я посещаю службы в Русской православной церкви»);

«сохранение коллективной памяти» (например: «Я отмечаю памятные даты истории России вместе с другими членами общины»);

«участие в публичных акциях» (например: «Вместе с другими членами общины я участвую в публичных акциях»).

Самоуважение. Мы использовали шкалу из 4 утверждений (например: «В целом, я удовлетворен собой» [3]).

Удовлетворенность жизнью. Была использована шкала, включающая 4 утверждения (например: «В целом, я удовлетворен своей жизнью») [3].

Респонденты давали свои ответы по 5-балльной шкале Ликерта от 1 — «Полностью не согласен», до 5 — «Полностью согласен».

Математико-статистический анализ проводился с помощью статистического пакета SPSS 27.0 с использованием дополнительного модуля PROCESS и программы AMOS.

Результаты

В табл. 2 представлены средние значения всех исследуемых переменных. Сравнительный анализ с использованием MANOVA, где страна являлась

независимой переменной, а выраженность этнической идентичности, уровень диаспорной активности и психологическое благополучие — зависимыми переменными, показал значимый эффект: Wilks's $\Lambda=0,777$; $F(7, 599)=24,517$; $p=0,000$; $\eta^2=0,223$.

Результаты показали, что почти все переменные были значимо выше у русских в Кыргызстане, чем в Эстонии, за исключением уровня удовлетворенности жизнью.

Для тестирования гипотез мы использовали моделирование структурными уравнениями. Проведенный нами мультигрупповой анализ взаимосвязи между этнической идентичностью, диаспорной активностью и психологическим благополучием русских в двух странах показал отсутствие структурной инвариантности (полученные нами показатели ($\Delta CFI=0,04$; $\Delta RMSEA=0,08$) были выше, чем рекомендуемые ($\Delta CFI < 0,01$; $\Delta RMSEA < 0,01$)). Исходя из этого, мы проанализировали данные взаимосвязи в каждой из стран по отдельности. Модель (рис. 1) продемонстрировала хорошие показатели пригодности: Кыргызстан: $\chi^2/df = 0,05$; $CFI=1,00$; $SRMR=0,002$; $RMSEA=0,01$ $PCLOSE=0,88$; Эстония: $\chi^2 / df = 0,24$; $CFI = 1,00$; $SRMR = 0,005$; $RMSEA = 0,00$; $PCLOSE = 0,74$.

Согласно результатам, выраженность этнической идентичности значимо положительно связана с вовлеченностью во все виды деятельности русской диаспоры в обеих странах, что подтверждает нашу первую гипотезу.

Далее мы проанализировали взаимосвязь между этнической идентичностью и самоуважением русских в Кыргызстане и Эстонии, которая оказалась положительной, но статистически не значимой. Наша вторая гипотеза не подтвердилась.

Для тестирования третьей гипотезы мы проанализировали взаимосвязь между участием в разных видах диаспорной активности и психологическим благополучием у русских в Кыргызстане и Эстонии. Вовлеченность в деятельность по сохранению коллективной исторической памяти, а также участие в публичных акциях были значимо положительно связаны с самоуважением у русских Кыргызстана. При этом взаимосвязи участия в жизни Православной

Таблица 2

Сравнение выраженности этнической идентичности, видов диаспорной активности и психологического благополучия у представителей русского этнического меньшинства в Кыргызстане и Эстонии

№	Переменные	Кыргызстан			Эстония			F (3,601)	Partial η^2
		M	SD	α	M	SD	α		
1	Этническая идентичность	4,30	0,77	0,70	4,01	1,01	0,91	17,31	0,03***
Виды диаспорной активности									
2	Сохранение русского языка и культуры	3,93	0,85	0,83	3,49	1,01	0,85	33,41	0,05***
3	Участие в жизни Православной общины	2,73	1,19	0,85	2,23	1,16	0,89	30,78	0,05***
4	Сохранение коллективной памяти	3,87	0,96	0,79	2,90	1,21	0,87	124,91	0,17***
5	Участие в публичных акциях	3,60	1,04	0,75	2,65	1,21	0,83	108,07	0,15***
Психологическое благополучие									
6	Самоуважение	4,31	0,57	0,68	4,08	0,58	0,81	25,35	0,04***
7	Удовлетворенность жизнью	3,35	0,80	0,74	3,34	0,81	0,80	0,027	0,000

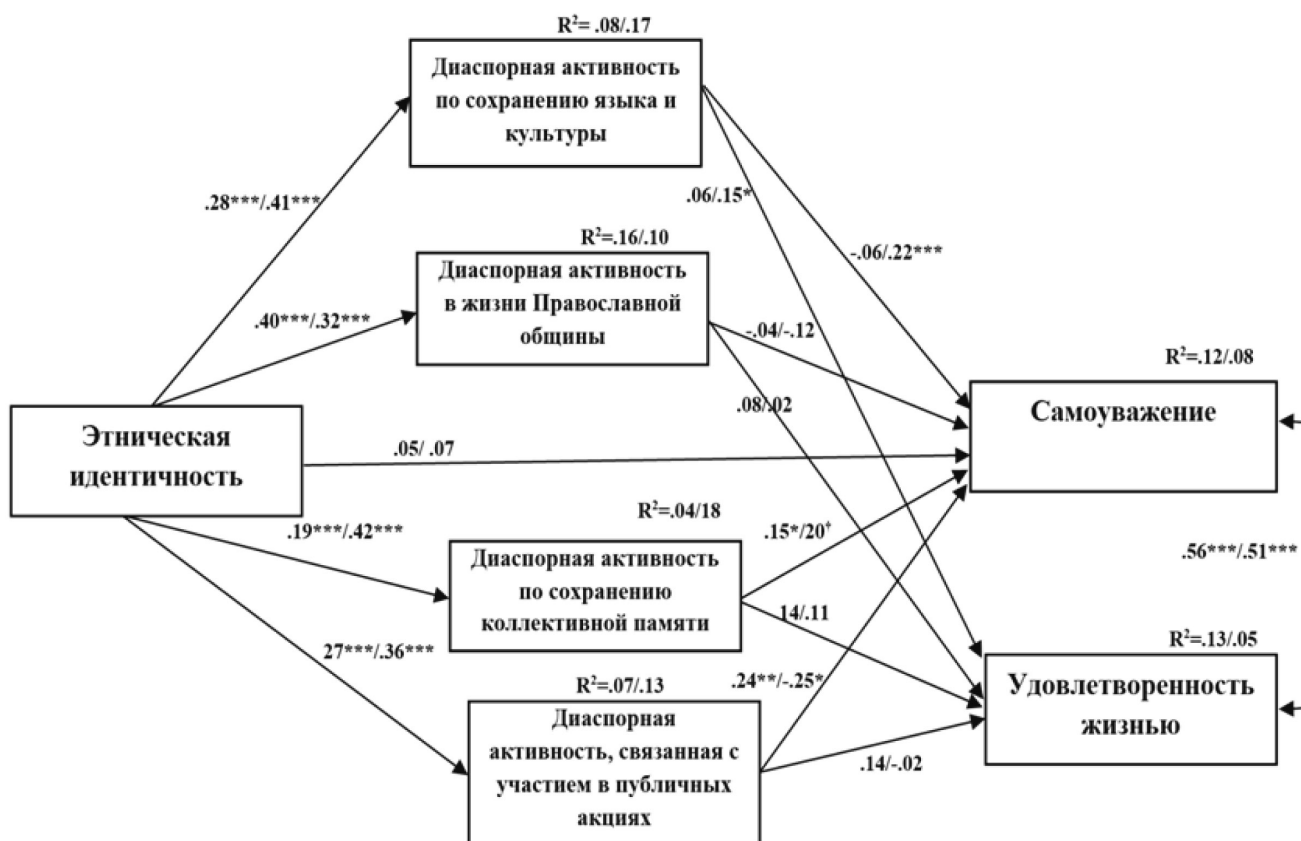

Рис. 1. Путевая модель взаимосвязи этнической идентичности, диаспорной активности и психологического благополучия у представителей русского этнического меньшинства в Кыргызстане/Эстонии: † – $p = 0,06$; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$

общины и активности по сохранению родного языка и культуры с психологическим благополучием у русских Кыргызстана были незначимы.

В Эстонии, напротив, наблюдалась значимая положительная взаимосвязь диаспорной активности по сохранению русского языка и культуры с показателями психологического благополучия (самоуважением и удовлетворенностью жизнью) и значимая отрицательная взаимосвязь между участием в публичных акциях и самоуважением. Кроме того, на уровне статистической тенденции ($p = ,061$) была выявлена положительная взаимосвязь участия в деятельности общины по сохранению коллективной памяти с самоуважением. Взаимосвязь между вовлеченностью в жизнь Православной общины и психологическим благополучием в Эстонии, как и в Кыргызстане, была незначимой. Данные результаты частично подтвердили нашу третью гипотезу.

Для ответа на наш исследовательский вопрос был проведен медиационный анализ. Полученные результаты показали, что среди русских Кыргызстана имеется значимый позитивный непрямой эффект этнической идентичности на самоуважение через диаспорную активность, направленную на сохранение коллективной памяти ($\beta = 0,03$; $p < 0,05$; 95% CI: [0,0001; 0,06]), а также вовлеченность в публичные акции диаспоры ($\beta = 0,04$; $p < 0,05$; 95% CI: [0,002; 0,08]).

В Эстонии обнаружены значимые позитивные не-прямые эффекты этнической идентичности на само-

уважение ($\beta = 0,09$; 95% CI: [0,03; 0,16]) и удовлетворенность жизнью ($\beta = 0,06$; 95% CI: [0,009; 0,12]) через диаспорную активность, направленную на сохранение русского языка и культуры. Примечательно, что прямые эффекты выраженности этнической идентичности на самоуважение и удовлетворенность жизнью, не опосредованные диаспорной активностью, были незначимыми в обеих странах.

Обсуждение результатов

Результаты нашего исследования подтвердили первую гипотезу о положительной взаимосвязи этнической идентичности русских Эстонии и Кыргызстана с их вовлеченностью в деятельность диаспоры. Данные результаты согласуются с результатами предыдущих исследований, свидетельствующими о положительной взаимосвязи этнической идентичности и активного участия в жизни общины [14].

Наша вторая гипотеза о прямой взаимосвязи этнической идентичности с самоуважением не подтвердилась. Полученные результаты расходятся с данными исследований на выборках китайских мигрантов в Канаде [16] и латиноамериканцев в США [39]. Наши результаты могут быть связаны с тем, что и у русских в Эстонии, и у русских в Кыргызстане исследователи отмечают размытую этническую идентичность [11; 24]. Это может быть связано с особенностями

контекста. В исследовании русских в Эстонии [25] отмечалось, что социально-политический контекст, способствующий ассимиляции русских, обуславливает отрицательную взаимосвязь этнической идентичности и психологического благополучия.

Третья гипотеза о позитивной взаимосвязи между вовлеченностью в разные виды диаспорной активности и психологическим благополучием русских в Кыргызстане и Эстонии подтвердилась частично. В Кыргызстане была выявлена положительная взаимосвязь диаспорной активности по сохранению коллективной исторической памяти и участия в публичных акциях с самоуважением русских.

Диаспорная активность, связанная с сохранением русского языка и культуры, в Кыргызстане не имела значимой связи с психологическим благополучием. Возможно, это связано с тем, что русский язык имеет высокий статус в стране, являясь, согласно Конституции, официальным языком, активно используется в образовании [4] и в повседневной жизни. Также не выявлено значимой взаимосвязи между диаспорной активностью в жизни Православной общины и психологическим благополучием русских в Кыргызстане.

В Эстонии была выявлена положительная взаимосвязь диаспорной активности, направленной на сохранение русского языка и культуры, с самоуважением и удовлетворенностью жизнью. Эти результаты согласуются с предыдущими исследованиями, свидетельствующими о ярко выраженной ориентации русских Эстонии на сохранение родного языка и культуры [15]. Многие представители русской диаспоры воспринимают этническую политику эстонских властей как ассимиляционную, что способствует формированию так называемой реактивной идентичности, усиливающей этническую компоненту [25]. Отсюда сохранение родного языка и культуры имеет исключительно важное значение для психологического благополучия эстонских русских.

На уровне тенденции в Эстонии была обнаружена взаимосвязь между самоуважением и диаспорной активностью, направленной на сохранение коллективной исторической памяти. Результаты предыдущих исследований показывают, что историческая память о Великой Отечественной войне играет важнейшую роль в национальном самосознании русских [25]. День победы отмечают 70% представителей нетитульного населения Эстонии, еще 30% считают его важным праздником, хотя и не отмечают лично [31]. Таким образом, вовлеченность в диаспорную активность, направленную на сохранение памяти о подвиге советских воинов, способствует самоуважению русских.

Взаимосвязь между психологическим благополучием русских и участием в жизни Православной общины в Эстонии также была незначимой. Кроме того, в Эстонии была выявлена отрицательная взаимосвязь между вовлеченностью в публичные акции и самоуважением. Можно предположить, что активное участие в общественной деятельности диаспоры предполагает вовлеченность в российское информационное поле, с характерными для него нарративами о дискриминации русских в Эстонии, из-за чего активные участни-

ки общественных организаций испытывают чувство депривации, «второсортности» и ограничения возможностей, что оказывает негативное влияние на их психологическое благополучие [22].

Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии прямой взаимосвязи между выраженностью этнической идентичности и психологическим благополучием русских жителей Эстонии. В то же время они указывают на наличие непрямого положительного эффекта этнической идентичности на удовлетворенность жизнью и самоуважение русских через их участие в диаспорной активности, направленной на сохранение родного языка и культуры. Данные результаты согласуются с предыдущими исследованиями, показывающими, что самой по себе ярко выраженной этнической идентичности порой оказывается недостаточно для того, чтобы компенсировать влияние воспринимаемой дискриминации на показатели психологического благополучия. Так, например, у эстонских русских степень выраженности этнической идентичности отрицательно связана с удовлетворенностью жизнью, что может быть объяснено особенностями социо-политического контекста, способствующего ассимиляции: представители русской диаспоры с выраженной этнической идентичностью более склонны воспринимать окружающую их действительность как несправедливую, дискриминирующую, что негативно сказывается на их удовлетворенности жизнью [25]. Возможно, участие в деятельности диаспоры, направленной на сохранение русского языка и культуры, позволяет смягчить негативное влияние воспринимаемой дискриминации, повышая уверенность в собственных силах и направляя сопротивление ассимиляционному давлению со стороны эстонского государства в более конструктивное русло.

Заключение

Проведенное нами кросс-страновое исследование взаимосвязи этнической идентичности и психологического благополучия у русских на постсоветском пространстве, а также роли диаспорной активности в этой взаимосвязи позволило нам прийти к следующим выводам.

- Выраженность этнической идентичности значимо положительно связана с вовлеченностью во все виды деятельности русской диаспоры и в Кыргызстане, и в Эстонии.
- Не существует значимой прямой взаимосвязи выраженности этнической идентичности и самоуважения у русских, как в Кыргызстане, так и в Эстонии.
- Участие русских во всех видах диаспорной активности значимо выше в Кыргызстане, чем в Эстонии.
- Участие в разных видах диаспорной активности позитивно опосредует взаимосвязь этнической идентичности и психологического благополучия: в Кыргызстане — сохранение коллективной исторической памяти и участие в публичных акциях; в Эстонии — активность по сохранению русского языка и

культуры и сохранение коллективной исторической памяти (на уровне тенденции).

Согласно результатам исследования, диаспорная активность помогает русским в их позитивном самоощущении, а усилия по сбережению языка и культуры, сохранению коллективной исторической памяти укрепляют взаимосвязь этнической самоидентификации с психологическим благополучием — т. е. ощущение себя русским связано не только с болью и унижением, а с самоуважением и гордостью за достижения своего народа.

Это одно из немногих социально-психологических исследований, вскрывающих роль диаспорной

активности в жизни, процессах этнической идентификации и психологическом благополучии русских, живущих в постсоветских странах. Оно показывает, что для нормальной, достойной жизни этнических меньшинств, сохранения ими родного языка, культуры, коллективных представлений об исторических событиях необходимы институты диаспоры, ее акции, а также поддержка со стороны «большой» родины, ненавязчивая, деликатная, учитывающая интересы русских за рубежом и вместе с тем реальная и действенная. Научные исследования этой проблемы могут послужить надежной основой для решений в этой сфере.

Литература

1. Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <https://vksrs.com/vsemirnyy-kongress/kongress/> (дата обращения: 27.03.2021).
2. Епифанцев С.В. Общественные организации русских на территории Кыргызской Республики: условия функционирования, описание и сравнительный анализ // Вестник КРСУ. 2011. Том 11. № 6. С. 68–74.
3. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М.: РУДН, 2009. 420 с.
4. Летняков Д.Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии [Электронный ресурс] // Политика. 2015. Том 4. № 79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetskoy-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 02.02.2021).
5. Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. Том 1. С. 24.
6. Молодов О. Русский язык как инструмент использования «мягкой силы» в странах Центральной Азии // Дискурс Пи. 2017. Том 14. № 1. С. 93–100.
7. Национальный состав населения [Электронный ресурс]. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (дата обращения: 21.06.2021).
8. Попков В.А. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6–22.
9. Русская диаспора Эстонии: состояние и перспективы. Итоговый аналитический доклад. М., 2011. 39 с.
10. Сколько русских в мире [Электронный ресурс]. URL: <https://mnogofactov.ru/v-mire/skolko-russkikh-v-mire-na-2016-god.html> (дата обращения: 20.03.2021).
11. Скринник В. Россия и зарубежные соотечественники. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2008. 432 с.
12. Список организаций Союза объединений российских соотечественников Эстонии СОПСЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://rusest.ee/spisok-organizatsij-soyuza-obedineni/> (дата обращения: 11.03.2021).
13. Штилов А. В. Организации российских соотечественников в Кыргызстане (региональный аспект) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2017. № 9. С. 33–36.
14. Bilewicz M., Wojcik A. Does identification predict community involvement? Exploring consequences of social identification among the Jewish minority in Poland // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2010. Vol. 20(1). P. 72–79. DOI:10.1002/casp.1012

References

1. Vsemirnyi congress sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom [World Congress of Compatriots Living Abroad]. Available at: <https://vksrs.com/vsemirnyy-kongress/kongress/> (Accessed 27.03.2021). (In Russ.).
2. Epifantsev S.V. Obshchestvennye organizatsii russkikh na territorii Kyrgyzskoi Respubliki: usloviya funktsionirovaniya, opisaniye i sravnitel'nyi analiz [Public organizations of Russians on the territory of the Kyrgyz Republic: conditions of functioning, description and comparative analysis]. *Vestnik KRSU*, 2011. Vol. 11, no. 6, pp. 68–74. (In Russ.).
3. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i primimayushchego naseleniya Rossii [Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia]. Moscow: Publ. RUDN, 2009. 420 p. (In Russ.).
4. Letnyakov D.E. Rol' russkogoyazyka v postsovetskoy Tsentral'noy Azii [The role of the Russian language in post-Soviet Central Asia]. *Politiya*, 2015. Vol. 4, no. 79. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetskoy-tsentralnoy-azii> (Accessed 02.02.2021). (In Russ.).
5. Militarev A. O sodержanii termina «diaspora» (k razrabotkedefinitcii) [About the content of the term “diaspora” (to the development of the definition)]. *Diaspory [Diasporas]*, 1999. Vol. 1, p. 24. (In Russ.).
6. Molodov O. Russkii yazyk kak instrument ispol'zovaniya «myagkoi sily» v stranakh Tsentral'noi Azii [Russian language as a tool for the use of “soft power” in the countries of Central Asia]. *DiskursPi [DiscoursePi]*, 2017. Vol. 14, no.1, pp. 93–100. (In Russ.).
7. Natsional'nyi sostav naseleniya. Natsional'nyi statisticheskii komitet Kyrgyzskoi Respubliki [National composition of the population. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic]. Available at: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (Accessed: 21.06.2021). (In Russ.).
8. Popkov V.A. «Klassicheskie» diaspory: k voprosu o definitcii termina [“Classical” diasporas: on the question of the definition of the term]. *Diaspory [Diasporas]*, 2002. Vol. 1, pp. 6–22. (In Russ.).
9. Russkaya diaspora Estonii: sostoyanie i perspektivy. Itogovyi analiticheskii doklad [Russian diaspora in Estonia: state and prospects. Final analytical report]. Moscow, 2011, 39 p. (In Russ.).
10. Skol'korusskikh v mire [How many Russians are there in the world]. Available at: <https://mnogofactov.ru/v-mire/skolko-russkikh-v-mire-na-2016-god.html> (Accessed 20.03.2021).

15. Cheskin A. Identity and Integration of Russian Speakers in the Baltic States: A Framework for Analysis // *Ethnopolitics*. 2015. Vol. 14 (1). P. 72–93. DOI:10.1080/17449057.2014.933051
16. Costigan C.L., Koryzma C.M., Hua J.M., Chance L.J. Ethnic Identity, Achievement, and Psychological Adjustment: Examining Risk and Resilience Among Youth From Immigrant Chinese Families in Canada // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2010. Vol. 16(2). P. 264–273. DOI:10.1037/a0017275
17. Dimitrova R., Vijver F.J.R. van de, Taušová J., Chasiotis A., Bender M., Buzea C., Uka F., Tair E. Ethnic, Familial, and Religious Identity of Roma Adolescents in Bulgaria, Czech Republic, Kosovo, and Romania in Relation to Their Level of Well-Being // *Child Development*. 2017. Vol. 88(3). P. 693–709. DOI:10.1111/cdev.12786
18. Eesti Hariduse Infosüsteem. Koolid [Электронный ресурс]. URL: <https://enda.ehis.ee/avalik/avalik/oppeasutus/OppeasutusOtsi.faces;jsessionid=c0a8c8ca30d8d51b95600edc4dcfa3cdef6a5ce8e4ce.e3ySaN8Ob38Le3mSchaOcheRbO> (дата обращения: 23.04.2021).
19. Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibs.ee/wp-content/uploads/EIM2017.pdf> (дата обращения: 18.04.2021).
20. Estonian Statistical Office. RI0424: Rahvastik kodakondsuse, rahvuse, soo, vanuserühma ja maakonna järgi, 31. Detsember 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://andmed.stat.ee/et/stat/rahvaloendus__rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__kodakondsus/RL0424 (дата обращения: 27.04.2021).
21. Estonian Statistical Office. RV0222U: Population by sex, ethnic nationality and county, 1 January, administrative division as at 01.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV0222U> (дата обращения: 16.06.2021).
22. Kallas K. Claiming the diaspora: Russia's compatriot policy and its reception by Estonian-Russian population // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2016. Vol. 15(3). P. 1.
23. Keeleseadus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13122536> (дата обращения: 18.03.2021).
24. Kolstø P. Beyond Russia, becoming local: Trajectories of adaption to the fall of the Soviet Union among ethnic Russians in the former Soviet Republics // *Journal of Eurasian Studies*. 2011. Vol. 2 (2). P. 153–163. DOI:10.1016/j.euras.2011.03.006
25. Kus L., Ward C., Liu J. Interethnic Factors as Predictors of the Subjective Well-Being of Minority Individuals in a Context of Recent Societal Changes // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35 (5). P. 703–719. DOI:10.1111/pops.12038
26. Martinez Damia S., Marzana D., Alfieri S., Pozzi M., Marta E., Martinez M.L. Psychological and Structural Barriers to Immigrant Community Participation: The Experience of Peruvians in Santiago de Chile // *American Journal of Community Psychology*. 2020. P. 1–14. DOI: 10.1002/ajcp.12472
27. Simon B., Stürmer S., Steffens K. Helping Individuals or Group Members? The Role of Individual and Collective Identification in AIDS Volunteerism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. Vol. 26(4). P. 497–506. DOI:10.1177/0146167200266008
28. Smith T.B., Silka L. Ethnic identity and personal well-being of people of color: A meta-analysis // *Journal of Counseling Psychology*. 2011. Vol. 58(1). P. 42–60. DOI:10.1037/a0021528
11. Skrinnik V. Rossiya i zarubezhnye sootchestvenniki [Russia and foreign compatriots]. Bishkek: Publ. KRSU, 2008. 432 p. (In Russ.).
12. Spisok organizatsii Soyuza ob"edinenii rossiiskikh sootchestvennikov Estonii SORSE [List of organizations of the Union of Associations of Russian Compatriots of Estonia SORSE]. Available at: <http://rusest.ee/spisok-organizatsij-soyuz-a-obedineni/> (Accessed 11.03.2021). (In Russ.).
13. Shipilov A.V. Organizatsii rossiiskikh sootchestvennikov v Kyrgyzstane (regional'nyiaspekt) [Organizations of Russian compatriots in Kyrgyzstan (regional aspect)]. *Sovremennay nauka: aktual'nye problem teorii i praktiki. Seriya: gumanitarnye nauki* [Modern science: topical problems of theory and practice. Series: Humanities], 2017, no. 9, pp. 33–36. (In Russ.).
14. Bilewicz M., Wojcik A. Does identification predict community involvement? Exploring consequences of social identification among the Jewish minority in Poland. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2010. Vol. 20 (1), pp. 72–79. DOI:10.1002/casp.1012
15. Cheskin A. Identity and Integration of Russian Speakers in the Baltic States: A Framework for Analysis. *Ethnopolitics*, 2015. Vol. 14 (1), pp. 72–93. DOI:10.1080/17449057.2014.933051
16. Costigan C.L., Koryzma C.M., Hua J.M., Chance L.J. Ethnic Identity, Achievement, and Psychological Adjustment: Examining Risk and Resilience Among Youth From Immigrant Chinese Families in Canada. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2010. Vol. 16 (2), pp. 264–273. DOI:10.1037/a001727
17. Dimitrova R., Vijver F. J. R. van de, Taušová J., Chasiotis A., Bender M., Buzea C., Uka F., Tair E. Ethnic, Familial, and Religious Identity of Roma Adolescents in Bulgaria, Czech Republic, Kosovo, and Romania in Relation to Their Level of Well-Being. *Child Development*, 2017. Vol. 88 (3), pp. 693–709. DOI:10.1111/cdev.12786
18. Eesti Hariduse Infosüsteem. Koolid. Available at: <https://enda.ehis.ee/avalik/avalik/oppeasutus/OppeasutusOtsi.faces;jsessionid=c0a8c8ca30d8d51b95600edc4dcfa3cdef6a5ce8e4ce.e3ySaN8Ob38Le3mSchaOcheRbO> (Accessed 23.04.2021).
19. Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring 2017. Available at: <https://www.ibs.ee/wp-content/uploads/EIM2017.pdf> (Accessed 18.04.2021).
20. Estonian Statistical Office. RI0424: Rahvastik kodakondsuse, rahvuse, soo, vanuserühma ja maakonna järgi, 31. Detsember 2011. Estonian Statistical Office. Available at: https://andmed.stat.ee/et/stat/rahvaloendus__rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__kodakondsus/RL0424 (Accessed 27.04.2021).
21. Estonian Statistical Office. RV0222U: Population by sex, ethnic nationality and county, 1 January, administrative division as at 01.01.2018. Estonian Statistical Office. Available at: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV0222U> (Accessed 16.06.2021).
22. Kallas K. Claiming the diaspora: Russia's compatriot policy and its reception by Estonian-Russian population. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 2016. Vol. 15 (3), p. 1.
23. Keeleseadus. Available at: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13122536> (Accessed 18.03.2021).
24. Kolstø P. Beyond Russia, becoming local: Trajectories of adaption to the fall of the Soviet Union among ethnic Russians in the former Soviet Republics. *Journal of Eurasian Studies*, 2011. Vol. 2 (2), pp. 153–163. DOI:10.1016/j.euras.2011.03.006
25. Kus L., Ward C., Liu J. Interethnic Factors as Predictors of the Subjective Well-Being of Minority Individuals in a

29. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // *Psychology of Intergroup Relation* / S. Worchel, W.G. Austin (eds.), Chicago: Hall Publishers, 1986. P. 7–24.
30. Umaña-Taylor A.J., Diversi M., Fine M.A. Ethnic Identity and Self-Esteem of Latino Adolescents: Distinctions Among The Latino Populations // *Journal of Adolescent Research*. 2002. Vol. 17(3). P. 303–327. DOI:10.1177/0743558402173005
31. Vihalemm T. Keelepraktikad, kollektiivne identiteet ja mälu // *Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring* 2011. Kultuuriministeerium, 2011. P. 113–156.
- Context of Recent Societal Changes. *Political Psychology*. 2014. Vol. 35 (5), pp. 703–719. DOI:10.1111/pops.12038
26. Martinez Damia S., Marzana D., Alfieri S., Pozzi M., Marta E., Martinez M. L. Psychological and Structural Barriers to Immigrant Community Participation: The Experience of Peruvians in Santiago de Chile. *American Journal of Community Psychology*, 2020, p. 1–14. DOI: 10.1002/ajcp.12472
27. Simon B., Stürmer S., Steffens K. Helping Individuals or Group Members? The Role of Individual and Collective Identification in AIDS Volunteerism. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2000. Vol. 26 (4), pp. 497–506. DOI:10.1177/0146167200266008
28. Smith T. B., Silva L. Ethnic identity and personal well-being of people of color: A meta-analysis. *Journal of Counseling Psychology*, 2011. Vol. 58 (1), pp. 42–60. DOI:10.1037/a0021528
29. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In S. Worchel, W. G. Austin (eds.) *Psychology of Intergroup Relation*. Chicago: Hall Publishers, 1986. pp. 7–24.
30. Umaña-Taylor A. J., Diversi M., Fine M.A. Ethnic Identity and Self-Esteem of Latino Adolescents: Distinctions Among The Latino Populations. *Journal of Adolescent Research*, 2002. Vol. 17 (3), pp. 303–327. DOI:10.1177/0743558402173005
31. Vihalemm T. Keelepraktikad, kollektiivne identiteet ja mälu. In: *Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring* 2011. Kultuuriministeerium, 2011, pp. 113–156.

Информация об авторах

Лебедева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, директор Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>, e-mail: nlebedeva@hse.ru

Information about the authors

Nadezhda M. Lebedeva, Doctor of Psychology, Head of the Centre for Sociocultural Research, Professor, Faculty of Social Science, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>, e-mail: nlebedeva@hse.ru

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021

Воспринимаемая инклюзивность контекста, идентичности и аккультурация русских в Кыргызстане и Эстонии

З.Х. Лепшокова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Кыргызстан и Эстония — две постсоветские страны, которые после распада СССР выбрали разные траектории этнополитического и социально-экономического развития, отношения к русскому языку, советскому периоду своей истории, а также взаимодействию с Россией на международной арене. В фокусе внимания статьи воспринимаемая русскими, проживающими в Кыргызстане и Эстонии, инклюзивность современного социокультурного контекста данных стран и ее роль в их идентификации и аккультурации (N=630). В результате путевого анализа выявлено, что если русские воспринимают контексты Кыргызстана и Эстонии инклюзивными, то у них довольно сильно выражена гражданская (кыргызстанская или эстонская) идентичность, стратегии интеграции и ассимиляции и слабо выражена стратегия сепарации. При этом русские в Эстонии, воспринимающие контекст Эстонии как эксклюзивный, имеют сильно выраженные этническую и религиозную идентичности. Эти и другие универсальные и контекстно специфические паттерны связей обсуждаются в статье через призму социокультурных контекстов Кыргызстана и Эстонии.

Ключевые слова: воспринимаемая инклюзивность контекста, этническая идентичность, гражданская идентичность, религиозная идентичность, европейская идентичность, аккультурация, интеграция, ассимиляция, сепарация, русские, Кыргызстан, Эстония.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268.

Для цитаты: Лепшокова З.Х. Воспринимаемая инклюзивность контекста, идентичности и аккультурация русских в Кыргызстане и Эстонии // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 25–33. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170403>

Perceived Inclusiveness of the Context, Identities and Acculturation of Russians in Kyrgyzstan and Estonia

Zarina K. Lepshokova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Kyrgyzstan and Estonia are two post-Soviet countries which, after the collapse of the USSR, chose different trajectories of ethno-political and socio-economic development, attitudes towards the Russian language, the Soviet period of their history, as well as interaction with Russia in the international arena. The focus of the article is perceived inclusiveness of the modern sociocultural contexts by Russians living in Kyrgyzstan or Estonia as well as its role in their identification and acculturation (N = 630). As a result of the path analysis, it was revealed that the perceived inclusiveness of the contexts of Kyrgyzstan and Estonia by Russians is positively associated with civic (Kyrgyz and Estonian) identity, the strategy of integration and assimilation, and is negatively associated with the strategy of separation. Moreover, the perceived in-

clusiveness of the Estonian context by Russians is negatively associated with ethnic and religious identity. These and other universal and context-specific patterns of relationships are discussed in the article through the prism of sociocultural contexts of Kyrgyzstan and Estonia.

Keywords: perceived inclusiveness of the context, ethnic identity, civic identity, religious identity, European identity, acculturation, integration, assimilation, separation, Russians, Kyrgyzstan, Estonia.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RCF), project number 20-18-00268.

For citation: Lepshokova Z.Kh. Perceived Inclusiveness of the Context, Identities and Acculturation of Russians in Kyrgyzstan and Estonia. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 25–33. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170403> (In Russ.).

Введение

Распад Советского Союза привел к тому, что около 25 миллионов русских за пределами России в новых независимых государствах внезапно стали политическим и этническим меньшинством [18]. С момента распада прошло 30 лет, и сегодня за пределами России в постсоветских странах проживают около 16 миллионов русских, которые так или иначе адаптируются к меняющимся социокультурным контекстам новых независимых стран. При этом каждая страна постсоветского пространства выбрала свой путь национального строительства, отношения к русскому языку и русскому населению [18]. В этой связи большой интерес для кросскультурной психологии представляют русские, проживающие в постсоветских странах, которые выбрали отличающиеся траектории развития. Например, Кыргызстан любопытен тем, что процент русских невелик, всего 5,6% от общего числа населения страны [10], при этом русский язык остается в качестве официального языка и более 83% населения Кыргызстана владеют им. Кроме того, в Кыргызстане четко прослеживается ориентация на взаимодействие с Россией [12]. Однако с экономической точки зрения Кыргызстан является одной из самых бедных постсоветских стран, с высоким уровнем эмиграции русского и местного населения [11].

Не меньший интерес представляют русские, проживающие в постсоветских странах, где после распада СССР стремительно прошли волна дерусификации [21] и отдаление на международной арене от России, а также пересмотр отношения к советскому периоду своей истории [2]. Ярким примером такой страны является Эстония, в которой проживают около 25% русских [25] и которая, помимо всего прочего, является одной из самых экономически развитых стран постсоветского пространства, вошедших в Европейский Союз [9].

Кросскультурных исследований воспринимаемой русскими инклюзивности социокультурного контекста современных постсоветских стран и ее роли в их идентификации и аккультурации не проводилось. Настоящее исследование призвано восполнить данный пробел и ставит следующие вопросы.

Какие универсальные и контекстно специфические последствия для межкультурного взаимо-

действия и идентификации русских кроются в воспринимаемом ими контексте постсоветских стран, выбравших различные траектории отношения к русскому языку, русским и взаимодействию с Россией (на примере Эстонии и Кыргызстана)?

Какие социальные идентичности русских, в зависимости от контекста, могут проявлять функции инклюзии (объединения) и эксклюзии (разобщения)?

Какие аккультурационные стратегии наиболее предпочтительны русскими в межкультурном взаимодействии с этническим большинством данных стран?

Аккультурация и социокультурный контекст

Большая часть исследований, направленных на изучение индивидуальных факторов процесса аккультурации и его результатов, зачастую игнорируют то, что эти факторы действуют в более широком экологическом контексте межкультурного контакта, а не в социальном вакууме [13; 14]. Данную проблему решает экологический подход к аккультурации, основанный на концепции Бронфенбреннера (1977) о человеческом развитии, идущем на различных уровнях экологических систем [17], начиная от микросистем, в которых люди принимают непосредственное участие, таких как дом, школа или рабочее место, заканчивая макросистемой. Для представителей этнического меньшинства культура, взгляды, установки доминирующего общества/этнического большинства, являются той макросистемой, которая оказывает влияние на их адаптацию посредством различных микросистем.

Для изучения роли социокультурного контекста, как макросистемы, в аккультурации этнических меньшинств перспективным является подход, ориентированный на воспринимаемые факторы [6]. Это связано с тем, что именно «... субъективное восприятие людьми реальности образует и становится реальностью, которая определяет их психологические реакции» [27, р. 173]. Поэтому особую актуальность приобретают метавосприятия контекста, раскрывающие то, как люди воспринимают степень, в которой доминирующее общество поддерживает процесс интеграции этнических меньшинств и мигрантов [19; 13; 6].

В настоящем исследовании метавосприятиями или индикаторами воспринимаемой русскими ин-

клюдности контекста Эстонии и Кыргызстана выступают: 1) воспринимаемая проницаемость границ принимающего общества, т. е. восприятие русскими того, насколько легко или трудно русскому человеку стать «своим» в данных обществах [23]; 2) воспринимаемая дискриминация [6]; 3) воспринимаемый [26] или «реальный» мультикультурализм, т. е. восприятие русскими того, как на самом деле реализуется мультикультурная идеология в странах проживания.

Важно отметить, что в зависимости от контекста идентичности могут проявлять функции инклюзивности и эксклюзивности [7], поэтому в настоящем исследовании в фокусе внимания — выраженность этнической, гражданской, религиозной и европейской идентичностей у русских в Эстонии и Кыргызстане.

Аккультурация в настоящем исследовании рассматривается в рамках теории аккультурации Д. Берри [15]. Согласно данной теории, процесс вхождения в культуру доминирующего общества связан с двумя основными вопросами, на которые представитель этнического меньшинства пытается ответить для себя: в какой степени он признает важность сохранения своей культурной идентичности? В какой степени ему следует включаться в культуру доминирующего общества? В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса выделяют четыре основных стратегии аккультурации: интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация. В фокусе настоящего исследования первые три стратегии.

Исходя из вышеизложенного, сформулированы следующие исследовательские вопросы.

1. Каковы кросс-страновые сходства и различия в выраженности показателей воспринимаемой инклюзивности контекста, социальных идентичностей и стратегий аккультурации русских, проживающих в Кыргызстане и Эстонии?

2. Как связаны воспринимаемая инклюзивность контекста, социальные идентичности и аккультурационные стратегии русских, проживающих в Кыргызстане и Эстонии?

3. Учитывая различия социокультурных контекстов Кыргызстана и Эстонии, существуют ли универсальные и/или контекстно специфические паттерны исследуемых связей?

Выборка исследования

В выборку исследования вошли 630 русских, проживающих в Эстонии и Кыргызстане. В табл. 1 пред-

ставлены гендерные и возрастные характеристики выборки.

Социально-психологический опрос проводился с помощью коллег из университетов-партнеров Эстонии и Кыргызстана. В Кыргызстане опрос проходил очно, в Эстонии — с помощью онлайн-платформы 1ka.

Методы

В исследовании были использованы шкалы из опросника MIRIPS [16], адаптированные на российской выборке [5]. Ответы практически на все шкалы заданы в форме 5-балльной шкалы Ликерта от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен.

Воспринимаемая дискриминация. Шкала включала в себя 5 вопросов, например: «Ко мне несправедливо относились на работе (продвижение, льготы) или во время учебы из-за моей национальности», $\alpha > 0,79$.

Воспринимаемый мультикультурализм измерялся с помощью дескриптивной версии шкалы мультикультурной идеологии. Шкала включала в себя 6 вопросов, например: «В [Эстонии/Кыргызстане] принято помогать этническим группам сохранять их культурное наследие», $\alpha > 0,71$.

Воспринимаемая проницаемость границ [23]. Шкала состояла из 4 вопросов, например: «Русскому человеку, по вашему мнению, быть принятым в [эстонское/киргизское] общество...». Ответы заданы от 1 — очень трудно до 5 — очень легко, $\alpha > 0,86$.

Конструкт *воспринимаемая инклюзивность контекста* был создан как композитная переменная с учетом факторных нагрузок таких переменных, как воспринимаемая дискриминация, воспринимаемый мультикультурализм и воспринимаемая проницаемость границ. Показатели конфирматорного факторного анализа удовлетворительны и соответствуют рекомендуемым: CFI=1,00; RMSEA=0,04; PCLOSE=0,48; sRMR=0,03.

Этническая идентичность. Шкала включала в себя 4 вопроса, например: «Я считаю себя русским», $\alpha > 0,86$.

Гражданская идентичность. Шкала включала в себя 4 вопроса, например: «Я считаю себя гражданином [Эстонии/Кыргызстана]», $\alpha > 0,85$.

Религиозная идентичность. Шкала включала в себя 4 вопроса, например: «Я считаю себя представителем своей религии», $\alpha > 0,92$.

Европейская идентичность. Шкала включала в себя 4 вопроса, например: «Я считаю себя европейцем», $\alpha > 0,93$.

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Группы	Количество респондентов	Возраст			Пол	
		М	Min.—Max.	SD	Муж.	Жен.
Русские в Эстонии	330	37	18—80	16,6	151	179
Русские в Кыргызстане	300	36	17—65	17,4	104	196

Примечание: N — общий объем выборки; M — среднее арифметическое значение; Min. — минимальный возраст; Max. — максимальный возраст; SD — стандартное отклонение.

Аккультурационные стратегии: интеграция – включала 4 вопроса, например: «Я считаю, что русские, проживающие в [Эстонии/Кыргызстане], должны как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать [эстонские/киргизские]», $\alpha > 0,64$; сепарация включала также 4 вопроса, например: «Я предпочитаю иметь в качестве друзей только русских», $\alpha > 0,68$; ассимиляция включала также 4 вопроса, например: «Я предпочитаю иметь друзей только [эстонцев/киргизов]», $\alpha > 0,64$.

Результаты

В табл. 2 представлены средние значения по основным переменным исследования, а также результаты их сравнения с помощью t-критерия Стьюдента у русских, проживающих в Эстонии и Кыргызстане.

Данные, представленные в табл. 2, свидетельствуют о том, что воспринимаемый мультикультурализм значимо выше у русских, проживающих в Кыргызстане, чем у русских, проживающих в Эстонии. Этническая и религиозная идентичности значимо больше выражены у русских в Кыргызстане, чем у русских в Эстонии, тогда как гражданская идентичность значимо больше выражена у русских в Эстонии, чем у русских в Кыргызстане. Стратегии интеграции и ассимиляции больше предпочитают русскими в Эстонии, чем в Кыргызстане, тогда как стратегия сепарации больше выражена у русских в Кыргызстане, чем в Эстонии.

Мультигрупповой путевой анализ связи воспринимаемой инклюзивности контекста, идентичностей и аккультурационных стратегий русских, проживающих в Эстонии и Кыргызстане, показал частичное отсутствие структурной инвариантности (полученные нами показатели – $\Delta CFI = 0,03$; $\Delta RMSEA = 0,004$ – были выше и равны рекомендуемому – $\Delta CFI < 0,01$; $\Delta RMSEA < 0,01$). Исходя из этого, мы проанализировали

связи воспринимаемой инклюзивности контекста, идентичностей и стратегий аккультурации русских в каждой из стран по отдельности. Модели продемонстрировали хорошие показатели пригодности (Эстония: $CMIN/df = 2,10$; $CFI = 0,97$; $sRMR = 0,04$; $RMSEA = 0,06$; $PCLOSE = 0,29$. Кыргызстан: $CMIN/df = 1,81$; $CFI = 0,97$; $sRMR = 0,04$; $RMSEA = 0,05$; $PCLOSE = 0,42$).

Результаты путевого анализа, представленные на рис. 1, показывают, что у русских в Эстонии воспринимаемая инклюзивность контекста (ВИК) значимо отрицательно связана с выраженностью этнической и религиозной идентичностей и значимо положительно связана с гражданской эстонской и европейской идентичностями. При этом у русских в Кыргызстане ВИК значимо положительно связана лишь с гражданской кыргызстанской идентичностью.

ВИК значимо положительно связана со стратегией интеграции и значимо отрицательно связана со стратегией сепарации у русских, проживающих в Эстонии и Кыргызстане.

У русских в Эстонии лишь гражданская эстонская идентичность значимо положительно связана со стратегией интеграции, в то время как у русских в Кыргызстане гражданская кыргызстанская и религиозная идентичности значимо положительно связаны со стратегией интеграции.

У русских в Эстонии этническая идентичность значимо положительно связана со стратегией сепарации, тогда как гражданская эстонская и европейская идентичности значимо отрицательно связаны со стратегией сепарации. У русских в Кыргызстане этническая, религиозная и европейская идентичности значимо положительно связаны со стратегией сепарации, тогда как гражданская кыргызстанская идентичность значимо отрицательно связана со стратегией сепарации.

У русских в Эстонии этническая идентичность значимо отрицательно связана со стратегией ассими-

Таблица 2

Сравнение средних значений основных переменных

Переменные	Русские в Кыргызстане (n=300)		Русские в Эстонии (n=330)		Сравнение групп
	M	SD	M	SD	
Показатели воспринимаемой инклюзивности контекста					
Воспринимаемая проницаемость границ	2,84	0,84	2,86	0,79	$t = -0,28; p > ,05$
Воспринимаемый мультикультурализм	4,36	0,59	3,24	0,58	$t = 4,18; p < ,001$
Воспринимаемая дискриминация	2,09	0,94	2,00	0,87	$t = 0,30; p > ,05$
Идентичности					
Этническая идентичность	4,30	0,78	3,99	1,03	$t = 4,18; p < ,001$
Гражданская идентичность	3,48	0,93	3,73	0,99	$t = -3,31; p < ,001$
Религиозная идентичность	3,22	1,29	2,79	1,38	$t = 4,05; p < ,001$
Европейская идентичность	2,82	1,26	2,79	1,38	$t = 0,30; p > ,05$
Стратегии аккультурации					
Интеграция	3,98	0,68	4,28	0,69	$t = -5,34; p < ,001$
Сепарация	2,76	0,85	2,47	0,89	$t = 4,18; p < ,001$
Ассимиляция	1,51	0,49	1,79	0,80	$t = -5,24; p < ,001$

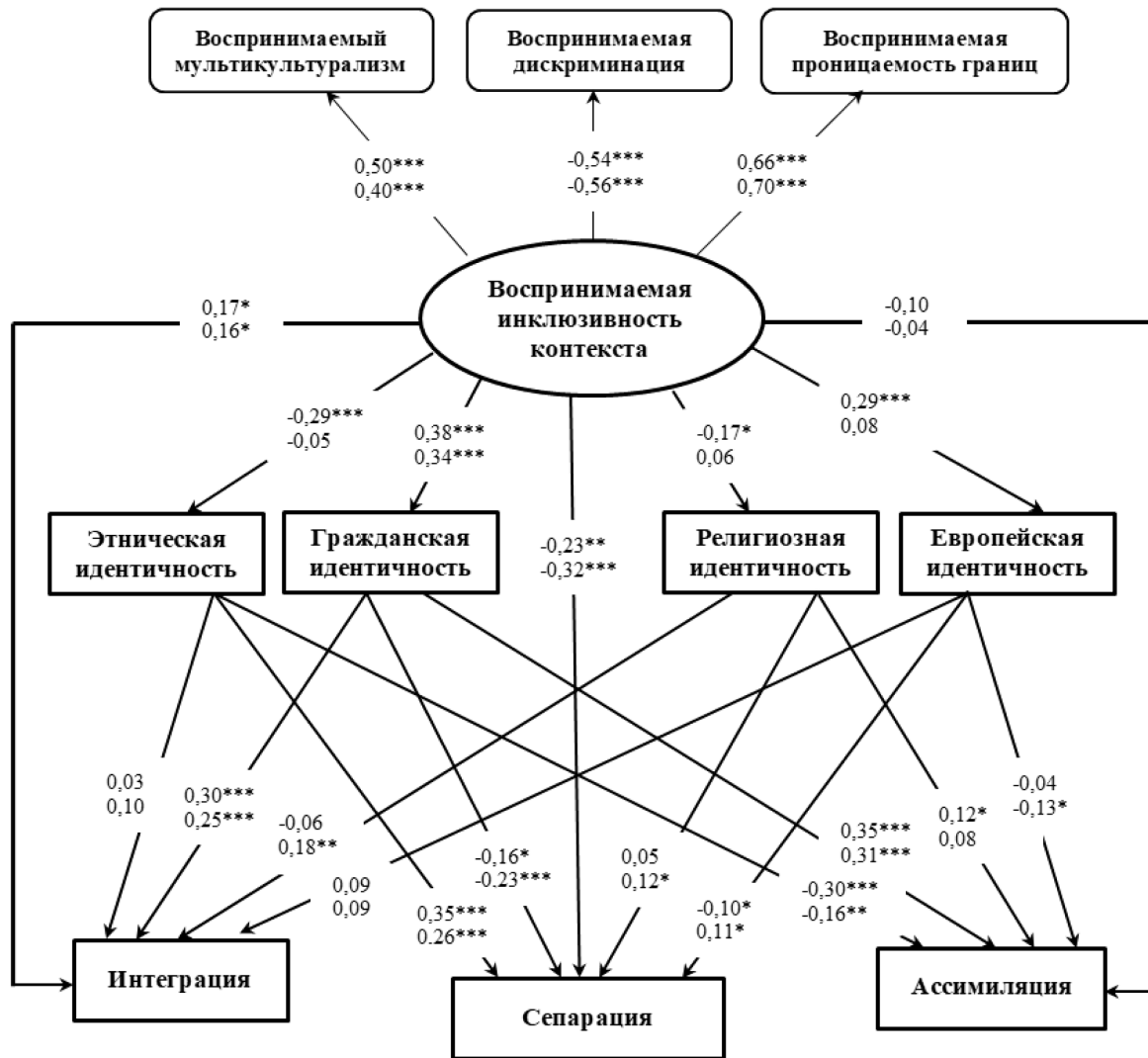

Рис. 1. Путь модель связи воспринимаемой инклюзивности контекста, идентичностей и стратегий аккультурации русских, проживающих в Эстонии и Кыргызстане: верхние коэффициенты относятся к русским, проживающим в Эстонии, нижние коэффициенты относятся к русским, проживающим в Кыргызстане; «*» — $p < ,001$; «**» — $p < ,01$; «***» — $p < ,05$

ляции, тогда как гражданская эстонская и религиозная идентичности значимо положительно связаны со стратегией ассимиляции. У русских в Кыргызстане этническая и европейская идентичности значимо отрицательно связаны со стратегией ассимиляции, тогда как гражданская кыргызстанская идентичность значимо положительно связана со стратегией ассимиляции.

Дискуссия

По оценкам русских, проживающих в Эстонии и Кыргызстане, стать включенным в доминирующее общество скорее трудно, чем легко. В целом, в Эстонии отмечается, что, например, рынок труда этнически сегментирован и этнические эстонцы имеют преимущество перед неэстонцами в целом ряде областей [20]. В Кыргызстане же русские входят в категорию так называемого «отсталого» населения — отсталого

не по определению, а по степени удаленности от власти и ресурсов [11].

Стоит отметить, что вопросы на проницаемость границ касались не личного опыта, а установок в отношении их проницаемости для абстрактного русского человека, символизирующего группу. Когда же речь заходила о персональном опыте, например, о личной дискриминации, то выраженность ее у русских в Эстонии и Кыргызстане отмечалась довольно слабая. Вероятно, здесь имеет место феномен несоответствия личной и групповой дискриминации, который проявляется в основном у групп, находящихся в неблагоприятном положении [22].

Воспринимаемый мультикультурализм (реальный), который русские непосредственно наблюдают в Эстонии и Кыргызстане, оценивается ими довольно высоко. При этом мультикультурную идеологию в Кыргызстане русские ощущают значимо больше, чем русские в Эстонии. Это различие может быть основано на том, что в Кыргызстане русский язык является официальным языком общения наравне с киргизским,

несмотря на то, что численность русских в данной стране не превышает и 6% от общей численности населения страны [10]. В Эстонии в данном отношении ситуация сложнее, поскольку дерусификация в публичной сфере прошла официально и стремительно [21], несмотря на то что русских в Эстонии около 25% [25].

Сравнительный анализ выраженности социальных идентичностей показал, что этническая и религиозная идентичности больше выражены у русских в Кыргызстане, чем в Эстонии. В целом, актуализация этнодифференцирующих идентичностей у представителей этнических и религиозных меньшинств в инокультурном (культурно далеком) контексте отмечена и в других исследованиях. Так, например, православные русские, проживающие в российском регионе, где основное население представлено мусульманами, демонстрируют более выраженную религиозную идентичность, чем русские, проживающие в регионе, где основное население представлено православными христианами [4].

Гражданская идентичность больше выражена у русских, проживающих в Эстонии, чем у русских, проживающих в Кыргызстане. У данного различия существуют довольно глубокие корни, которые актуальны и сегодня. Так, например, Д. Фурман и Э. Задорожнюк (2004) отмечают, что в советское время сила притяжения балтийских, культур западного типа была для русских во много раз больше, чем азиатских.

Относительно стратегий аккультурации можно сказать, что стратегия сепарации больше выражена у русских в Кыргызстане, чем у русских в Эстонии. Тогда как стратегии интеграции и ассимиляции больше предпочитаемы русскими в Эстонии, чем русскими в Кыргызстане. В целом, это также проявляется и в советский период. Так, например, если в азиатских республиках отмечалась «русификация» местного населения [1], то в балтийских странах шел противоположный процесс «балтификации» русских [9]. О предпочтительности русскими интеграции в Эстонии, точнее «критической» интеграции, свидетельствуют и результаты кросскультурного исследования социально-политической интеграции русских в Эстонии, Норвегии и Финляндии [24].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что в Эстонии для русских инклюзивными (общими с эстонцами) являются гражданская и европейская идентичности, а в Кыргызстане — только гражданская. Таким образом, идентификационная основа для инклюзивных стратегий аккультурации (интеграции и ассимиляции) выше у русских в Эстонии, что подтверждают более высокие показатели интеграции и ассимиляции у русских в Эстонии. У русских в Кыргызстане три идентичности (этническая, религиозная и европейская) являются эксклюзивными, и чтобы сохранить их, русским нужна сепарация, установки на которую они и демонстрируют.

Воспринимаемая инклюзивность контекста и социальные идентичности

Универсальной для русских в Эстонии и Кыргызстане оказалась позитивная связь между вос-

принимаемой инклюзивностью контекста и гражданской идентичностью. Кроме того, у русских в Эстонии воспринимаемая инклюзивность контекста положительно связана с еще одной инклюзивной для данного контекста идентичностью — европейской. Получается, что те русские в Эстонии, которые воспринимают контекст как инклюзивный, имеют сильно выраженные гражданскую эстонскую и европейскую идентичности.

Довольно любопытной выступает отрицательная связь воспринимаемой русскими инклюзивности контекста Эстонии с их этнической и религиозной идентичностями. Получается, что русские в Эстонии, которые воспринимают социокультурный контекст Эстонии как эксклюзивный (закрытый) для себя, имеют выраженное этническое и религиозное самосознание. Вероятно, это связано с тем, что воспринимаемая закрытость контекста провоцирует у русских поиск психологической защиты в своей культурной идентичности. Более того, полученные результаты могут отчасти содержать в себе ответ на вопрос: почему в постсоветских странах, в особенности в балтийских, у русских отмечается «размытая» этническая идентичность? [18]. Согласно результатам настоящего исследования, это может быть связано с тем, что именно «размытые» этническая русская и религиозная идентичности связаны с воспринимаемой инклюзивностью контекста.

Воспринимаемая инклюзивность контекста и стратегии аккультурации

Воспринимаемая инклюзивность контекста положительно связана со стратегией интеграции и отрицательно — со стратегией сепарации. Данные связи носят универсальный характер, поскольку обнаружены у русских в обеих странах. Полученные результаты согласуются с результатами ранее проведенного исследования на внутренних мигрантах России, где воспринимаемая мигрантами инклюзивность социального контекста оказалась также позитивно связана с предпочтением интеграции и негативно связана с предпочтением сепарации [6].

Идентичности и стратегии аккультурации

Гражданская идентичность позитивно связана со стратегиями интеграции и ассимиляции, при этом отрицательно связана со стратегией сепарации у русских в обеих странах. В целом похожие связи получены в ранее проведенном исследовании у русского этнического меньшинства Северного Кавказа: гражданская идентичность оказалась позитивным предиктором стратегии интеграции [3]. Универсальный характер для русских в Эстонии и Кыргызстане также носит отрицательная связь между этнической идентичностью и стратегией ассимиляции, а также позитивная связь между этнической идентичностью и стратегией сепарации. Данные связи находили свое подтверждение и ранее на выборке русского этнического меньшинства [8].

Обращает на себя внимание то, что у русских в Кыргызстане помимо гражданской идентичности

позитивным предиктором стратегии интеграции выступает религиозная идентичность. Согласно теории аккультурации Д. Берри, для стратегии интеграции характерно сохранение своего культурного наследия и взаимодействие с доминирующим обществом [15]. Очевидно, что сохранение своего культурного наследия у русских в Кыргызстане реализуется посредством сохранения своей религиозной идентичности, тогда как взаимодействие с доминирующим обществом подпитывается выраженной гражданской кыргызстанской идентичностью.

Стратегия сепарации предпочитается теми русскими в Кыргызстане, которые имеют выраженные этническую, религиозную и европейскую идентичности и слабо выраженную гражданскую идентичность. Вместе с тем стратегия ассимиляции предпочитается теми, кто имеет слабо выраженные этническую и европейскую идентичности. Иными словами, этническая, религиозная и европейская идентичности русских в Кыргызстане выступают эксклюзивными этнодифференцирующими идентичностями, ведущими к сепарации. При этом религиозную идентичность русских в Кыргызстане можно лишь условно отнести к эксклюзивной (с точки зрения разобщения) идентичности, поскольку она является предиктором не только стратегии сепарации, но и стратегии интеграции.

В Эстонии европейская идентичность выступает негативным предиктором стратегии сепарации, тогда как у русских в Кыргызстане европейская идентичность русских оказалась позитивным предиктором стратегии сепарации и негативным предиктором стратегии ассимиляции, что доказывает ее эксклюзивную функцию в кыргызском контексте и инклю-

зивную функцию в эстонском контексте. В то же время религиозная идентичность русских в Эстонии оказалась значимым предиктором стратегии ассимиляции, но при этом ранее отмечалось, что религиозная идентичность отрицательно связана с воспринимавшей русскими инклюзивностью контекста Эстонии. Данная цепочка связей весьма любопытна и нуждается в проверке в будущих исследованиях.

Выводы

Настоящее исследование позволило выявить и проанализировать универсальные и контекстно специфические паттерны связей воспринимаемой инклюзивности контекста, идентичностей и аккультурационных стратегий русских, проживающих в Кыргызстане и Эстонии. Универсальными для обеих стран оказалась позитивная связь воспринимаемой инклюзивности контекста с гражданской идентичностью и стратегией интеграции, а также отрицательная связь со стратегией сепарации. Одной из контекстно специфических связей оказалась отрицательная связь воспринимаемой инклюзивности контекста с этнической и религиозной идентичностями у русских в Эстонии. Данная связь заставляет задуматься о том, может ли контекст восприниматься инклюзивным, если при этом культурные идентичности должны быть нивелированы. Как мы видим, настоящее исследование, обладая несомненной новизной, ставит важные проблемы понимания инклюзивности контекста и его измерения, способствуя дальнейшему развитию контекстно ориентированных исследований в кросскультурном преломлении.

Литература

1. Кайзер М. Русские как меньшинство в Центральной Азии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 3. № 1. С. 55–73.
2. Козлов Н.Д., Левашко В.О. Ввод советских войск в Прибалтику в оценках современников и свидетельствах очевидцев // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2012. Том 1. № 4. С. 38–47.
3. Лебедева Н.М., Лепшокова З.Х. Стратегии межкультурного взаимодействия на Северном Кавказе. Роль идентификации и дезидентификации в межэтнических отношениях // Russia in Global Affairs. 2017. Спецвыпуск: Атлас общественной дипломатии. С. 277–290.
4. Лебедева Н.М., Лепшокова З.Х., Галыпина В.Н. Культурно-психологические факторы межпоколенной трансмиссии ценностей у русских на Северном Кавказе // Вопросы психологии. 2016. № 5. С. 47–61.
5. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М.: РУДН, 2009. 420 с.
6. Лепшокова З.Х. Воспринимаемая инклюзивность социального контекста, аккультурация и адаптация мигрантов из Северного Кавказа в Москве // Общественные науки и современность. 2020. № 3. С. 124–138.

References

1. Kaizer M. Russkie kak men'shinstvo v Tsentral'noi Azii [Russians as a minority in Central Asia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 1998. Vol. 3, no. 1, pp. 55–73. (In Russ.).
2. Kozlov N.D., Levashko V.O. Vvod sovetskikh voisk v Pribaltiku v otsenkakh sovremennikov i svidetel'stvakh ochevidtsev [The entry of Soviet troops into the Baltic States in the assessments of contemporaries and eyewitness accounts]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 2012. Vol. 1, no. 4, pp. 38–47. (In Russ.).
3. Lebedeva N.M., Lepshokova Z.Kh. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya na Severnom Kavkaze. Rol' identifikatsii i dezidentifikatsii v mezhetnicheskikh otnosheniyakh [Strategies of intercultural interaction in the North Caucasus. The role of identification and disidentification in interethnic relations]. *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], 2017. Spetsvypusk: Atlas obshchestvennoi diplomatii, pp. 277–290. (In Russ.).
4. Lebedeva N.M., Lepshokova Z.Kh., Galyapina V.N. Kul'turno-psikhologicheskie faktory mezhpokolennoi transmissii tsennostei u russkikh na Severnom Kavkaze [Kul'turno-psikhologicheskie faktory mezhpokolennoi transmissii tsennostei u russkikh na Severnom Kavkaze]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues], 2016. no. 5. pp. 47–61. (In Russ.).

7. Лепшокова З.Х. Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы // Национальный психологический журнал. 2021. Том 42. № 2. С. 61–75.
8. Лепшокова З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа). М.: Грифон. 2012. 192 с.
9. Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) // Мир России. Социология. Этнология. 2004. Том 13. № 3. С. 98–130.
10. Численность постоянного населения Кыргызстана. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/download/operational/729/> (дата обращения: 30.03.2021).
11. Шульга Е.П. Потенциальная миграция русскоязычного населения из Средней Азии в Россию (на примере Киргизии) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. Том 24. № 3. С. 97–103.
12. Ялчин О. Кыргызстан в мировом сообществе // Молодой ученый. 2016. Том 118. № 14. С. 464–466.
13. Antonio J.H.C., Monteiro M.B. Minorities' acculturation and social adjustment: The moderator role of meta-perceptions of majority's acculturation attitudes // International Journal of Psychology. 2015. Vol. 50. № 6. P. 422–430.
14. Berry J.W., Kalin R., Taylor D. Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada. Ottawa: Ministry of Supply and Services, 1977.
15. Berry J.W., Lepshokova Z., MIRIPS C., Grigoryev D. How shall we all live together?: Meta-analytical review of the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project // Applied Psychology: An International Review. 2021. DOI: 10.1111/apps.12332
16. Berry J.W. Mutual intercultural relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
17. Bronfenbrenner U. Toward an experimental ecology of human development // American Psychologist. 1977. Vol. 32(7). P. 513–531.
18. Kolstø P. Beyond Russia, becoming local: Trajectories of adaption to the fall of the Soviet Union among ethnic Russians in the former Soviet Republics // Journal of Eurasian Studies. 2011 Vol. 2. № 2. P. 153–163.
19. Kunst J.R., Sam D.L. Relationship between perceived acculturation expectations and Muslim minority youth's acculturation and adaptation // International Journal of Intercultural Relations. 2013. Vol. 37. P. 477–490.
20. Pavelson M. Sotsiaal-majanduslik integratsioon: tööhõive ja sissetulekud [Socio-economic integration: employment and incomes] // Integratsioon Eesti ühiskonnas. Monitor 2000 [Integration in Estonian Society. Monitor 2000] / M. Lauristin, R. Vetik (eds.). Tallinn: TPÜ Rahvusvahelise ja Sotsiaaluuringute Instituut, 2000. P. 22–27.
21. Pavlenko A. Multilingualism in Post-Soviet Countries: Language Revival, Language Removal, and Sociolinguistic Theory // The International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2008. Vol. 11. № 3–4. P. 275–314.
22. Quinn K.A., Roese N.J., Pennington G.L., Olson J.M. The Personal/Group Discrimination Discrepancy: The Role of Informational Complexity // Personality and Social Psychology Bulletin. 1999. Vol. 25. № 11. P. 1430–1440.
23. Ramos M.R., Cassidy C., Reicher S., Haslam S.A. A longitudinal study of the effects of discrimination on the acculturation strategies of international students // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2016. Vol. 47. № 3. P. 401–420.
5. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i primimayushchego naseleniya Rossii [Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia]. Moscow: Publ. RUDN, 2009. 423 p. (In Russ.).
6. Lepshokova Z.Kh. Vosprinimayemaya inkluzivnost' sotsial'nogo konteksta, akkul'turatsiya i adaptatsiya migrantov iz Severnogo Kavkaza v Moskve. [Perceived inclusiveness of the social context, acculturation and adaptation of migrants from the North Caucasus in Moscow]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2020. no. 3, pp. 124–138. (In Russ.)
7. Lepshokova Z.Kh. Inkluzivnye i ekskluzivnye identichnosti i kontakty: rol' tseennosti i statusa etnicheskoi gruppy [Inclusive and exclusive identities and contacts: the role of values and status of ethnic group]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2021. Vol. 42, no. 2, pp. 61–75. (In Russ.).
8. Lepshokova Z.Kh. Strategii adaptatsii migrantov i ikh psikhologicheskoe blagopoluchie (na primere Moskvy i Severnogo Kavkaza) [Adaptation strategies of migrants and their psychological well-being (the cases of Moscow and the North Caucasus)]. Moscow: Publ. Grifon. 2012. 192 p. (In Russ.).
9. Furman D., Zadorozhnyuk E. Prityazhenie Baltii. Baltiiskie russkie i baltiiskie kul'tury [Baltic attraction. Baltic Russian and Baltic cultures]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2004. Vol. 3, pp. 98–130. (In Russ.).
10. Chislennost' postoyannogo naseleniya Kyrgyzstana. [Elektronnyi resurs] [The resident population of Kyrgyzstan]. Bishkek: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/download/operational/729/> (Accessed 30.03.2021).
11. Shul'ga E. P. Potentsial'naya migratsiya russkoyazychnogo naseleniya iz Srednei Azii v Rossiyu (na primere Kirgizii) [Potential migration of the Russian-speaking population from Central Asia to Russia (on the example of Kyrgyzstan)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2013. Vol. 24, no. 3, pp. 97–103. (In Russ.).
12. Yalchin O. Kyrgyzstan v mirovom soobshchestve [Kyrgyzstan in the world community]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2016. Vol. 118, no. 14, pp. 464–466. (In Russ.).
13. Antonio J.H.C., Monteiro M.B. Minorities' acculturation and social adjustment: The moderator role of meta-perceptions of majority's acculturation attitudes. *International Journal of Psychology*, 2015. Vol. 50, no. 6, pp. 422–430.
14. Berry J.W., Kalin R., Taylor D. Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada. Ottawa: Publ. Ministry of Supply and Services, 1977.
15. Berry J.W., Lepshokova Z., MIRIPS C., Grigoryev D. How shall we all live together?: Meta-analytical review of the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project. *Applied Psychology: An International Review*, 2021. DOI:10.1111/apps.12332
16. Berry J.W. Mutual intercultural relations. Cambridge: Publ. Cambridge University Press, 2017.
17. Bronfenbrenner U. Toward an experimental ecology of human development. *American Psychologist*, 1977. Vol. 32, no. 7, pp. 513–531.
18. Kolstø P. Beyond Russia, becoming local: Trajectories of adaption to the fall of the Soviet Union among ethnic Russians in the former Soviet Republics. *Journal of Eurasian Studies*, 2011. Vol. 2, no. 2, pp. 153–163.

24. Renvik T.A., Manner J., Vetik R., Sam D.L., Jasinskaja-Lahti I. Citizenship and Socio-Political Integration: A Person-Oriented Analysis Among Russian-Speaking Minorities in Estonia, Finland and Norway // *Journal of Social and Political Psychology*. 2020. Vol. 1. № 8. P. 53–77.
25. Statistics Estonia. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvastik__rahvastikunaitajad-ja-koosseis__rahvaarv-ja-rahvastiku-koosseis/RV0222U/table/tableViewLayout (дата обращения: 01.05.2021).
26. Ward C., Kim I., Karl J.A., Epstein S., Park H.-J. How normative multiculturalism relates to immigrant well-being // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2020. Vol. 26. № 4. P. 581–591.
27. Zagefka H., Brown R. The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: Immigrant-majority relations in Germany // *European Journal of Social Psychology*. 2002. Vol. 32. № 2. P. 171–188.
19. Kunst J.R., Sam D.L. Relationship between perceived acculturation expectations and Muslim minority youth's acculturation and adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37, pp. 477–490.
20. Pavelson M. Sotsiaal-majanduslik integratsioon: tööhõive ja sissetulekud [Socio-economic integration: employment and incomes]. In Lauristin M., Vetik R. (eds.) *Integratsioon Eesti ühiskonnas. Monitooring 2000 [Integration in Estonian Society. Monitor 2000]*. Tallinn: Publ. TPU Rahvusvaheliste ja Sotsiaaluuringute Instituut, 2000, pp. 22–27.
21. Pavlenko A. Multilingualism in Post-Soviet Countries: Language Revival, Language Removal, and Sociolinguistic Theory. *The International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2008. Vol. 11, no. 3–4, pp. 275–314.
22. Quinn K.A., Roeser N.J., Pennington G.L., Olson J.M. The Personal/Group Discrimination Discrepancy: The Role of Informational Complexity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1999. Vol. 25, no. 11, pp. 1430–1440.
23. Ramos M.R., Cassidy C., Reicher S., Haslam S.A. A longitudinal study of the effects of discrimination on the acculturation strategies of international students. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2016. Vol. 47, no. 3, pp. 401–420.
24. Renvik T. A., Manner J., Vetik R., Sam D. L., Jasinskaja-Lahti I. Citizenship and Socio-Political Integration: A Person-Oriented Analysis Among Russian-Speaking Minorities in Estonia, Finland and Norway. *Journal of Social and Political Psychology*, 2020. Vol. 1, no. 8. pp. 53–77.
25. Statistics Estonia. 2020. [Elektronnyi resurs]. URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvastik__rahvastikunaitajad-ja-koosseis__rahvaarv-ja-rahvastiku-koosseis/RV0222U/table/tableViewLayout (Accessed 01.05.2021).
26. Ward C., Kim I., Karl J. A., Epstein S., Park H.-J. How normative multiculturalism relates to immigrant well-being. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2020. Vol. 26, no. 4, pp. 581–591.
27. Zagefka H., Brown R. The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: Immigrant-majority relations in Germany. *European Journal of Social Psychology*, 2002. Vol. 32, no. 2, pp. 171–188.

Информация об авторах

Лепшкова Зарина Хизировна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Information about the authors

Zarina K. Lepshokova, PhD in Psychology, Leading Research Fellow, Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021

Аккультурационные установки и психологическое благополучие русских в Кыргызстане и Таджикистане: модерационная роль воспринимаемой безопасности

В.Н. Галяпина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

После распада СССР более 400 тыс. русских остались проживать в Кыргызстане и Таджикистане. Им приходится адаптироваться к изменившейся ситуации, и в этой связи важно исследовать факторы, обуславливающие их психологическое благополучие. Данное исследование посвящено изучению модерационной роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи аккультурационных установок и психологического благополучия русских в двух странах Центральной Азии. Выборка составила 578 респондентов. Были использованы шкалы из опросника MIRIPS. Анализ проводился с помощью двух моделей модерации — 1 и 3. Результаты показали, что для русских в двух странах в ситуации низкой воспринимаемой безопасности установки на сепарацию способствуют, а установки на ассимиляцию препятствуют самоуважению. Исследование выявило роль контекста: в Таджикистане (менее благоприятный контекст для русских) в ситуации высокой воспринимаемой безопасности установки на ассимиляцию обуславливают удовлетворенность жизнью, а в Кыргызстане (более благоприятный контекст) в ситуации высокой и умеренной воспринимаемой безопасности интеграционные установки приводят к удовлетворенности жизнью. Можно заключить, что контекст задает паттерн предпочтения той стратегии, которая обеспечивает русским удовлетворенность жизнью в ситуации безопасности: в Таджикистане — это ассимиляция, а в Кыргызстане — интеграция.

Ключевые слова: воспринимаемая безопасность, аккультурационные установки, психологическое благополучие, русские, Кыргызстан, Таджикистан.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268.

Для цитаты: Галяпина В.Н. Аккультурационные установки и психологическое благополучие русских в Кыргызстане и Таджикистане: модерационная роль воспринимаемой безопасности // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 34–45. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170404>

Acculturation Attitudes and Psychological Well-Being of Russians in Kyrgyzstan and Tajikistan: The Moderating Role of Perceived Security

Victoria N. Galyapina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

More than 400 thousand Russians remain in Kyrgyzstan and Tajikistan after the collapse of the USSR. They have to adapt to the changing conditions, and it is important to study the factors that determine their psychological well-being. This study focuses on the moderating role of perceived security in the relationship between acculturation attitudes and psychological well-being of the Russians in the two Central Asian countries. The sample included 578 respondents. In the study, we used scales from the MIRIPS questionnaire and carried out analysis using the moderation models 1 and 3. The results showed that for the

Russians in both countries, when perceived security was low, separation attitudes promoted self-esteem, while assimilation attitudes decreased it. The study also revealed the role of the context: in Tajikistan (less favorable context for the Russians), assimilation attitudes contributed to life satisfaction in situations of high perceived security, while in Kyrgyzstan (more favorable context) it was integration attitudes that determined life satisfaction when perceived security was high or medium. We may conclude that the context determines the preference of acculturation strategy that provides the Russians with life satisfaction in the situation of perceived security: the assimilation strategy in Tajikistan, and the integration strategy in Kyrgyzstan.

Keywords: perceived security, acculturation attitudes, psychological well-being, Russians, Kyrgyzstan, Tajikistan.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RCF), project number 20-18-00268.

For citation: Galyapina V.N. Acculturation Attitudes and Psychological Well-Being of Russians in Kyrgyzstan and Tajikistan: The Moderating Role of Perceived Security. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 34–45. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170404> (In Russ.).

Введение

После распада СССР русские, проживающие в новых независимых государствах Средней Азии, столкнулись с множеством проблем: изменение статуса, дискриминация по этническому признаку, негативное отношение со стороны титульных этнических групп и др. [6]. Многие русские покинули новые государства, оставшиеся стараются адаптироваться к изменившимся условиям. По статистическим данным, на сегодняшний день в Таджикистане проживают около 34 тыс., а в Кыргызстане 360 тыс. русских [4; 6]. В связи с этим важно понимать, какие факторы способствуют психологическому благополучию русских в этих странах.

Многочисленные исследования [9] показывают, что важным для успешной психологической адаптации является выбор представителями этнического меньшинства аккультурационных стратегий. Однако исследователи подчеркивают, что выбор стратегии определяется социокультурным контекстом, включающим политику в отношении этнических меньшинств и установки титульных этнических групп по отношению к меньшинствам [14]. Одним из важных контекстуальных факторов является воспринимаемая угроза/безопасность. Высокая воспринимаемая угроза ведет к предрассудкам, дискриминации со стороны большинства, а воспринимаемая безопасность, напротив, взаимосвязана с идеологией мультикультурализма и установками на интеграцию меньшинств [22].

Исследования показывают [15], что воспринимаемая угроза/безопасность также оказывает воздействие на психологическое благополучие людей, поскольку потребность в безопасности является базовой для человека. Однако большинство исследований проводилось среди представителей этнического большинства. В связи с этим остается неясным вопрос, какова роль воспринимаемой угрозы/безопасности во взаимосвязи аккультурационных установок и психологического благополучия у

представителей этнического меньшинства, в нашем случае русских? Наше исследование нацелено на осмысление роли социокультурного контекста двух государств Средней Азии — Кыргызстана и Таджикистана в психологическом благополучии русских жителей этих стран.

Взаимосвязь аккультурационных стратегий и психологического благополучия

В исследованиях мигрантов и представителей этнических меньшинств показано, что наиболее эффективной аккультурационной стратегией является интеграция [9], она позитивно взаимосвязана с психологической адаптацией [16].

Однако в некоторых исследованиях выявлена важность стратегии ассимиляции в адаптации мигрантов и этнических меньшинств [12]. Так, в исследовании мигрантов из Средней Азии в России было установлено, что стратегия ассимиляции положительно взаимосвязана с их социокультурной адаптацией и удовлетворенностью жизнью [14].

Кроме этого, выбор стратегии сепарации позволяет прогнозировать как положительный, так и отрицательный результат адаптации мигрантов и этнических меньшинств. В исследовании межкультурных отношений в Дагестане выявлено, что у аварцев стратегия сепарации позитивно связана с удовлетворенностью жизнью [11]. А в исследовании мигрантов и принимающего населения Германии, напротив, было установлено, что предпочтение стратегии сепарации отрицательно взаимосвязано с их адаптацией [20].

Как показывают исследования [10], стратегия маргинализации является наименее эффективной и не приводит к психологическому благополучию. По этой причине исследователи часто не рассматривают данную стратегию в контексте проблемы психологического благополучия мигрантов и этнических меньшинств.

Взаимосвязь воспринимаемой угрозы/безопасности, межкультурных установок и благополучия

Во многих исследованиях воспринимаемая угроза изучается как стрессовый фактор для межгрупповых отношений [17; 21]. Большинство исследований сосредоточено на изучении взаимосвязи воспринимаемой угрозы с межкультурными установками у принимающего населения по отношению к мигрантам [8; 21]. Исследования, проведенные в Северной Ирландии и Израиле, продемонстрировали положительную взаимосвязь между символической угрозой и этноцентризмом [26]. А в исследовании, проведенном в Канаде, доказано, что воспринимаемая культурная и экономическая безопасность отрицательно коррелировали с этноцентризмом и положительно — с идеологией мультикультурализма [8].

В исследованиях также выявлена взаимосвязь воспринимаемой угрозы и аккультурационных установок [10; 18]. Например, исследование доминирующих этнических групп во Франции, Германии и Великобритании показало, что если представители этнического большинства чувствуют угрозу со стороны мигрантов, то они в меньшей степени ожидают ассимиляции мигрантов в их стране [10].

Ряд исследователей анализировали взаимосвязь воспринимаемой угрозы и аккультурационных установок среди этнических меньшинств [13]. Например, исследование русских, живущих в Эстонии, показало, что русские, предпочитающие интеграцию, демонстрировали низкий уровень культурной угрозы, а русские, предпочитающие ассимиляцию и сепарацию, характеризовались более высокой воспринимаемой культурной угрозой [13].

Немногие исследования фокусируются на последствиях воспринимаемой угрозы для психологического благополучия. Исследование, проведенное в Северной Ирландии, показало, что воспринимаемая межгрупповая угроза способствует ухудшению благополучия принимающего населения страны [15].

Таким образом, анализ показывает, что чаще всего воспринимаемая угроза изучается у представителей этнического большинства в контексте ее взаимосвязи с межкультурными установками [17]. Исследований, в которых бы делался акцент на изучении взаимосвязи воспринимаемой угрозы/безопасности с психологическим благополучием у этнических меньшинств практически нет.

В ряде исследований изучалась медиативная роль воспринимаемой угрозы. Например, Аберсон [7] установил, что символическая и реальная угрозы опосредуют взаимосвязь между межгрупповыми контактами и предубеждениями. Однако роль воспринимаемой угрозы во взаимосвязи аккультурационных установок и психологического благополучия среди представителей меньшинств не ясна. Важно проанализировать, будет ли воспринимаемая угроза/безопасность выступать условием, повышающим/понижающим взаимосвязь определенных аккультурационных стратегий с психологическим

благополучием представителей этнических меньшинств.

Социокультурный контекст

Данное исследование проводилось в двух государствах Средней Азии — Кыргызстане и Таджикистане, социокультурный контекст которых имеет как сходства, так и различия. Русские составляют в обеих странах этническое и религиозное меньшинство, но русских в Кыргызстане практически в 10 раз больше, чем в Таджикистане (около 360 тыс. и около 38 тыс. соответственно). В Кыргызстане по Конституции [1], в отличие от Таджикистана, русский язык является государственным, почти треть государства общается на русском языке. В Таджикистане русский язык — это язык науки и культуры, но не повседневного общения. В Кыргызстане также есть больше возможностей для получения образования на русском языке, чем в Таджикистане [3]. Кроме этого, можно отметить, что в Кыргызстане межэтнические отношения между доминирующей этнической группой и русскими более благоприятные, чем в Таджикистане [4; 6]. Можно заключить, что социокультурный контекст Кыргызстана является более безопасным и более благоприятным для проживания русских.

Опираясь на анализ исследований и учитывая особенности социокультурного контекста, мы сформулировали наши исследовательские вопросы.

1. Какова модерационная роль воспринимаемой безопасности во взаимосвязи аккультурационных установок (интеграция, ассимиляция и сепарация) и психологического благополучия (самоуважения и удовлетворенности жизнью) среди представителей русского этнического меньшинства в Кыргызстане и Таджикистане?

2. Каковы межстрановые различия выявленной модерационной роли воспринимаемой безопасности

Выборка исследования

В данное исследование вошли представители русского этнического меньшинства (N=300, из них 35% мужчин, средний возраст — 35,56 лет) в Кыргызстане и Таджикистане (N=278, из них 33% мужчин, средний возраст — 31,58 лет).

Инструментарий

В данном исследовании мы использовали шкалы из опросника проекта MIRIPS, переведенного и адаптированного для русской выборки [2].

Воспринимаемая безопасность. Шкала включала 3 пункта, например: «В Кыргызстане/Таджикистане есть место многообразию языков и культур»); все $\alpha > 0,50$.

Стратегии аккультурации. Шкала интеграции включала 3 пункта: «Для меня важно свободно вла-

деть как кыргызским/таджикским, так и русским языками»; шкала ассимиляция включала 3 пункта: «Я предпочитаю общественную деятельность, в которой участвуют только кыргызы/таджики»; шкала сепарации включала 3 пункта: «Я предпочитаю участвовать в мероприятиях, в которых участвуют только русские»; все $\alpha > 0,67$.

Психологическое благополучие измерялось с помощью двух шкал — *шкалы самоуважения*, включающей 4 утверждения, например: «Я чувствую, что вполне достоин уважения, по крайней мере, наравне с другими» (все $\alpha > 0,68$) — и *шкалы удовлетворенности жизнью*, включающей 4 утверждения, например: «Во многом моя жизнь близка к идеалу» (все $\alpha > 0,74$).

Социально-демографические данные: пол, возраст, образование и этническая принадлежность респондентов.

Математико-статистическая обработка данных: были использованы описательные статистики, α Кронбаха, MANOVA и регрессионный анализ с дополнительным модерационным анализом (модуль «Процесс», применялись модели 1 и 3), (SPSS 22.0).

Процедура исследования

В опросе использовалась удобная выборка, применялся метод «снежного кома». В распространении опросника в Кыргызстане помогали исследователи из Кыргызско-Российского Славянского университета, в Таджикистане — из Российско-Таджикского (славян-

ского) университета. Участие в исследовании было добровольным, не предполагало вознаграждения.

Результаты

На первом этапе мы сравнили все исследуемые переменные у русских, проживающих в Кыргызстане и Таджикистане, с помощью MANOVA (страна была независимой переменной, воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации и психологическое благополучие — зависимыми). Результаты показали значимые различия: Wilks's $\Lambda=0,775$; $F(6, 566)=27,331$; $p=0,000$; $\eta^2=0,225$. Различия по отдельным показателям также были значимыми за исключением удовлетворенности жизнью. Результаты представлены в табл. 1.

Для ответа на наши исследовательские вопросы мы провели модерационный анализ. Чтобы ответить на наш первый исследовательский вопрос и проверить, изменяется ли взаимосвязь каждой аккультурационной установки (X) с самоуважением и удовлетворенностью жизнью (Y) в зависимости от уровня воспринимаемой безопасности (W), мы использовали Модель 1 (рис. 1).

Для ответа на второй исследовательский вопрос мы использовали модель модулируемого модератора (Модель 3), позволяющего проанализировать, изменяется ли модерационный эффект воспринимаемой безопасности в зависимости от страны: аккультурационные установки (X) — предиктор, психологиче-

Таблица 1

Сравнение средних значений всех переменных у представителей русского этнического меньшинства в Кыргызстане и Таджикистане

Переменные	Группы		F (3, 573)	Partial η^2
	Русские Кыргызстана	Русские Таджикистана		
	M (SD)	M (SD)		
Воспринимаемая безопасность	3,04(0,93)	3,61(0,95)	52,54***	0,084
Интеграция	4,41(0,75)	4,14(0,87)	15,95***	0,027
Ассимиляция	1,49 (0,56)	1,93(0,80)	58,51***	0,093
Сепарация	3,01(0,90)	2,62(0,92)	27,12***	0,045
Самоуважение	4,31(0,57)	4,15(0,72)	9,38**	0,016
Удовлетворенность жизнью	3,35(0,80)	3,26(0,96)	1,21	0,002

Рис. 1. Модель 1 модерационной роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи аккультурационных установок и психологического благополучия

ское благополучие (Y) — ауткам, воспринимаемая безопасность (W) — модератор, страна (Z) — модератор модератора (рис. 2).

В таблицах представлены только значимые нестандартизированные коэффициенты). В табл. 2 представлены результаты анализа моделей для переменной «самоуважение». Что касается модерационного эффекта воспринимаемой безопасности на взаимосвязь стратегии ассимиляции с самоуважением русских на всей выборке (Модель 1), то модель показала значимый эффект двухстороннего взаимодействия (рис. 3).

Если посмотреть на коэффициенты регрессии для XW ($b = 0,086$; $t = 2,436$; $p = 0,015$ с 95% доверительным интервалом от 0,017 до 0,158), то можно сказать, что при низкой воспринимаемой безопасности предпочтение ассимиляции будет препятствовать самоуважению русских (рис. 3).

Также результаты таблицы показывают, что существует прямая отрицательная взаимосвязь между

предпочтением стратегии ассимиляции и самоуважением русских.

Что касается модулируемой модерации (XWZ), Модель 3 не показала статистически значимых эффектов взаимодействия обоих модераторов (воспринимаемой безопасности, страны) и предиктора (ассимиляции). Это позволяет заключить, что межстрановых различий в модерационной роли воспринимаемой безопасности нет (эффект страны не значим).

Результаты также показали, что существует модерационный эффект страны на взаимосвязь ассимиляции и самоуважения (XZ).

Также мы выявили значимый модерационный эффект воспринимаемой безопасности на взаимосвязь стратегии сепарации с самоуважением русских (рис. 4). Модель показала, что эффект интеракции воспринимаемой безопасности и сепарации (XW) является отрицательным: $b = -0,058$; $t = -2,008$; $p = 0,045$ с 95% доверительным интервалом от -0,115

Рис. 2. Модель 3 модулируемой роли (страны) модератора (воспринимаемой безопасности) во взаимосвязи аккультурационных установок и психологического благополучия

Таблица 2

Нестандартизированные бета-коэффициенты и индексы моделей взаимосвязи стратегий аккультурации, воспринимаемой безопасности и страны с самоуважением

Предикторы	Модель 1: R = 0,321; R ² = 0,097; p = 0,001	Модель 3: R = 0,360; R ² = 0,129; p = 0,001
Ассимиляция	-0,518 (p < 0,001)	0,207 (p > 0,05)
Воспринимаемая безопасность	-0,006 (p > 0,05)	0,052 (p > 0,05)
Страна		0,157 (p > 0,05)
Ассимиляция × Воспринимаемая безопасность	0,086 (p < 0,05)	-0,052 (p > 0,05)
Ассимиляция × Страна		-0,464 (p < 0,05)
Воспринимаемая безопасность × Страна		-0,027 (p > 0,05)
Ассимиляция × Воспринимаемая безопасность × Страна		0,094 (p > 0,05)
	Модель 1: R = 0,204, R ² = 0,042; p = 0,001	Модель 3: R = 0,291; R ² = 0,045; p = 0,001
Сепарация	0,243 (p < 0,05)	0,440 (p > 0,05)
Воспринимаемая безопасность	0,304 (p < 0,001)	0,273 (p > 0,05)
Страна		0,001 (p > 0,05)
Сепарация × Воспринимаемая безопасность	-0,058 (p < 0,05)	-0,088 (p > 0,05)
Сепарация × Страна		-0,205 (p > 0,05)
Сепарация × Воспринимаемая безопасность × Страна		-0,003 (p > 0,05)

до $-0,001$ (рис. 4). Мы можем говорить, что стратегия сепарации способствует самоуважению русских в ситуации низкой и умеренной воспринимаемой безопасности.

Также результаты показывают, что существует прямая положительная взаимосвязь между предпочтением стратегии сепарации и самоуважением русских в обеих странах.

Модель 3 показала статистически незначимый эффект трехстороннего взаимодействия стратегии сепарации, воспринимаемой безопасности и страны (XWZ) на самоуважение русских. То есть мы можем говорить, что между русскими, живущими в Кыргызстане и Таджикистане, нет значимых различий в роли, которую играет воспринимаемая безопасность во взаимосвязи сепарации с самоуважением.

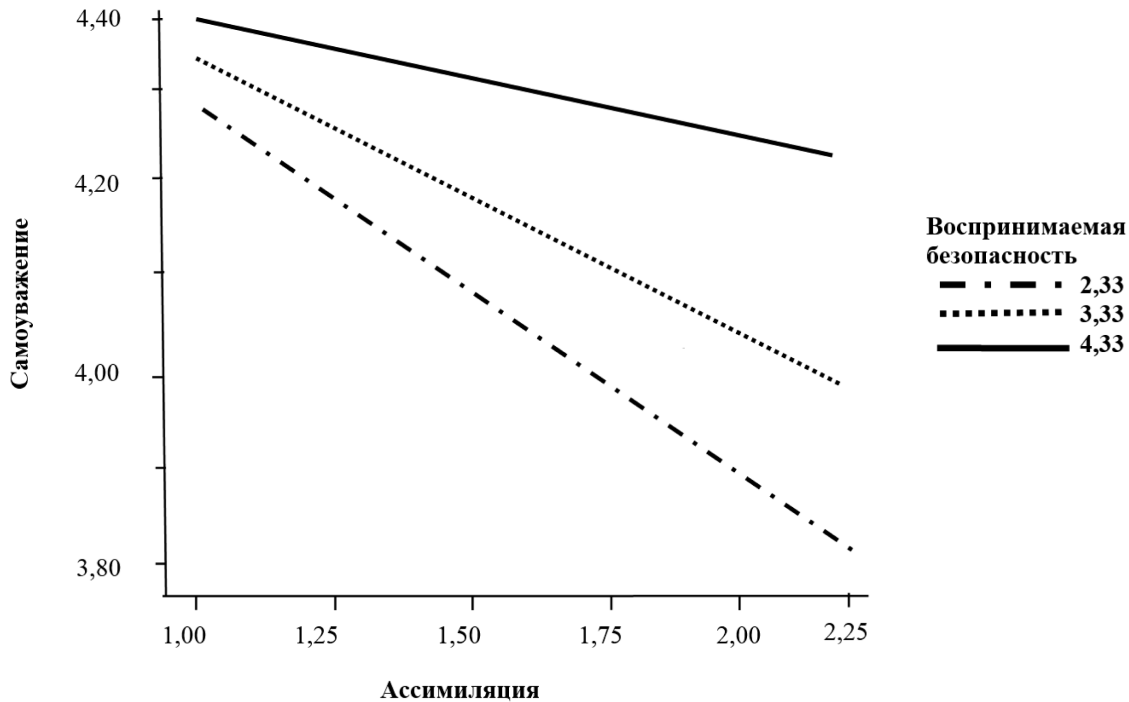

Рис. 3. Модель 1 модерационной роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи ассимиляции и самоуважения у русских

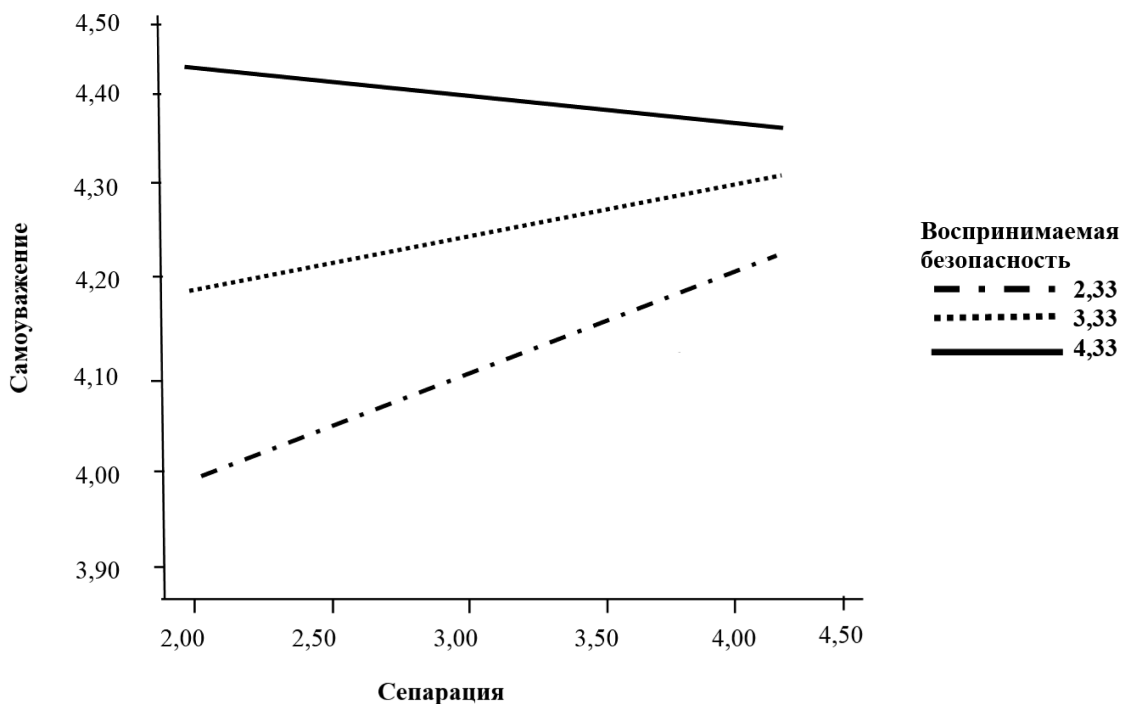

Рис. 4. Модель 1 модерационной роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи сепарации и самоуважения у русских

Результаты, представленные в табл. 3, показывают эффекты для переменной «удовлетворенность жизнью».

Что касается связи ассимиляции, воспринимаемой безопасности с удовлетворенностью жизнью, Модель 1 показала статистически значимый прямой эффект ассимиляции на удовлетворенность жизнью и значимый эффект взаимодействия (XW) (рис. 5). Коэффициенты регрессии: $b = 0,144$; $t = 2,968$; $p = 0,003$ с 95% доверительным интервалом от 0,048 до 0,240. То

есть можно сказать, что при условии низкой воспринимаемой безопасности установки на ассимиляцию снижают удовлетворенность жизнью, а при условии высокой воспринимаемой безопасности ассимиляция, напротив, способствует удовлетворенности жизнью русских в Кыргызстане и Таджикистане.

Модель 3 также показала значительный эффект трехстороннего взаимодействия (рис. 6). Если посмотреть на коэффициент регрессии для XWZ ($b = 0,216$; $t = 2,075$; $p = 0,038$ с 95% доверительным

Таблица 3

Нестандартизированные бета-коэффициенты и индексы моделей взаимосвязи стратегий аккультурации, воспринимаемой безопасности и страны с удовлетворенностью жизнью

Предикторы	Модель 1: R = 0,327; R ² = 0,107; p = 0,001	Модель 3: R = 0,370; R ² = 0,137; p = 0,001
Ассимиляция	-0,476 (p < 0,01)	0,708 (p > 0,05)
Воспринимаемая безопасность	0,024 (p > 0,05)	0,678 (p < 0,05)
Страна		1,251 (p < 0,05)
Ассимиляция × Воспринимаемая безопасность	0,144 (p < 0,01)	-0,174 (p > 0,05)
Ассимиляция × Страна		-0,786 (p < 0,05)
Воспринимаемая безопасность × Страна		-0,427 (p < 0,05)
Ассимиляция × Воспринимаемая безопасность × Страна		0,216 (p < 0,05)
	Модель 1: R = 0,321; R ² = 0,102; p = 0,001	Модель 3: R = 0,353; R ² = 0,124; p = 0,001
Интеграция	0,023 (p > 0,05)	-0,605 (p > 0,05)
Воспринимаемая безопасность	0,141 (p > 0,05)	-1,166 (p > 0,05)
Страна		-1,819 (p > 0,05)
Интеграция × Воспринимаемая безопасность	0,027 (p > 0,05)	0,320 (p < 0,05)
Интеграция × Страна		0,351 (p > 0,05)
Воспринимаемая безопасность × Страна		0,769 (p < 0,05)
Интеграция × Воспринимаемая безопасность × Страна		-0,169 (p < 0,05)

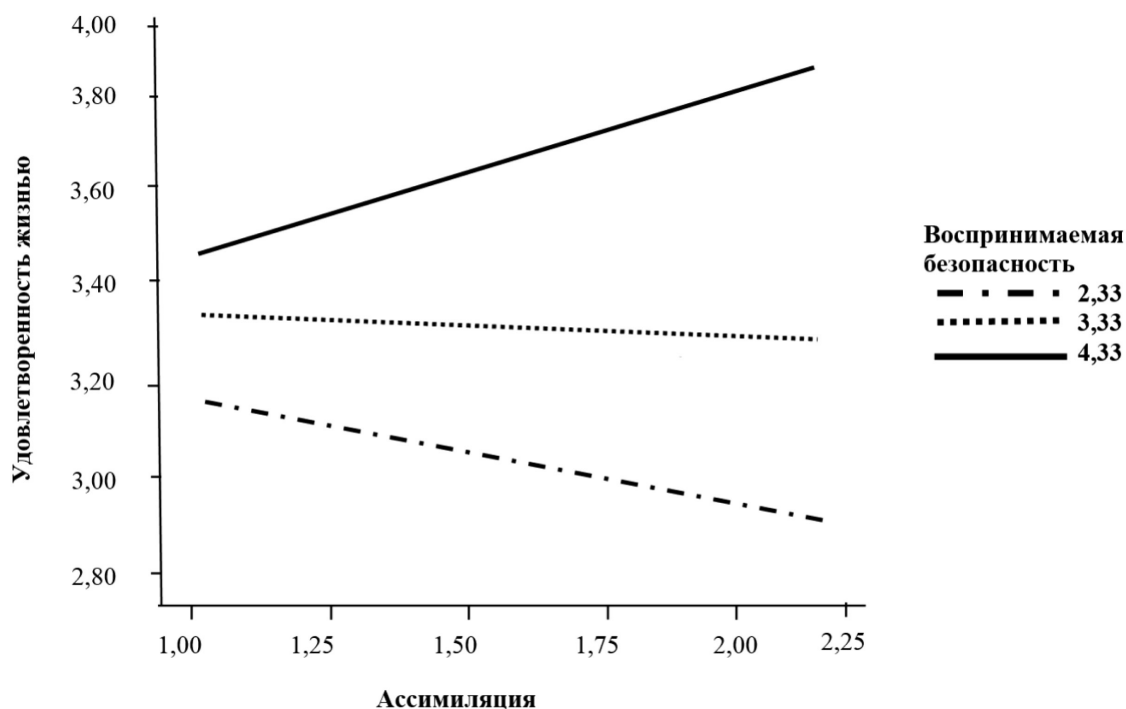

Рис. 5. Модель 1 модерационной роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи ассимиляции и удовлетворенности жизнью у русских

интервалом от 0,012 до 0,420), то можно сказать, что величина влияния воспринимаемой безопасности на взаимосвязь стратегии ассимиляции с удовлетворенностью русских своей жизнью зависит от страны. Эффект воспринимаемой безопасности на взаимосвязь ассимиляции и удовлетворенности жизнью был положительным, но разница между теми, кто имел высокий и низкий уровень воспринимаемой безопасности, была выше в Таджикистане.

Также мы выявили значимые прямые положительные эффекты воспринимаемой безопасности и страны проживания на удовлетворенность жизнью. Эффекты взаимосвязи ассимиляции и страны проживания, а также взаимосвязи воспринимаемой безопасности и страны проживания были значимыми отрицательными.

Наконец мы выявили, что эффект трехстороннего взаимодействия установок на интеграцию, вос-

принимаемой безопасности и страны на удовлетворенность жизнью русских (Модель 3: $b = -0,169$; $t = -1,797$; $p = 0,043$ с 95% доверительным интервалом от $-0,354$ до $-0,015$) является значимым. Мы видим (рис. 7), что в Таджикистане эффект воспринимаемой безопасности на взаимосвязь интеграции и удовлетворенности жизнью был отрицательным, но разницы между теми, кто имел высокий, умеренный и низкий уровень безопасности, практически не было. В Кыргызстане, напротив, выявлена значимая разница между теми, кто имеет высокий, средний и низкий уровни воспринимаемой безопасности: при высоком и среднем уровнях стратегия интеграции способствовала удовлетворенности русских своей жизнью, при низком уровне эта связь становилась практически незначимой.

Также мы выявили положительные эффекты двухстороннего взаимодействия стратегии интегра-

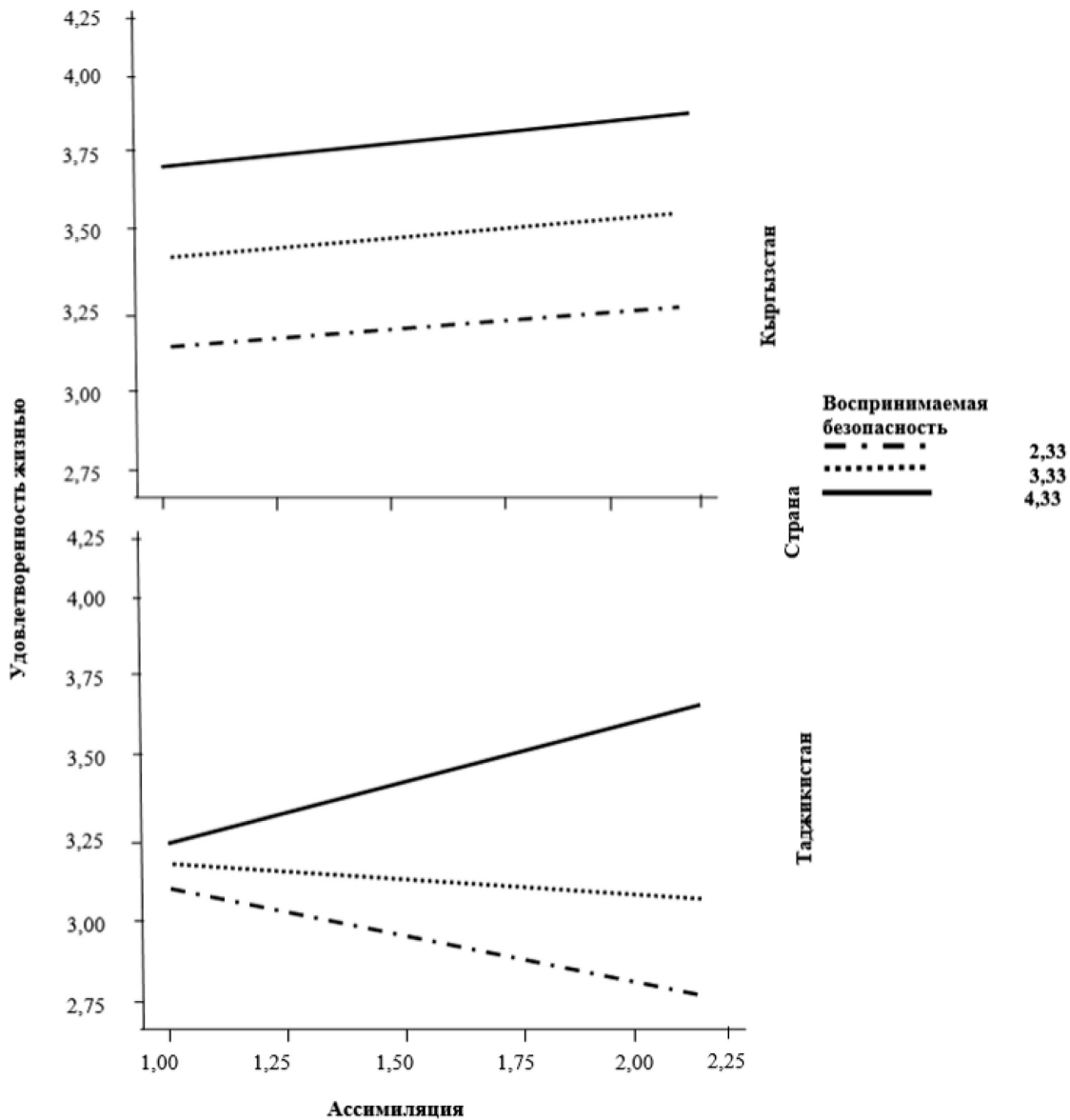

Рис. 6. Модель 3 модулируемой модерации воспринимаемой безопасности во взаимосвязи ассимиляции и удовлетворенности жизнью у русских в Кыргызстане и Таджикистане

ции и воспринимаемой безопасности на удовлетворенность жизнью, а также воспринимаемой безопасности и страны проживания на удовлетворенность жизнью русских (см. табл. 4).

Обсуждение результатов и выводы

Проведенное нами исследование фокусировалось на анализе роли воспринимаемой безопасности в выборе стратегий аккультурации и психологическом благополучии русских в двух странах Средней Азии: Кыргызстане и Таджикистане. Результаты нашего исследования показали, что при низком и умеренном уровнях воспринимаемой безопасности предпочтительные стратегии ассимиляции не будут способствовать самоуважению русских в Кыргызстане и Таджикистане, а стратегия сепарации, напротив, обуславлива-

ет высокий уровень самоуважения. Эта взаимосвязь является универсальной для двух стран.

Можно сказать, что когда русские ощущают опасность, их ориентация на поддержание собственной культуры способствует их самоуважению. Исследователи из разных областей гуманитарного знания [5] отмечают, что в период нестабильности и социальных катаклизмов преодолеть негативные последствия переживаемого ощущения опасности помогает обращение к культурным корням как источнику духовной силы. То есть культура выступает неким «средством» защиты человека от угроз.

В целом, эти данные согласуются с идеей Д. Берри [9] о том, что только когда люди уверены, что их культурной идентичности ничто не угрожает, они могут принять тех, кто отличается от них. И наоборот, когда люди чувствуют угрозу, у них развиваются предубеждения и установки дискриминации по от-

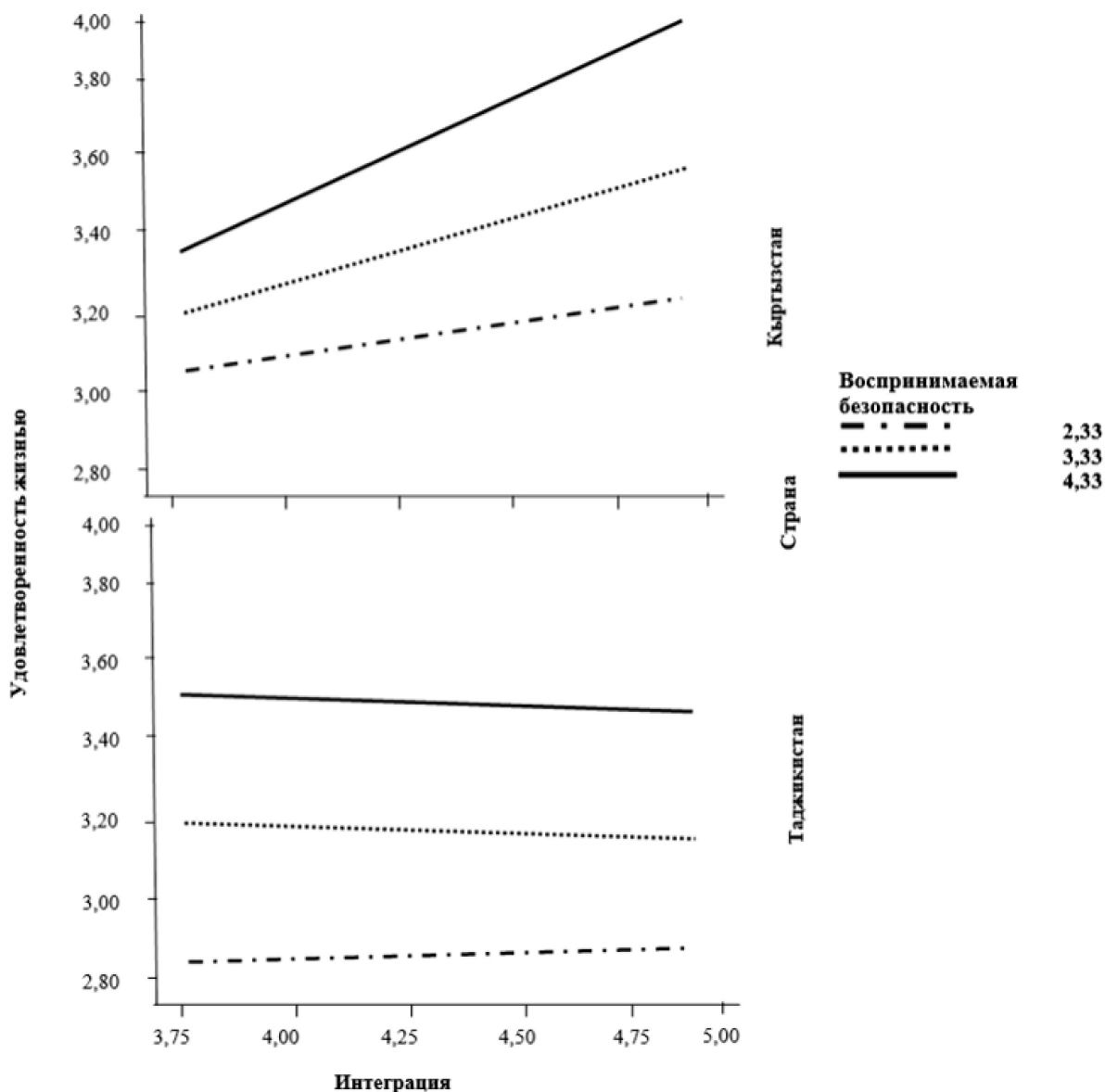

Рис. 7. Модель 3 модулируемой модерации воспринимаемой безопасности во взаимосвязи интеграции и удовлетворенности жизнью у русских в Кыргызстане и Таджикистане

ношению к угрожающей им группе, что влечет за собой снижение психологического благополучия.

Наше исследование показало, что при высоком уровне воспринимаемой безопасности предпочтение стратегии ассимиляции способствует удовлетворенности русских своей жизнью, а при низком, напротив, препятствует. Однако, как продемонстрировали результаты, подобная роль воспринимаемой безопасности в большей мере характерна для социокультурного контекста Таджикистана, который, по данным исследований, является неблагоприятным для русских [4]. То есть в неблагоприятном социокультурном контексте только при высоком уровне воспринимаемой безопасности ассимиляционная стратегия будет приводить к удовлетворенности жизнью, а при низком уровне воспринимаемой безопасности, напротив, установки на принятие культуры этнического большинства будут снижать удовлетворенность жизнью. Наши данные согласуются с результатами Малдуна и Шмида [15], которые изучали взаимосвязь воспринимаемой угрозы с психологическим благополучием, принимая во внимание роль политического конфликта у жителей Северной Ирландии. Их результаты показали, что только в ситуации, когда конфликт затрагивал людей, воспринимаемая угроза повышала идентификацию с собственной культурой, но снижала психологическое благополучие.

Модерирующая роль контекста была нами также выявлена при анализе модерационной роли воспринимаемой безопасности во взаимосвязи стратегии интеграции и удовлетворенности жизнью. Результаты показали, что только в Кыргызстане (более благоприятный социокультурный контекст) при высоком и среднем уровнях воспринимаемой безопасности стратегия сохранения своей культуры и принятие

культуры этнического большинства способствовали удовлетворенности русских своей жизнью; при низком уровне безопасности эта связь становилась незначимой. Можно заключить, что интеграционная стратегия приводит к удовлетворенности жизнью, когда и воспринимаемая безопасность достаточно высока, и реальный контекст является благоприятным и не несет открытой угрозы [6].

В целом, результаты исследования продемонстрировали, что для русских в Средней Азии (на примере изученных стран) большую роль во взаимосвязи их аккультурационных установок и психологического благополучия играет воспринимаемая безопасность. В ситуации, когда русские чувствуют угрозу, их установки на сепарацию приносят им самоуважение, а установки на ассимиляцию, напротив, не способствуют их психологическому благополучию.

Исследование также показало значимую роль контекста. Так, в Таджикистане, где для русских сложился не очень благоприятный социокультурный контекст, только в ситуации высокой воспринимаемой безопасности установки на ассимиляцию взаимосвязаны с удовлетворенностью жизнью. В более благоприятном для русских контексте — Кыргызстане — в ситуации высокой и умеренной воспринимаемой безопасности интеграционные установки приводят к удовлетворенности жизнью. Можно сказать, что контекст задает паттерн предпочтения той стратегии, которая обеспечивает русским удовлетворенность жизнью в ситуации безопасности: в Таджикистане — это ассимиляция, а в Кыргызстане — интеграция.

Исследование показало, что проблеме воспринимаемой безопасности/угрозы должно уделяться большее внимание в публичном дискурсе этих стран для психологического благополучия русских, проживающих в этих странах.

Литература

1. Конституция Кыргызской Республики, 2021. [Электронный ресурс] URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения: 10.05.2021).
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М.: РУДН, 2009.
3. Летняков Д.Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии [Электронный ресурс] // *Полития*. 2015. № 4(79) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetskoy-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 21.02.2021).
4. Ситнянский Г.Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. М.: ИЭА РАН, 2011. 290 с.
5. Сусоколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса // *Расы и народы*. 1990. № 20. С. 5–40.
6. Элебаева А. Б. Межэтнические противоречия и конфликты в национально-государственном строительстве Кыргызстана // *Вестник КРСУ*. 2014. Том 14. № 9. С. 159–163.
7. Aberson C. L. Indirect Effects of Threat on the Contact—Prejudice Relationship: A Meta-Analysis // *Social*

References

1. Konstitutsiya Kyrgyzskoy Respubliki [Constitution of the Kyrgyz Republic], 2021. Available at: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (Accessed 05.10.2021). (In Russ.)
2. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i primimayushchego naseleniya Rossii [Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia. Moscow: RUDN, 2009. (In Russ.)
3. Letnyakov D.E. Rol' russkogo yazyka v postsovetskoy Tsentral'noy Azii [The role of the Russian language in post-Soviet Central Asia]. *Politiya*, 2015. Vol. 4 no. 79. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetskoy-tsentralnoy-azii> (Accessed 02.21.2021). (In Russ.)
4. Sitnyanskiy G.U. Rossiya i Tsentral'naya Aziya: vmeste ili vroz'?' Mezhetnicheskiye otnosheniya v Sredney Azii i Kazakhstane i Rossiya [Russia and Central Asia: Together or Apart? Interethnic relations in Central Asia and Kazakhstan and Russia]. Moscow: IEA RAN, 2011. 290 p. (In Russ.)
5. Susokolov A.A. Strukturnyye faktory samoorganizatsii etnosa [Structural factors of self-organization of the ethnosp].

- Psychology. 2019. Vol. 50. № 2. P. 1–22. DOI: 10.1027/1864-9335/a000364
8. Berry J. W., Kalin R. Multicultural Policy and Social Psychology: The Canadian Experience // Political Psychology in Cross-cultural Perspective / S. Renshon, J. Duckitt (Ed.). New York: MacMillan, 2000. P. 263–284.
9. Berry J.W. (Ed.) Mutual Intercultural Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. DOI: 10.1017/9781316875032.001
10. Croucher S.M. Integrated threat theory and acceptance of immigrant assimilation: an analysis of Muslim immigration in Western Europe // Communication Monographs. 2013. Vol. 80. P. 46–62
11. Galyapina V., Lepshokova Z., Molodikova I. Intercultural relations in Dagestan: the role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation // Central Asia and the Caucasus. 2021. Vol. 22. № 1. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.07>
12. Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2011. Vol. 37. № 9. P. 1423–1440. DOI: 10.1080/1369183X.2011.623617
13. Kruusvall J., Vetik R., Berry J.W. The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians // Studies of Transition States and Societies. 2009. Vol. 1. P. 3–24.
14. Lebedeva N., Ryabichenko T. Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9. № 1. P. 98–111. DOI: 10.11621/pir.2016.0107
15. Muldoon O.T., Schmid K. Perceived Threat, Social Identification, and Psychological Well-Being: The Effects of Political Conflict Exposure // Political Psychology, 2015. Vol. 29. DOI: 10.1111/pops.12073
16. Nguyen A.-M.D., Benet-Martínez V. Biculturalism and Adjustment: A Meta-Analysis // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2012. 22022111435097. <https://doi.org/10.1177/0022022111435097>
17. Nshom E., Croucher S.M. Threats and attitudes toward Russian-speaking immigrants: a comparative study between younger and older Finns Russian // Journal of Communication. 2014 Vol. 6. №. 3. P. 308–317. <http://dx.doi.org/10.1080/19409419.2014.954599>
18. Rohmann A., Piontkowski U., van Randenborgh A. When attitudes do not fit: discordance of acculturation attitudes as an antecedent of intergroup threat // Personality and Social Psychology Bulletin. 2008. Vol. 34. P. 337–352.
19. Rouhana N.N., Fiske S.T. Perception of power, threat, and conflict intensity on asymmetric intergroup conflict // Journal of Conflict Resolution. 1995. Vol. 39. № 1. P. 49–82.
20. Schmitz P.G., Berry J.W. Structure of acculturation attitudes and their relationships with personality and psychological adaptation: A Study with immigrant and national samples in Germany // Crossing borders: Cross-cultural and cultural psychology as an interdisciplinary, multi-method endeavor / F. Deutsch, M. Boehnke, U. Kühnen, K. Boehnke (Eds.). Jacobs University Bremen, 2011.
21. Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R. Intergroup threat theory // Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination / T.D. Nelson (Ed.). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2009. P. 43–59.
22. Ward C., Masgoret A.-M. Attitudes toward Immigrants, Immigration, and Multiculturalism in New Zealand: A Social Psychological Analysis // International Migration Review. 2008. Vol. 42. № 1. P. 227–248. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2007.00119.x
- Rasy i narody = Races and peoples*, 1990, no. 20, pp. 5–40. (In Russ.).
6. Elebayeva A. B. Mezhetnicheskiye protivorechiya i konflikty v natsional'no-gosudarstvennom stroitel'stve Kyrgyzstana [Interethnic contradictions and conflicts in the national-state construction of Kyrgyzstan]. *Vestnik KRSU*, 2014. Vol 14, no 9, pp. 159–163. (In Russ.).
7. Aberson C. L. Indirect Effects of Threat on the Contact–Prejudice Relationship: A Meta-Analysis. *Social Psychology*, 2019. Vol. 50, no 2. pp. 1–22. DOI: 10.1027/1864-9335/a000364
8. Berry J. W., Kalin R. Multicultural Policy and Social Psychology: The Canadian Experience. / In Political Psychology in Cross-cultural Perspective, ed. S. Renshon and J. Duckitt, (pp.) 263–284. New York: MacMillan, 2000
9. Berry J. W. (Ed.) Mutual Intercultural Relations). Cambridge: Cambridge University Press. 2017. DOI: 10.1017/9781316875032.001
10. Croucher S.M. Integrated threat theory and acceptance of immigrant assimilation: an analysis of Muslim immigration in Western Europe. *Communication Monographs*, 2013. Vol. 80, pp. 46–62
11. Galyapina V., Lepshokova Z., Molodikova I. Intercultural relations in Dagestan: the role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation. *Central Asia and the Caucasus*, 2021. Vol. 22, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.07>
12. Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2011. Vol. 37, no. 9, pp. 1423–1440. DOI: 10.1080/1369183X.2011.623617
13. Kruusvall J., Vetik R., Berry J. W. The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians. *Studies of Transition States and Societies*, 2009. Vol. 1, pp. 3–24
14. Lebedeva N., Ryabichenko T. Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9, no. 1, pp. 98–111. DOI: 10.11621/pir.2016.0107
15. Muldoon O. T., Schmid K. Perceived Threat, Social Identification, and Psychological Well-Being: The Effects of Political Conflict Exposure. *Political Psychology*, 2015. Vol. 29. DOI: 10.1111/pops.12073
16. Nguyen A.-M. D., Benet-Martínez V. Biculturalism and Adjustment: A Meta-Analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2012. 22022111435097 <https://doi.org/10.1177/0022022111435097>
17. Nshom E., Croucher S. M. Threats and attitudes toward Russian-speaking immigrants: a comparative study between younger and older Finns Russian. *Journal of Communication*, 2014. Vol. 6, no. 3. pp. 308–317. <http://dx.doi.org/10.1080/19409419.2014.954599>
18. Rohmann A., Piontkowski U., van Randenborgh A. When attitudes do not fit: discordance of acculturation attitudes as an antecedent of intergroup threat. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2008. Vol. 34, pp. 337–352.
19. Rouhana N.N., Fiske S.T. Perception of power, threat, and conflict intensity on asymmetric intergroup conflict. *Journal of Conflict Resolution*, 1995. Vol.39, no. 1, pp. 49–82.
20. Schmitz P. G., Berry J. W. Structure of acculturation attitudes and their relationships with personality and psychological adaptation: A Study with immigrant and national samples in Germany / In F. Deutsch, M. Boehnke, U. Kühnen, & K. Boehnke (Eds.), Crossing borders: Cross-cultural and cultural psychology as an interdisciplinary, multi-method endeavor. Jacobs University Bremen. 2011.

21. Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R. Intergroup threat theory / In T.D. Nelson (Ed.), Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination (pp. 43–59). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2009.

22. Ward C., Masgoret A.-M. Attitudes toward Immigrants, Immigration, and Multiculturalism in New Zealand: A Social Psychological Analysis. *International Migration Review*, 2008. Vol. 42, no. 1, pp. 227–248. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2007.00119.x

Информация об авторах

Галяпина Виктория Николаевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Information about the authors

Victoria N. Galyapina, PhD in Psychology, Leading Research Fellow, Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021

Social Cohesion, Ethnicity and Well-Being: Results from an Intervention Study in Kyrgyzstan

Mandi M. Larsen

Jacobs University Bremen, Bremen, Germany
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5057-0085>, e-mail: m.larsen@jacobs-university.de

Klaus Boehnke

Jacobs University Bremen, Bremen, Germany
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5435-4037>, e-mail: kboehnke@hse.ru

Damir Esenaliev

ISDC – International Security and Development Center, Berlin, Germany
Leibniz Institute of Vegetable and Ornamental Crops (IGZ), Großbeeren, Germany
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4578-7180>, e-mail: esenaliev@igzev.de

Tilman Brück

Leibniz Institute of Vegetable and Ornamental Crops (IGZ), Großbeeren, Germany
ISDC – International Security and Development Center, Berlin, Germany
Natural Resource Institute, University of Greenwich, Chatham Maritime, UK
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8344-8948>, e-mail: brueck@isdc.org

When looking at important indicators of well-being, there is extensive evidence that levels of life satisfaction differ between ethnic groups, such that minority groups by and large tend to report lower levels of life satisfaction than majority ethnic groups. A growing body of literature has begun investigating the relationship between an individual's community and their own levels of life satisfaction. While community deprivation and community ethnic composition are important factors for understanding individual ethnic disparities in life satisfaction, there is a gap in understanding the role of community social cohesion, as well as the effect on change in life satisfaction over time. Using panel survey data from 5,207 adults living in 30 sub-districts of rural Kyrgyzstan, we conduct a multilevel analysis of whether social cohesion serves as a moderator for the relationship between ethnicity and change in life satisfaction. While results do not demonstrate a positive effect of community social cohesion on change in life satisfaction, they do indicate that higher levels of community social cohesion minimize the ethnic group disparities in change in life satisfaction. These findings imply that social cohesion may be one additional piece of the puzzle in understanding ethnic disparities in life satisfaction.

Keywords: ethnicity, ethnic disparities, Kyrgyzstan, life satisfaction, change in life satisfaction, social cohesion, well-being.

Funding. Klaus Boehnke's contribution to this article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program. The micro data used in this article was originally collected for the project "Social Cohesion through Community-Based Development Project" funded by the Aga Khan Foundation (AKF) and the World Bank. The views expressed are not necessarily those of the AKF or the World Bank.

For citation: Larsen M.M., Boehnke K., Esenaliev D., Brück T. Social Cohesion, Ethnicity and Well-Being: Results from an Intervention Study in Kyrgyzstan. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 46–55. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170405>

Социальная сплоченность, этническая принадлежность и изменения благополучия: результаты интервенционного исследования в Кыргызстане

Мэнди М. Ларсен

Бременский Университет Якобса, Бремен, Германия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5057-0085>, e-mail: m.larsen@jacobs-university.de

Клаус Бёнке

Бременский Университет Якобса, Бремен, Германия
Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики»
(ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5435-4037>, e-mail: kboehnke@hse.ru

Дамир Эсеналиев

Центр международной безопасности и развития, Берлин, Германия
Институт овощных и декоративных культур имени Лейбница, (IGZ), Гросбирен, Германия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4578-7180>, e-mail: esenaliev@igzev.de

Тилман Брюк

Центр международной безопасности и развития, Берлин, Германия
Институт овощных и декоративных культур имени Лейбница, (IGZ), Гросбирен, Германия
Институт природных ресурсов, Университет Гринвича, Четэм Маритим, Великобритания
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8344-8948>, e-mail: brueck@isdc.org

Исследования психологического благополучия свидетельствуют о том, что этнические группы в сообществе различаются по уровню удовлетворенности жизнью таким образом, что группы этнических меньшинств, как правило, менее удовлетворены жизнью, чем группы этнического большинства. Растет количество научных работ, посвященных изучению взаимосвязи удовлетворенности жизнью на индивидуальном уровне и сообществом индивидуума. Хотя депривация и этнический состав сообщества являются важными факторами для понимания индивидуальных этнических различий в удовлетворенности жизнью, существует пробел относительно роли социальной сплоченности сообщества в их взаимосвязи, а также относительно ее влияния на изменение удовлетворенности жизнью с течением времени. На основании данных панельного опроса 5 207 взрослых, проживающих в 30 сельских районах Кыргызстана, был проведен многоуровневый анализ того, служит ли социальная сплоченность модератором взаимосвязи между этнической принадлежностью и изменением удовлетворенности жизнью. Хотя результаты не демонстрируют положительного влияния социальной сплоченности сообщества на изменение удовлетворенности жизнью, они показывают, что более высокий уровень социальной сплоченности сообщества сводит к минимуму различия этнических групп в изменении удовлетворенности жизнью. Таким образом, социальная сплоченность может быть одним из объясняющих элементов в комплексной картине этнических различий в удовлетворенности жизнью.

Ключевые слова: этническая принадлежность, этнические различия, Кыргызстан, удовлетворенность жизнью, изменения в удовлетворенности жизнью, социальная сплоченность, благополучие.

Финансирование. Участие Клауса Бёнке в данном исследовании осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Данные, использованные при написании этой статьи, изначально были собраны в рамках проекта «Социальная сплоченность через проект развития на уровне сообществ», финансируемого Фондом Ага Хана (АКФ) и Всемирным банком. Мнения авторов статьи, сформулированные по итогам исследования, могут не совпадать с Фондом Ага Хана (АКФ) и Всемирным банком.

Для цитаты: Ларсен М.М., Бёнке К.Г., Эсеналиев Д., Брюк Т. Социальная сплоченность, этническая принадлежность и изменения благополучия: результаты интервенционного исследования в Кыргызстане // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 46–55. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170405>

Introduction

As an important dimension of well-being, life satisfaction attracts a large body of empirical work to examine its causes and correlates. E. Angner [1] defined life satisfaction as the cognitive component of subjective well-being in that it is made up of individual evaluations about overall quality of life. According to the R. Veenhoven's [36] sequence model of life evaluation, these evaluations are reactions to both big and small events in daily life, which in turn, are systematically related to people's social position (e.g., income, employment, marital status), their individual abilities (e.g., health, intelligence), and societal resources (e.g., economic welfare, social equality, political freedom). Life satisfaction is understood by many as an important indicator for measuring group inequalities and policy outcomes exactly because it reflects individuals' own judgments of their overall well-being [1; 8; 9; 13].

Ethnic disparities in life satisfaction

There is an increasing amount of research showing that those who belong to minority racial and ethnic groups tend to have lower life satisfaction as compared to majority groups [19; 32; 37], though this may not be the case for all ethnic groups [22] or for all age groups [33]. Often the differences that do exist in life satisfaction are partially explained by ethnic disparities in the individual-level factors associated with life satisfaction (e.g., employment, income, deprivation) [2]. However, even when these relevant aspects of individual disadvantage are controlled for, the ethnic disparities in life satisfaction appear to persist [19].

The role of community context

A small but growing body of research uses multi-level analytical models to examine the community-level determinants of life satisfaction in general, while also taking into account the nested structure of the data (i.e., individuals living within communities). These studies are partially informed by institutional theories that individual life satisfaction is impacted by the quality of services and amenities available to the individual at the community level [7], as well as social competition theories that posit that life satisfaction is impacted when individuals are competing for limited resources within the community [11]. Whereas some studies tend to find a negative association between individual life satisfaction and various measures of community deprivation and poverty [18; 21; 30; 34], not all community measures of deprivation (e.g., levels of unemployment or homeownership) seem to play a role [34].

Social cohesion also seems to have a positive relationship with individual life satisfaction. J. Delhey and G. Dragolov [6] investigated this at the national level in the EU, and concluded from their results that living in a cohesive setting increases positive life events, which influences individual life satisfaction above and beyond national affluence and income distribution. M.A. Shields

and colleagues [34] found similar results at the community level in Australia, such that community measures of increased social support and interaction go along with increased levels of individual life satisfaction. On the opposite end of the spectrum, C. Y. Hsu and colleagues [18] found a negative relationship in Hong Kong between life satisfaction and community levels of social fragmentation. Moreover, they noted that social fragmentation has different effects on individual life satisfaction according to individual welfare status.

With regards to ethnic disparities in life satisfaction in particular, community deprivation levels may be part of the explanation, both because it has been shown to be a determinant of well-being [20], and because ethnic minority groups tend to be overrepresented in these communities [38]. G. Knies and colleagues [22] provide evidence that community deprivation levels in the UK are negatively associated with the life satisfaction of minority ethnic groups, helping explain the disparity in life satisfaction between majority and minority ethnic groups.

Moreover, there is some reason to believe that the ethnic composition of communities may have a positive relationship with life satisfaction. The share of own ethnic group members in a community may be a source of support and solidarity [3] and may shield against discrimination [2]. Along these same lines, G. Knies and colleagues [22] found a positive association between neighborhood concentration of own ethnic group and individual life satisfaction for certain ethnic groups, even after accounting for community-level deprivation.

While evidence is growing about the roles of community deprivation and ethnic composition in explaining ethnic disparities in life satisfaction, to our knowledge, there still remains a gap in research about the role of social cohesion in this relationship. Given the evidence of its positive effect on life satisfaction, we propose that it could be part of the explanation in ethnic group differences in life satisfaction.

The case of Kyrgyzstan

Kyrgyzstan offers itself as a particularly interesting case to consider the role of social cohesion in ethnic disparities in life satisfaction. This landlocked and mountainous Central Asian country of 6.2 million people shares borders with China, Kazakhstan, Tajikistan, and Uzbekistan. Almost a quarter of the population lives below the poverty line, making it one of the poorest countries in Central Asia [27]. Formerly a Soviet Republic, Kyrgyzstan gained full independence in 1991. Its population is multi-ethnic, with the largest groups being Kyrgyz (73%), Uzbek (15%), and Russian (5%) [27]. Notably, these numbers represent a dramatic shift since independence, when the Kyrgyz represented 52% of the population, followed by Russians at 22%, and Uzbeks at 13%. Against a backdrop of political unrest, violent ethnic clashes between Kyrgyz and Uzbeks took place in 2010 in Osh city and the surrounding areas, home to large numbers of the Uzbek ethnic minority. Altogether, several hundred were killed, thousands injured, and hun-

dreds of thousands were displaced [24; 29]. While there is currently a certain level of stability in the country, including relatively peaceful transitions of presidential power in 2017 and 2020, ethnic reconciliation following the clashes has been slow [17; 26; 28].

With this in mind, the panel data collected under the “Social Cohesion through Community-Based Development Project” in 30 sub-districts (*Ayil Aimaks*)¹ in the Naryn and Osh regions (*oblasts*) of Kyrgyzstan between 2014 and 2017 may be especially relevant [15]. The Naryn region is predominantly rural, mountainous and sparsely populated, with a largely mono-ethnic population of Kyrgyz. Osh, on the other hand, is a densely populated and ethnically diverse region where the Uzbek ethnic minority make up approximately one-third of the population. Not only is it possible to investigate whether social cohesion can mitigate ethnic disparities in life satisfaction, but we can do so from a perspective of *change* in overall life satisfaction across time, which has been found to be an important indicator for key outcomes [16]. Focusing on a change in life satisfaction over time serves to extend the literature on ethnic disparities in life satisfaction.

To do so, we developed a series of hypotheses. Firstly, due to more negative life events, we hypothesize that individuals in the minority ethnic group (i.e., Uzbek, Russians, and others) will demonstrate less positive change in life satisfaction over time as compared to those in the majority ethnic group (i.e., Kyrgyz) (H1). Secondly, we hypothesize social cohesion of sub-districts will be positively related to changes in life satisfaction over time, even when controlling for individual and community determinants (H2). Finally, we hypothesize that community social cohesion will have a protective effect on ethnic disparities in changes in life satisfaction, such as that the gap between majority and minority ethnic groups will decrease (H3).

Method

The dataset

The panel study mentioned above collected data at three separate time points (baseline, midline, and endline) between 2014 and 2017. Thirty sub-districts were randomly chosen from a sampling frame of the Naryn and Osh regions as part of a community-driven development project. The sampling frame was created such that only the following types of sub-districts were included: those without previous participation in intervention activities of the implementing NGO, those with small to medium population size (between 1,000-30,000 residents), and those with at least 10% non-Kyrgyz ethnicity in the Osh sub-districts². Sub-districts deemed to be geographically inaccessible by project staff were generally excluded.

Cluster sampling was then applied within the sub-districts to allow for a random selection of approximately 2,000 households in total. Individuals within these households then took part in face-to-face interviews in either Kyrgyz, Uzbek, or Russian. The survey data used in this paper were collected from 5,269 adults over 18 years of age with interviews at both baseline and endline. After listwise deletion was applied to the individual-level variables, an individual-level sample size of $N_1 = 5,207$ cases was procured. The working sample sizes of sub-districts ($N_2 = 30$) ranged from 32 to 567 individuals.

Community-level predictor

We built an empirical measure of sub-district *social cohesion* at baseline using the comprehensive conceptualization of social cohesion developed by G. Dragolov and colleagues [12] containing nine dimensions: social networks, trust in people, acceptance of diversity, identification, trust in institutions, perception of fairness, solidarity and helpfulness, respect for social rules, and civic participation. Exploratory factor analysis was used to select indicators from the data for each of the nine dimensions. For an indicator to be selected, an absolute factor loading of 0.40 or greater had to be met, though a cut-off of 0.25 was allowed in rare cases. In the end, each dimension had a total of three to eight indicators which demonstrated sufficient quality as measured by Cronbach's alpha. A total of 42 indicators were selected, and examples for each of the nine dimensions can be found in tab. 1.

In order to bring the selected indicators to a common scale ranging from 0 to 10, scale standardization was carried out on the response scales of the selected indicators. Dimension scores were calculated as an average of the selected indicators for that dimension. An overall social cohesion score (on a scale from 0 to 10) was calculated for each of the 30 sub-districts as an average of the respective nine dimension scores. Higher scores indicated greater levels of community social cohesion.

Community-level covariates

We controlled for three community-level variables that have been shown to play a role in ethnic disparities in life satisfaction. Two variables were used as controls for community deprivation in the sub-districts. The first has to do with an estimate of the proportion of households in the community *without access to clean water*, which was then aggregated to the sub-district level. The second variable is the percentage of the sub-districts reporting *frequent disruption to the power supply*. This was measured at the household level, where those who indicated experiencing disruption to their power supply at least “once a week” or more often were coded as experiencing it frequently and those who experienced disruption less often were not. This was then aggregated to the

¹ The *Ayil Aimak* is the smallest administrative level in the rural areas of Kyrgyzstan, and usually consists of several villages.

² It should be noted that the ethnic clashes of 2010 took place primarily in Osh city and the surrounding suburbs, as well as other nearby cities. As such, the sampling frame criteria precluded these areas from being included in the study.

Table 1

Example indicators used for measuring the nine dimensions of cohesion

Dimension of cohesion	Example indicator
Social networks	How likely is it that you will easily ask for help from your neighbours, friends or co-workers?
Trust in people	In general, you can trust people
Acceptance of diversity	I have meaningful interactions with people from different backgrounds
Identification	I see myself as a citizen of Kyrgyzstan
Trust in institutions	How much do you generally trust the <i>Rayon</i> administration and services?
Perception of fairness	I think the <i>Ajil Kanesh</i> and <i>Ajil Okmotu</i> treat all types of people fairly
Solidarity and helpfulness	Did you give any non-financial help (e.g., homework or baby care, repairing house, preparing celebrations) during the last 12 months?
Respect for social rules	I feel safe when walking alone in the neighborhood during the night
Civic participation	In general, how interested in politics are you?

Note: *Rayon* = district; *Ajil Kanesh* = village parliament; *Ajil Okmotu* = village executive body. The reader is referred to Tables A1-A9 of Larsen and Boehnke [25, pp. 46–48] for the entire list of 42 indicators.

sub-district level. In order to control for the role that the ethnic composition of communities has on life satisfaction of individuals, an indicator of sub-district *minority ethnic composition* was included in the model. This was based on the percentage of various minority ethnic groups (Uzbek, Tajik, Russian, others) at the community level. These were combined into one category, and then aggregated to the sub-district level.

Individual-level variables

A baseline dichotomous measure of *ethnic group* was used as the independent variable of interest, with those individuals indicating that they belonged to the majority Kyrgyz ethnic group serving as the reference group in comparison to the overall minority (Uzbek, Russian, Tajik, and others). It was decided to combine the minority groups together due to the small numbers of minority groups other than Uzbeks.

The dependent variable of interest was a measure of *change in overall life satisfaction* from baseline to endline. Overall life satisfaction was measured at each time point using a single item asking “How satisfied are you with your life, all things considered?” on a scale from 0 (Completely dissatisfied) to 10 (Completely satisfied). This single item measurement has been demonstrated to perform remarkably similar to the well-known five-item Satisfaction with Life Scale [4; 10]. The individual change score was then calculated by subtracting each individual’s baseline life satisfaction from their endline life satisfaction score. A positive change score indicates an improvement in life satisfaction from baseline to endline, while a negative change score indicates a decline in life satisfaction.

Individual-level covariates

Baseline personal characteristics known to both differ across ethnic groups and be associated with change in life satisfaction were controlled for in the model. These included *gender* (dichotomous) with males as the reference group, as well as *age* and its quadratic effect (continuous). Likewise, a dichotomous measure of *marital status* was included, with cohabiting, separated, widowed, divorced, and single respondents forming the reference group in comparison to those who are mar-

ried. Education was measured using number of *years of education* in total. Respondents were categorized as being *employed* rather than non-employed if the respondent indicated having worked for someone else, farming, fishing, hunting or gathering, or doing any sort of work to which they would return in the past week. *Monthly household income* equalized according to household size was also included.

In order to disentangle the contextual relationships of social cohesion with change in life satisfaction from the individual compositional differences in cohesion-related indicators, we controlled for an *individual social cohesion indicator* score at baseline, as suggested by W. Poortinga [31]. This score consisted of the 42 scale-standardized indicators described above. An average of these indicators (on a scale from 0 to 10) was calculated for each individual and then included in the model as a covariate.

Finally, given that our primary research question of interest is a cross-level interaction between an individual- and community-level variable, we follow the advice of I.G.G. Kreft, J. de Leeuw, and L.S. Aiken [23] and C.K. Enders and D. Tofighi [14] in centering the continuous individual-level covariates on their sub-district means for the analyses.

Descriptive information for all included variables is provided in tab. 2.

Analyses

A series of three multilevel linear regression models was fit for the change in life satisfaction score using the *mixed* command of Stata 17 [35]. Multilevel regressions account for the nested structure of the data: individuals nested within sub-districts. In the first model, all individual-level variables were entered which were expected to be related to change in life satisfaction, with a specific interest in ethnic group to see if disparities were found with regards to change in life satisfaction over time. This also included the individual social cohesion indicator score in order to account for its individual compositional differences. The second model then added all community-level variables in order to test whether social cohesion is

Table 2

Descriptive information on variables used

	Mean	Standard Deviation	Minimum	Maximum
<i>Level: Sub-District (N_j = 30)</i>				
Social cohesion	6.54	0.40	5.55	7.22
% minority ethnic group	25.63	18.19	0	57.80
% without access to clean water	29.61	27.18	0	100
% frequent power disruptions	30.37	21.81	0	90.74
<i>Level: Individual (N_i = 5,207)</i>				
Change in life satisfaction	0.07	2.10	-8.00	8.00
Minority ethnic group	0.28	0.45	0	1
Age in years	41.84	15.77	18	92
Years of education	10.87	2.07	0	20
Employed	0.50	0.50	0	1
Married	0.79	0.41	0	1
Female	0.52	0.50	0	1
Monthly household income per household member in thousands (Soms)	3.65	2.19	0.17	21.4
Social cohesion indicator score	6.54	0.90	1.49	9.67

Note: Som is the currency of Kyrgyzstan. In 2014, approximately 58 Soms were equal to 1 U.S. Dollar.

related to change in life satisfaction of individuals, while controlling for individual- and community-level determinants. Finally, a cross-level interaction between ethnicity and community social cohesion was added to the model in order to determine whether it moderates the effect of ethnic group on change in life satisfaction. To help with the interpretation of the interaction, adjusted predictions were calculated to determine the probability of certain life satisfaction change scores for different scores of social cohesion and ethnic groups, while holding all other variables in the model at their mean.

Results

The “empty” model is an intercepts-only model, which provides information about the percentage of total variation in change in life satisfaction that is related to the community context. This is also known as the intra-class correlation *r*. The assumption that the sub-districts are similar with regards to the dependent variable decreases as the intra-class correlation increases. We found moderately sized context effects for change in life satisfaction (*r* = .26). That is, 26% of the variation in change in life satisfaction stems from differences at the sub-district level, which supports our continued examination of community-level determinants.

In the next step (Model 1) (see tab. 3 for complete results), we added all individual-level variables to the model. As expected, even when other determinants are taken into account, ethnic group is significantly related to change in life satisfaction. Specifically, those who belong to the ethnic minority demonstrate a half-point decrease in life satisfaction (*p* < .001). The composition of the population explains 8% of the sub-district differences in change in life satisfaction. These results confirm Hypothesis 1 that ethnic disparities exist for change in life satisfaction.

In the next step (Model 2), we added all community-level variables to the model. Contrary to expectations, community social cohesion is *not* significantly related to individual change in life satisfaction. This addition to the model did not improve the prediction of change in life satisfaction, though including the macro-level variables allows us to explain 25% of the sub-district differences in change in life satisfaction. Overall, these results do not confirm Hypothesis 2.

For the final step (Model 3), we added a cross-level interaction between individual ethnic group status and community social cohesion in order to determine whether social cohesion moderates the relationship between ethnic group and changes in life satisfaction. The results indicate a slight statistically significant interaction ($\beta = 0.34$; *p* < .05), and model fit improved significantly ($\chi^2(1) = 3.93$; *p* < .05). This significant interaction is perhaps easiest to understand by examining adjusted predicted probabilities (see fig. 1). When holding all other variables at their means, it is predicted that those living in sub-districts with the lowest level of social cohesion at baseline and who belong to the majority ethnic group demonstrate improvement in life satisfaction over time (0.57 points), while those who belong to a minority ethnic group demonstrate slight decreases (-0.27 points). However, for those living in sub-districts with the highest levels of social cohesion at baseline, there is very little difference in change in life satisfaction between majority (0.01 points) and minority (-0.16 points) ethnic groups. This would seem to indicate that greater social cohesion offers something of a protective effect in ethnic disparities in change in life satisfaction. Moreover, it appears that there is very little difference in change in life satisfaction for minority groups, regardless of social cohesion. However, for majority groups, higher levels of social cohesion are related to less improvement over time.

These results generally confirm Hypothesis 3.

Table 3

Multilevel linear regression of change in life satisfaction

	Model 1 b(se)	Model 2 b(se)	Model 3 b(se)
Intercept	0.55 (0.21)*	2.07 (3.11)	-2.52 (3.13)
<i>Level: Sub-District (N_s = 30)</i>			
Social cohesion		-0.21 (0.46)	-0.28 (0.47)
% minority ethnic group		-0.03 (0.01)*	-0.03 (0.01)*
% without clean water		0.02 (0.59)	0.06 (0.59)
% experience frequent power disruptions		1.57 (0.99)	1.67 (1.00)
<i>Level: Individual (N_i = 5.207)</i>			
Minority ethnic group	-0.50 (0.07)***	-0.49 (0.07)***	-2.69 (1.11)*
Age in years	0.01 (0.01)	0.01 (0.01)	0.01 (0.01)
Age in years squared	-0.00 (0.00)	-0.00 (0.00)	-0.00 (0.00)
Years of education	0.01 (0.01)	0.01 (0.01)	0.01 (0.01)
Employed	-0.18 (0.06)**	-0.17 (0.06)**	-0.17 (0.06)**
Married	-0.09 (0.07)	-0.09 (0.07)	-0.10 (0.07)
Female	-0.14 (0.06)*	-0.13 (0.06)*	-0.13 (0.06)*
Monthly household income per person in thousands (Soms)	0.00 (0.00)	0.00 (0.00)	0.00 (0.00)
Social cohesion indicator score	-0.19 (0.03)***	-0.19 (0.03)***	-0.18 (0.03)***
<i>Cross-level interaction</i>			
Minority ethnic group*Social cohesion			0.34 (0.17)*
<i>Variance components</i>			
Sub-district variance	1.14	0.93	0.94
Individual variance	3.48	3.48	3.48
<i>Explained variance</i>			
Sub-district R ²	0.08	0.25	0.24
Individual R ²	0.02	0.02	0.02
<i>Model comparison</i>			
Akaike information criterion	21.413.08	21.415.06	21.413.13
Bayesian information criterion	21.491.77	21.519.98	21.542.61
Likelihood-ratio test	92.08**	6.02	3.93*

Note: Random intercept model, * p < .05, ** p < .01, *** p < .001; all regression coefficients are unstandardized, Standard errors in parentheses.

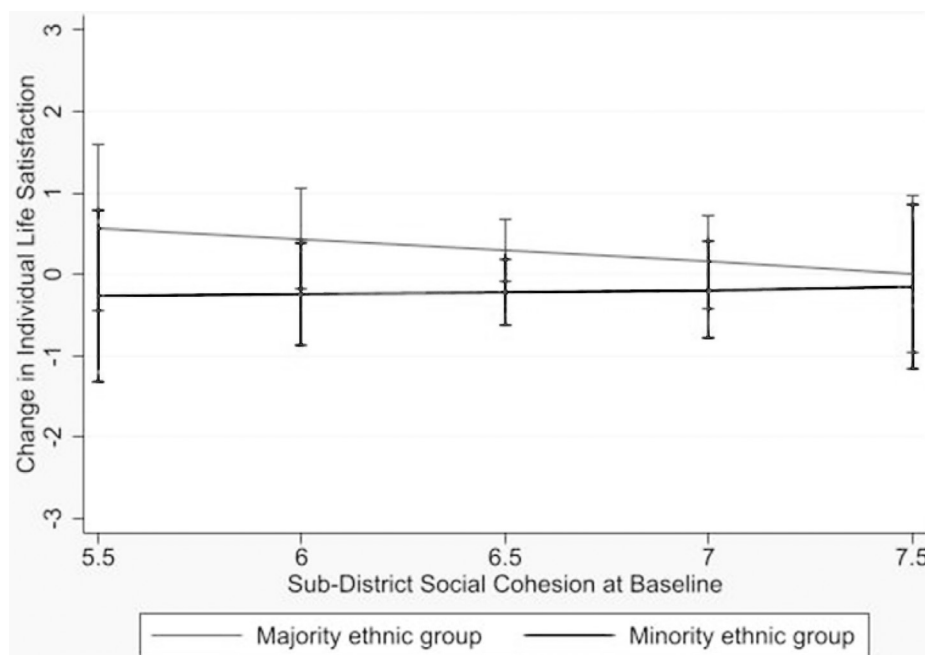

Fig. 1. Adjusted predictions of change in life satisfaction (95% CI) according to sub-district social cohesion scores at baseline

Discussion

Our study examined whether community social cohesion could have a protective effect on ethnic disparities in changes in life satisfaction in rural communities in Kyrgyzstan. Using multilevel analyses, we found evidence of a decrease over time in life satisfaction for minority ethnic groups, as compared to the majority, even while taking into account other individual factors related to life satisfaction. This falls in line with expectations based on research showing ethnic disparities in levels of life satisfaction [19; 32; 37] and with expectations that minority ethnic groups are exposed to more negative life events. While we did not find contextual effects of social cohesion on its own, we did find evidence that it serves as a moderator in the relationship between ethnic group and changes in life satisfaction. In other words, higher levels of community social cohesion appear to minimize the ethnic group disparities in change in life satisfaction. In this sense, our research contributes a new piece to the puzzle of how to alleviate differences in change in life satisfaction among ethnic groups.

However, it is not clear why social cohesion did not directly impact change in life satisfaction as expected based on previous literature. In accordance with the findings of J. Delhey and G. Dragolov [6], who used a similar measure of social cohesion as in our study, we would have expected that those living in communities with higher social cohesion would have experienced more positive life events (other things being equal), which would result in positive changes in life satisfaction. However, research has shown that while people react strongly to life events, the impact on life satisfaction is modest because to some degree, people tend to adapt to events over time and return to their baseline levels of life satisfaction [5; 9]. This could be a potential explanation for our insignificant results in this regard.

While the panel data used for this analysis offered a unique opportunity to examine both individual and community determinants, as well as the change in life satisfaction from baseline to endline, it does not purport to be a nationally representative dataset. While the underlying population characteristics at the Naryn and Osh regional levels do seem to match the sample characteristics, the sample is indeed quite specific with regards to excluding semi-urban and urban areas, as well as very remote rural communities [15]. In this regard, caution should be exercised when making generalizations to the wider population.

It should also be noted that the possibility exists that respondents living in the same sub-district may make an implicit comparison of themselves to their immediate community, resulting in a reference-group bias in their self-reporting of life satisfaction [34]. This would essentially mean that a community's social cohesion serves as the reference point in biasing the measurement of life satisfaction. This may play a role in change in life satisfaction as well.

Taken together, our findings support initial evidence that social cohesion moderates the relationship between ethnicity and change in life satisfaction. In Kyrgyzstan, a significant interaction seems to imply that greater social cohesion may provide a protective effect. Whereas it does not appear to influence positive changes in the life satisfaction of minority groups as we had expected, it does seem to decrease interethnic inequalities in life satisfaction changes by reducing the advantage of the majority ethnic group. These results contribute an additional piece of the puzzle to understanding ethnic disparities in changes in life satisfaction.

Conclusion

With our research, we expand the body of literature on ethnic disparities in levels of life satisfaction by examining changes in life satisfaction over time using panel data, as well as including community social cohesion as a potential moderator. Our results show that in rural communities in Kyrgyzstan, being part of the minority Uzbek, Russian, and other ethnic groups is associated with a negative relationship to change in life satisfaction from baseline to endline. Moreover, while community social cohesion does not directly impact change in life satisfaction, higher social cohesion does serve as a moderator by closing the gap between Kyrgyz and minority ethnic groups. Our research also contributes to the limited non-Western literature on this topic [18; 30].

Even so, there remain important questions still to be addressed. Future research should incorporate the individual experience of shocks or positive events experienced over time in order to examine whether this may play a role in the lack of a direct relationship between social cohesion and change in life satisfaction. Furthermore, including larger samples of ethnic groups in order to differentiate between the different minority groups in examining these relationships [22] should also be undertaken.

References

1. Angner E. Subjective well-being. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 2010. Vol. 39, no. 3, pp. 361–368.
2. Bécares L., Nazroo J., Stafford M. The buffering effects of ethnic density on experienced racism and health. *Health and Place*, 2009. Vol. 15, no. 3, pp. 700–708. DOI:10.1016/j.healthplace.2008.10.008
3. Breton R. Institutional completeness of ethnic communities and the personal relations of immigrants. *American Journal of Sociology*, 1964. Vol. 70, no. 2, pp. 193–205. DOI:10.1086/223793
4. Cheung F., Lucas R.E. Assessing the validity of single-item life satisfaction measures: Results from three large samples. *Quality of Life Research*, 2014. Vol. 23, no. 10, pp. 2809–2818. DOI:10.1007/s11136-014-0726-4
5. Clark A. et al. Lags and leads in life satisfaction: A test of the baseline hypothesis. *Economic Journal*, 2008. Vol. 118, no. 529, pp. F222-F243. DOI:10.1111/j.1468-0297.2008.02150.x

6. Delhey J., Dragolov G. Happier together: Social cohesion and subjective well-being in Europe. *International Journal of Psychology*, 2016. Vol. 51, no. 3, pp. 163–176. DOI:10.1002/ijop.12149
7. de Souza Briggs X. Moving up versus moving out: Neighborhood effects in housing mobility programs. *Housing Policy Debate*, 1997. Vol. 8, no. 1, pp. 195–234. DOI:10.1080/10511482.1997.9521252
8. de Vroome T., Hooghe M. Life satisfaction among ethnic minorities in the Netherlands: Immigration experience or adverse living conditions? *Journal of Happiness Studies*, 2014. Vol. 15, no. 6, pp. 1389–1406. DOI:10.1007/s10902-013-9483-2
9. Diener E. Subjective well-being: The science of happiness and a proposal for a national index. *American Psychologist*, 2000. Vol. 55, no. 1, pp. 34–43. DOI:10.1037/0003-066X.55.1.34
10. Diener E. et al. The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985. Vol. 49, pp. 71–75.
11. Dietz R.D. The estimation of neighborhood effects in the social sciences: An interdisciplinary approach. *Social Science Research*, 2002. Vol. 31, no. 4, pp. 539–575. DOI:10.1016/S0049-089X(02)00005-4
12. Dragolov G. et al. *Social cohesion in the Western world. What holds societies together: Insights from the Social Cohesion Radar*. Cham, Switzerland: Springer International Publishing, 2016. 138 p. DOI:10.1007/978-3-319-32464-7.
13. Easterlin R. Happiness and economic growth — the evidence. In Glatzer W. et al. (eds.), *Global handbook of quality of life: Exploration of well-being of nations and continents*. Dordrecht, the Netherlands: Springer, 2015, pp. 283–299. DOI:10.1007/978-94-017-9178-6_12
14. Enders C.K., Tofighi D. Centering predictor variables in cross-sectional multilevel models: A new look at an old issue. *Psychological Methods*, 2007. Vol. 12, no. 2, pp. 121–138. DOI:10.1037/1082-989X.12.2.121
15. Esenaliev D. et al. *Social cohesion through community-based development in Kyrgyzstan*. Bishkek, Kyrgyzstan: University of Central Asia, 2018. IPPA Working Paper 46.
16. Hülür G. et al. Levels of and changes in life satisfaction predict mortality hazards: Disentangling the role of physical health, perceived control, and social orientation, 2017. *Psychology and Aging*, Vol. 32, no. 6, pp. 507–520. DOI:10.1037/pag0000187
17. Huskey E. et al. *Ten years gone: The legacy of the 2010 revolution and ethnic violence in Kyrgyzstan: A roundtable*. Washington, D.C.: The Oxus Society for Central Asian Affairs, 2021.
18. Hsu C.Y., Chang S.S., Yip P. A multilevel analysis of a population-based sample from Hong Kong. *Urban Studies*, 2017. Vol. 54, no. 16, pp. 3700–3717. DOI:10.1177/0042098016677208
19. Kirmanoğlu H., Başlevent C. Life satisfaction of ethnic minority members: An examination of interactions with immigration, discrimination, and citizenship. *Social Indicators Research*, 2014. Vol. 116, no. 1, pp. 173–184. DOI:10.1007/s11205-013-0276-0
20. Knies G. Income comparisons among neighbours and satisfaction in East and West Germany. *Social Indicators Research*, 2012. Vol. 106, no. 3, pp. 471–489. DOI:10.1007/s11205-011-9818-5
21. Knies G., Melo P.C., Zhang M. Neighbourhood deprivation, life satisfaction and earnings: Comparative analyses of neighbourhood effects at bespoke scales. *Urban Studies*, 2020. DOI:10.1177/0042098020956930
22. Knies G., Nandi A., Platt L. Life satisfaction, ethnicity and neighbourhoods: Is there an effect of neighbourhood ethnic composition on life satisfaction? *Social Science Research*, 2016. Vol. 60, pp. 110–124. DOI:10.1016/j.ssresearch.2016.01.010
23. Kreft I.G.G., de Leeuw J., Aiken L.S. The effect of different forms of centering in hierarchical linear models. *Multivariate Behavioral Research*, 1995. Vol. 30, no. 1, pp. 1–21. DOI:10.1207/s15327906mbr3001_1
24. Kyrgyzstan Inquiry Commission. *Report of the Independent International Commission of Inquiry into the Events in Southern Kyrgyzstan in June 2010*. Kyrgyzstan Inquiry Commission, 2011.
25. Larsen M., Boehnke K. *Measuring social cohesion in the Kyrgyz Republic: The Social Cohesion Index*. Bishkek, Kyrgyz Republic: University of Central Asia, 2016. IPPA Working Paper 37.
26. Lewis D.G., Sagnayeva S. Corruption, patronage and illiberal peace: Forging political settlement in post-conflict Kyrgyzstan. *Third World Quarterly*, 2020. Vol. 41, no. 1, pp. 77–95. DOI:10.1080/01436597.2019.1642102
27. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Population, 2019. <http://stat.kg/en/statistics/naselenie/>
28. Marat E. ‘We disputed every word’: How Kyrgyzstan’s moderates tame ethnic nationalism. *Nations and Nationalism*, 2016. Vol. 22, no. 2, pp. 305–324. DOI:10.1111/nana.12156
29. Melvin N. *Promoting a stable and multiethnic Kyrgyzstan: Overcoming the causes and legacies of violence*. New York City, USA: Open Society Foundations, 2011.
30. Oshio T. et al. How does area-level deprivation depress an individual’s self-rated health and life satisfaction? Evidence from a nationwide population-based survey in Japan. *BMC Public Health*, 2021. Vol. 21, no. 1, pp. 1–11. DOI:10.1186/s12889-021-10578-2
31. Poortinga W. Social capital: An individual or collective resource for health? *Social Science & Medicine*, 2006. Vol. 62, no. 2, pp. 292–302. DOI:10.1016/J.SOCSCIMED.2005.06.008
32. Safi M. Immigrants’ life satisfaction in Europe: Between assimilation and discrimination. *European Sociological Review*, 2010. Vol. 26, no. 2, pp. 159–176. DOI:10.1093/esr/jcp013
33. Sam D. et al. Psychological and sociocultural adaptation of immigrant youth. In Berry J. et al. (eds.), *Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts*. New York: Psychology Press, 2006, pp. 117–141. DOI: 10.4324/9780415963619-5
34. Shields M.A., Wheatley Price S., Wooden M. Life satisfaction and the economic and social characteristics of neighbourhoods. *Journal of Population Economics*, 2009. Vol. 22, no. 2, pp. 421–443. DOI:10.1007/s00148-007-0146-7
35. StataCorp. *Stata Statistical Software: Release 17*. College Station, USA: StataCorp LP, 2021.
36. Veenhoven, R. (2012). Happiness, also known as ‘Life satisfaction’ and ‘Subjective well-being’. In Land K.C., Michalos A.C., Sirgy M.J. (eds.), *Handbook of Social Indicators and Quality of Life Research*. Dordrecht, the Netherlands: Springer, 2012, pp. 63–77. DOI:10.1007/978-94-007-2421-1_3
37. Verkuyten, M. Life satisfaction among ethnic minorities: The role of discrimination and group identification. *Social Indicators Research*, 2008. Vol. 89, no. 3, pp. 391–404. DOI:10.1007/s11205-008-9239-2
38. Zuccotti C.V. *Shaping ethnic inequalities: The production and reproduction of social and spatial inequalities among ethnic minorities in England and Wales*. Ph.D. (Political and Social Sciences) diss. Florence, Italy: European University Institute, 2015. 406 p. DOI:10.2870/193678

Information about the authors

Mandi M. Larsen, PhD in Sociology, University Lecturer for Methods of Empirical Social Research, Jacobs University Bremen, Germany, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5057-0085>, e-mail: m.larsen@jacobs-university.de

Klaus Boehnke, Doctor of Science in Psychology, Professor of Social Science Methodology, Jacobs University Bremen, Germany, and Deputy Director of the Center for Sociocultural Research, HSE University, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5435-4037>, e-mail: kboehnke@hse.ru

Damir Esenaliev, PhD in Agricultural Economics, Leibniz Institute of Vegetable and Ornamental Crops (IGZ), Großbeeren, Germany and ISDC – International Security and Development Center, Berlin, Germany. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4578-7180>, e-mail: esenaliev@igzev.de

Tilman Brück, DPhil in Economics, Group Leader, Leibniz Institute of Vegetable and Ornamental Crops (IGZ), Großbeeren, Germany, Director, ISDC – International Security and Development Center, Berlin, Germany, and Professor, Natural Resources Institute, University of Greenwich, Chatham Maritime, UK, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8344-8948>, e-mail: brueck@isdc.org

Информация об авторах

Мэнди М. Ларсен, PhD по социологическим наукам, преподаватель курса «Методы эмпирических исследований», Бременский Университет Якобса, Бремен, Германия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5057-0085>, e-mail: m.larsen@jacobs-university.de

Клаус Бёнке, доктор психологических наук, профессор методологии социальных наук, Бременский Университет Якобса, Бремен, Германия, и заместитель директора центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5435-4037>, e-mail: kboehnke@hse.ru

Дамир Эсеналиев, PhD по агрокультурной экономике, Институт овощных и декоративных культур имени Лейбница, (IGZ), Гросбирен, Германия, Центр международной безопасности и развития, Берлин, Германия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4578-7180>, e-mail: esenaliev@igzev.de

Тилман Брюк, PhD по экономике, руководитель группы, Институт овощных и декоративных культур имени Лейбница, (IGZ), Гросбирен, Германия, директор центра международной безопасности и развития, Берлин, Германия, профессор Института природных ресурсов, Университет Гринвича, Четэм Маритим, Великобритания, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8344-8948>, e-mail: brueck@isdc.org

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021

Роль советской идентичности во взаимосвязи мультикультурализма и проницаемости социальных границ для русских в Армении

М.А. Бульцева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru

Е.В. Бушина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: evbushina@hse.ru

А.С. Берберян

Российско-Армянский (Славянский) Университет, г. Ереван, Армения
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>, e-mail: aspsy@inbox.ru

Е.А. Коджа

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6316-3275>, e-mail: ekodja@hse.ru

В статье рассматривается поддержка идеологии мультикультурализма этническим большинством как фактор инклюзивности контекста для этнокультурных меньшинств. Исследуется роль общей надэтнической идентичности в данных отношениях на примере советской идентичности в Армении. Социально-психологический опрос был проведен среди 213 представителей этнического большинства Армении при помощи переведенных на армянский язык шкалы мультикультурной идеологии Д.У. Берри (2020), шкалы советской идентичности К. Велковой (2020) и шкалы проницаемости социальных границ в адаптации М.Р. Рамоса и соавторов (2016). Было обнаружено, что поддержка идеологии мультикультурализма армянами позитивно связана с проницаемостью социальных границ для русских только при условии высокой выраженности у армян советской идентичности. Делается вывод о важности рекатегоризации для выстраивания наиболее инклюзивного контекста и гармонизации межкультурных отношений.

Ключевые слова: мультикультурная идеология, проницаемость социальных границ, инклюзивность контекста, надэтническая идентичность, советская идентичность, Армения.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00268).

Для цитаты: Бульцева М. А., Бушина Е. В., Берберян А. С., Коджа Е.А. Роль советской идентичности во взаимосвязи мультикультурализма и проницаемости социальных границ для русских в Армении // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170406>

The Role of Soviet Identity in the Relationship of Multiculturalism and Boundaries Permeability for Russians in Armenia

Maria A. Bultseva

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru

Ekaterina V. Bushina

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: evbushina@hse.ru

Asia S. Berberyan

Russian-Armenian (Slavonic) University Yerevan, Armenia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>, e-mail: aspsy@inbox.ru

Ekaterina A. Kodja

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6316-3275>, e-mail: ekodja@hse.ru

The article considers whether support for multicultural ideology by the ethnic majority leads to a more inclusive sociocultural context for ethno-cultural minorities. We investigate the role of common superordinate identity in these relations on the example of Soviet identity in Armenia. A socio-psychological survey was conducted among 213 representatives of the ethnic majority of Armenia using the scale of multicultural ideology of J.W. Berry (2020), the scale of Soviet identity by K. Velkova (2020) and the scale of the permeability of social boundaries as adapted by M.R. Ramos et al. (2016). The results show that support for multicultural ideology by Armenians is positively associated with the permeability of social boundaries for Russians only if the Soviet identity is highly important for Armenians. To conclude, recategorization is influential for building inclusive sociocultural context and harmonizing intercultural relations.

Keywords: multicultural ideology, social boundaries permeability, inclusiveness context, superordinate identity, soviet identity, Armenia

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation (project № 20-18-00268).

For citation: Bultseva M.A., Bushina E.V., Berberyan A.S., Kodja E.A. The Role of Soviet Identity in the Relationship of Multiculturalism and Boundaries Permeability for Russians in Armenia. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170406> (In Russ.).

Введение

В настоящее время большинство государств в той или иной мере культурно неоднородны. Чтобы определить последствия культурного разнообразия в конкретной стране, нужно рассмотреть, насколько благоприятны межкультурные отношения и взаимная аккультурация. На успешность взаимной аккультурации влияют не только поведение мигрантов или этнокультурных меньшинств, но и в значительной мере установки большинства [8], а также социокультурный контекст [3]. Общества с более инклюзивным социокультурным контекстом стремятся интегрировать мигрантов и этнокультурные меньшинства и способны эффективно использовать выгоды культурного разнообразия. В то же время эксклюзивный

контекст, исключая мигрантов и этнокультурные меньшинства из жизни общества, скорее способствует возникновению и эскалации конфликтов и связанных с ними социальных, экономических и политических проблем [18].

В фокусе внимания данного исследования лежат межгрупповые отношения, в которых исторически, благодаря распаду Советского Союза, произошла трансформация статуса групп, населяющих единую территорию [1]. В частности, изучается инклюзивность социокультурного контекста Армении для русских, проживающих в этой стране. Исходя из общего советского прошлого, особая роль во взаимосвязи мультикультурализма и проницаемости социальных границ для русских в Армении в данной работе отведена советской идентичности.

Проницаемость социальных границ как показатель инклюзивности культурно разнообразного общества

Психология аккультурации главным образом рассматривает воспринимаемый социокультурный контекст через метавосприятия мигрантов и меньшинств [7], отражающие их представления о том, насколько принимающее общество поддерживает их интеграцию. Учитывая взаимность процесса аккультурации, необходимо рассматривать социокультурный контекст также с позиции принимающего большинства. С точки зрения характеристик инклюзивности контекста является воспринимаемая проницаемость социальных границ для мигрантов и представителей этнокультурных меньшинств.

Проницаемость социальных границ — воспринимаемая возможность представителей определенной группы перейти из одной социальной группы в другую [30] — важнейший детерминант межгрупповых установок и поведения, отражающий не только объективную социально-структурную характеристику межгрупповых отношений, но и субъективные установки по отношению к определенным группам [14], желательность их включения в жизнь общества, с которым человек себя ассоциирует. Исследования показывают, что более проницаемые социальные границы связаны с высокой частотой контактов, что помогает преодолеть стереотипы, снизить тревожность и улучшить межгрупповые отношения [17]; они способствуют ассимиляции и интеграции мигрантов и этнокультурных меньшинств [12]. Менее проницаемые социальные границы, напротив, приводят к формированию негативного образа представителей аутгруппы [11] и связаны с исключением этнокультурных меньшинств из жизни общества [33].

Однако при рассмотрении проницаемости социальных границ в качестве показателя инклюзивности контекста необходимо учесть ряд дополнительных факторов.

Во-первых, так как воспринимаемая проницаемость границ в межкультурных отношениях с позиции большинства отражает установки на допустимость культурного разнообразия [24], формированию установок на более проницаемые социальные границы будет способствовать оценка культурного разнообразия в качестве ресурса, полезного для общества — т. е. поддержка мультикультурной идеологии.

Во-вторых, важен статус конкретной этнокультурной группы в данной стране. Проницаемость социальных границ для представителей высокостатусных групп способствует улучшению межгрупповых отношений и нивелированию негативных установок со стороны принимающего общества [11] и имеет обратный эффект, если социальные границы рассматриваются принимающим большинством как проницаемые для представителей низкостатусных групп [14].

Идеология мультикультурализма и ее влияние на проницаемость социальных границ

Межгрупповые идеологии отражают социальные нормы поведения и способы решения проблем в культурно разнообразных обществах [23]. Приверженцы мультикультурализма считают, что люди должны стремиться понять и принять этнические различия как средство поддержания справедливости, включая улучшение экономических и социальных условий для этнических меньшинств, и межгрупповой гармонии [26].

Исследования показывают, что понимание и принятие различий этнических групп приводит к улучшению отношения к аутгруппам по сравнению с подходом, игнорирующим различия между группами [25]. С. Левин и коллеги [16] обнаружили на примере США, что если в обществе мультикультурализм воспринимается как норма, это снижает установки представителей большинства на социальное доминирование и предвзятое отношение к этническим меньшинствам.

Таким образом, мультикультурализм через признание и позитивную оценку культурного разнообразия создает благоприятный климат для уменьшения социальных и экономических различий между группами большинства и меньшинства [21]. В связи с этим мы предполагаем, что мультикультурализм будет способствовать формированию инклюзивного социокультурного контекста и, в частности, воспринимаемой проницаемости социальных границ. При этом проницаемость границ будет являться подлинно инклюзивной в том случае, когда группы воспринимаются однородными по той или иной социальной характеристике [33]. Поэтому в данной работе мы обращаемся к вопросам влияния надэтнической идентичности, обладающей потенциалом объединения представителей разных групп в одну общность.

Инклюзивная роль надэтнической идентичности: советская идентичность

Социальная идентичность определяется как часть Я-концепции индивида, которая связана с его членством в социальной группе, и включает осознаваемую индивидом ценность и эмоциональную значимость этого членства [31]. В структуре социальной идентичности индивида может быть идентификация с этнической группой (этническая идентичность), с гражданами определенной страны (национальная идентичность), с жителями определенной территории (региональная идентичность) и др. Существование групп более высокого порядка обеспечивает существование таких составных идентичностей, как надэтническая/наднациональная идентичность, объединяющих представителей разных этнических групп и граждан разных стран [13].

Исследования демонстрируют позитивную роль надэтнической и наднациональной идентичности в гармонизации межэтнических отношений. Иденти-

фикация граждан Евросоюза с Европой положительно взаимосвязана с более инклюзивным отношением к иммиграции; это касается как мигрантов из других стран Евросоюза, так и мигрантов из неевропейских стран [10]. Была выявлена позитивная взаимосвязь британской идентичности с предвзятостью по отношению к французам, при этом наднациональная (европейская) идентичность у британцев связана с предвзятостью отрицательно [28].

Частным случаем надэтнической и наднациональной идентичности является советская идентичность. В настоящее время она представляет собой идентификацию с ценностями и идеалами бывшего Советского Союза и объединяет все национальные группы бывшего СССР [32]. Советская идентичность сохраняется спустя 30 лет после распада Советского Союза, несмотря на активный процесс трансформации идентичностей, сопровождавший смену строя. В частности, это касается Армении, советское прошлое которой способствовало модернизации общества, заложило основы формирования современной нации и армянской идентичности и воспринимается по большей части позитивно [29].

Социокультурный контекст Армении и гипотезы данного исследования

Социокультурный контекст Армении несет черты общего прошлого всех республик бывшего СССР, однако для Армении характерны некоторые особенности: практически моноэтнический состав населения и динамичные миграционные процессы — большинство этнических армян проживают вне территории Армении. Доля этнических меньшинств составляет менее 2% численности населения Армении. Русские составляют второе по численности этническое меньшинство (0,4% от общей численности населения) [6]. В ранний постсоветский период считалось, что в Армении не существует проблемы адаптации русских [3], однако за последние пятнадцать лет численность русских в Армении снизилась вследствие ухудшения условий жизни и принятия в 1993 г. закона о языке и осложнений в межкультурных отношениях [5]. Современная ситуация в Армении характеризуется постепенным восстановлением связей с Россией, ростом привлекательности России как страны для переезда для русского меньшинства и для армян, осознанием важности русского языка для межнационального общения. Более того, положение «советско-славянских» меньшинств Армении является более благоприятным, чем других этнокультурных меньшинств в Армении, и отражает их особый статус в Советском Союзе [27].

Данное исследование строится на следующих допущениях:

1) инклюзивность социокультурного контекста способствует процветанию общества и гармонизации межкультурных отношений;

2) поддержка мультикультурной идеологии и рассмотрение культурного разнообразия в качестве ре-

курса для решения проблем общества способствуют инклюзии этнокультурных меньшинств;

3) проницаемость социальных границ со стороны принимающего населения является важным индикатором инклюзивности контекста при условии высокого статуса групп этнокультурных меньшинств и при наличии объединяющих социальных характеристик;

4) в Армении русские являются группой с высоким статусом, а советская идентичность, апеллирующая к общему прошлому, делает группы большинства и меньшинства более однородными и имеет объединяющий потенциал.

На основании данных допущений мы выдвигаем следующие гипотезы.

H1. Ориентация на мультикультурную идеологию у армян позитивно взаимосвязана с проницаемостью социальных границ армянского общества для русских.

H2. Советская идентичность усиливает связь между ориентацией на мультикультурную идеологию у армян и проницаемостью социальных границ армянского общества для русских.

Выборка

После исключения 68 анкет из-за ошибок заполнения в итоговую выборку исследования вошли 213 респондентов — представителей этнического большинства Армении (средний возраст: $M=24,82$ года, $\sigma=11,33$). Выборка обладает достаточной разнородностью, однако в составе преобладают мужчины (74,2%), христиане Армянской апостольской церкви (57,75%), люди с высшим образованием (55,39%).

Инструментарий

Все методики были переведены на армянский язык в соответствии с процедурой прямого и обратного перевода сотрудниками Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ (Россия) и Российско-Армянского (Славянского) университета (Армения).

Ориентация на мультикультурную идеологию была измерена при помощи краткой версии пересмотренной шкалы мультикультурной идеологии (The revised Multicultural Ideology Scale [9]). Респондентам предлагалось по 5-балльной шкале оценить степень согласия с восемью утверждениями, описывающими, как должны жить разные этнические группы в мультикультурном обществе. Пример утверждения: «Это правильно — помогать этническим группам сохранять их культуры». Уровень надежности—согласованности методики — $\alpha=0,81$.

Выраженность советской идентичности измерялась при помощи 5-балльной шкалы из 4 вопросов, призванных оценить, насколько респондент чувствует себя советским человеком [2]. Пример вопроса: «Я ощущаю себя частью советской культуры». Уровень надежности—согласованности методики — $\alpha=0,94$.

Проницаемость социальных границ армянского общества для русских оценивалась при помощи шкалы проницаемости социальных границ в адаптации М.Р. Рамоса и соавторов [22]. Респондентам необходимо было завершить 4 утверждения при помощи 5-балльной шкалы (от 1 — очень трудно до 5 — очень легко) о том, насколько сложно русскому человеку стать частью армянского общества. Пример утверждения: «Если бы русский человек захотел участвовать в общественной деятельности вместе с армянами, сделать это ему было бы...». Уровень надежности-согласованности методики — $\alpha=0,82$.

Процедура

Исследование имело кросс-секционный одновыборочный дизайн и было реализовано в форме социально-психологического опроса на интернет-платформе 1ka.si. Заполнение опросника начиналось с формы информированного согласия; далее следовал блок вопросов для оценки выраженности советской идентичности, мультикультурной идеологии, проницаемости границ для русских. Наконец, респонденты отвечали на вопросы о социально-демографических характеристиках. Время, необходимое для заполнения методик данного исследования, в среднем составило 10 минут.

Результаты

Дескриптивные статистики по исследуемым конструктам и корреляции между переменными представлены в табл. 1. Можно говорить об относительно высокой выраженности ориентации на мультикультурную

идеологию армян и об относительно невысокой важности для армян советской идентичности. На мультикультурную идеологию больше ориентированы мужчины, чем женщины; советская идентичность сильнее выражена у людей более старшего возраста.

Тестирование гипотез данного исследования о взаимосвязи мультикультурной идеологии и проницаемости границ для русских (гипотеза 1), а также роли советской идентичности в их взаимосвязи (гипотеза 2) проводилось при помощи иерархического регрессионного анализа с оценкой модерационных эффектов в модуле программы SPSS 22.0 PROCESS MACRO. Результаты (табл. 2), демонстрируют отсутствие значимой связи между ориентацией на мультикультурную идеологию среди армян и проницаемостью социальных границ армянского общества для русских. При этом интеракция советской идентичности и мультикультурной идеологии позитивно связана с проницаемостью социальных границ, что подтверждает модерационную роль советской идентичности.

Анализ условных эффектов (рис. 1) показал, что при относительно низкой выраженности советской идентичности (СИ=1,00) мультикультурная идеология связана с проницаемостью социальных границ армянского общества для русских негативно, но незначимо ($\beta=-0,08$; $p=0,44$). При средней выраженности советской идентичности (СИ=2,00) мультикультурная идеология связана с проницаемостью социальных границ армянского общества для русских позитивно, но незначимо ($\beta=0,08$; $p=0,35$). Наконец, при относительно высокой выраженности советской идентичности (СИ=3,50) мультикультурная идеология связана с проницаемостью социальных границ армянского общества для русских позитивно и значимо ($\beta=0,30$; $p<0,01$).

Таблица 1

Дескриптивные статистики и корреляции между переменными

Переменная	М (σ)	СИ	ПСГ	Возраст	Пол
МКИ	4,15 (0,62)	0,12	0,10	0,09	-0,29**
СИ	2,21 (1,17)		0,04	0,51**	0,01
ПСГ	3,59 (0,66)	-	-	0,05	-0,04
Возраст	24,82 (11,33)	-	-	-	0,01

Примечание: «*» — $p<0,05$; «**» — $p<0,01$; М — среднее; σ — стандартное отклонение; МКИ — мультикультурная идеология; СИ — советская идентичность; ПСГ — проницаемость социальных границ армянского общества для русских; при кодировании пола использовались следующие обозначения: 1 — мужчины, 2 — женщины.

Таблица 2

Регрессионный анализ связи мультикультурной идеологии, советской идентичности и проницаемости границ для русских

Переменная / Модель	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Мультикультурная идеология (β)	0,10	0,09	0,1
Советская идентичность (β)	-	0,03	0,02
Интеракция мультикультурной идеологии и советской идентичности (β)	-	-	0,15*
R ²	0,01	0,01	0,04
F	1,98	1,06	2,70*

Примечание: «*» — $p<0,05$.

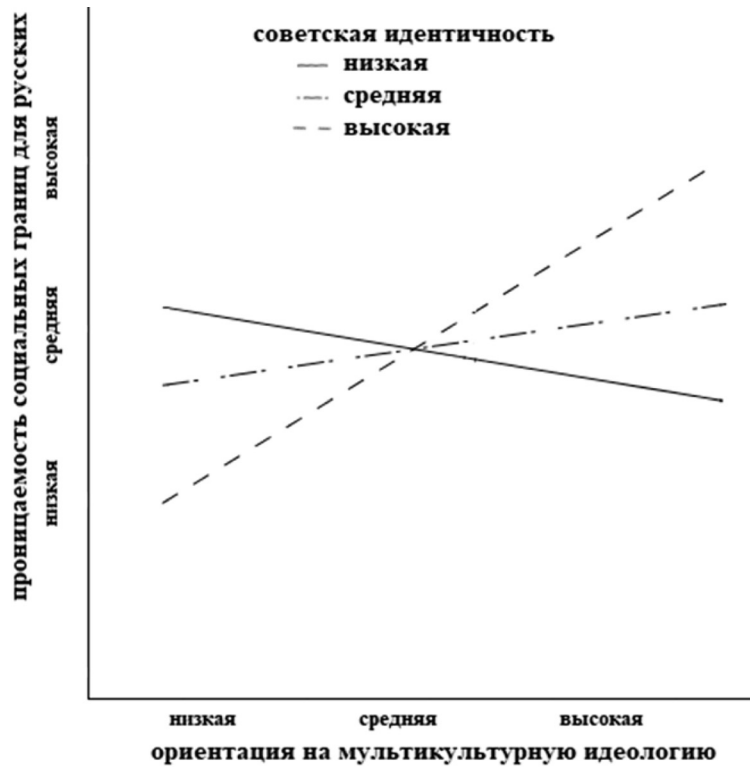

Рис. 1. Условные эффекты в зависимости от уровня советской идентичности

Обсуждение результатов

Согласно результатам регрессионного анализа, взаимосвязь между ориентацией на мультикультурную идеологию среди армян и проницаемостью социальных границ армянского общества для русских отсутствует, если не учитывать выраженность советской идентичности. Данный вывод опровергает гипотезу 1. Это может быть связано с тем, что при высокой степени воспринимаемой угрозы проницаемость социальных границ может приводить к увеличению конкуренции и выраженности негативных установок по отношению к аутгруппе [24]. Армения испытывает сложности в институциональной реабилитации и экономическом развитии [20], что может усиливать воспринимаемую угрозу и усложнять инклюзию. Так как в основном в исследовании приняли участие молодые мужчины, т. е. представители экономически активного населения, вопрос влияния воспринимаемой угрозы особенно актуален.

При учете модерационной роли советской идентичности было обнаружено, что ориентация на мультикультурную идеологию способствует проницаемости социальных границ у армян с высоким уровнем советской идентичности. Это подтверждает вторую гипотезу исследования. В отличие от прошлых работ, обнаруживших что интеракция мультикультурализма и этнической идентичности приводит скорее к неравенству между группами и дискриминации [19], данное исследование свидетельствует, что надэтническая идентичность, взаимодействуя с мультикультурализмом, напротив, способствует инклюзии.

Полученный результат о роли советской идентичности расширяет перспективы выстраивания благоприятного социокультурного контекста, апеллируя к общим социальным категориям. Вывод согласуется с положениями модели общей ингрупповой идентичности, в соответствии с которой рекатегоризация членов отдельных подгрупп в рамках одной идентичности способствует улучшению межгрупповых отношений [13].

Полученные результаты характеризуются новизной и показывают важность процессов рекатегоризации для благоприятности межкультурных отношений. При этом необходимо упомянуть о ряде ограничений, касающихся модели и методологии данного исследования.

Первое из них касается относительно узкого понимания инклюзивности контекста. Дополнение внутреннего содержания термина «инклюзивность контекста» в будущих исследованиях другими показателями, такими как, например, аккультурационные ожидания, воспринимаемая дискриминация, толерантность и т. д., позволит рассмотреть ситуацию более комплексно.

Второе ограничение связано с рассмотрением мультикультурной идеологии только с позиций прескриптивного или «идеального» мультикультурализма — т. е. того, как различные этнокультурные группы должны жить в обществе [8]. Однако подобное должествование может не совпадать с тем, как на самом деле функционирует мультикультурное общество: «идеальный» и «реальный» мультикультурализм оказывают разное влияние на представителей этнического меньшинства и большинства [4].

Поэтому видится перспективным рассмотрение двух видов мультикультурализма в качестве факторов инклюзивности социокультурного контекста в дальнейших исследованиях.

Кроме того, в данной работе мы обратили внимание только на один вид идентичности, потенциально способствующий рекатегоризации, — советскую идентичность. Отношения к советскому прошлому различаются у трех поколений армян [15]; можно предположить, что и выраженность советской идентичности у них будет разной. Поэтому необходимо рассмотреть также другие виды надэтнической идентичности, способные подчеркнуть общность принимающего общества с группами этнического меньшинства у молодого поколения армян, например, гражданскую или европейскую идентичности.

Литература

1. Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. М., 2003.
2. Велкова К. Множественные идентичности русских и болгар: кросс-культурный анализ // Психологические исследования. 2020. Том 13. № 71. С. 6.
3. Лебедева Н.М. В силовом поле иной национальной культуры // Вестник РАН. 1994. Том 64. № 12. С. 1071–1075.
4. Лепшокова З.Х., Бульцева М.А. Аккультурация и психологическое благополучие этнического большинства и меньшинства Эстонии: идеальный VS реальный мультикультурализм // Социальная психология: вопросы теории и практики: Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2021 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. С. 337–339.
5. Папоян А.Р. Положение национальных меньшинств Армении при выполнении рамочной конвенции Совета Европы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2016. С. 96–99.
6. Результаты переписи населения Республики Армения [Электронный ресурс] // Национальная статистическая служба Армении, 2011. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=532> (дата обращения: 01.08.2020).
7. Antonio J.H.C., Monteiro M.B. Minorities' acculturation and social adjustment: The moderator role of meta-perceptions of majority's acculturation attitudes // International Journal of Psychology. 2015. Vol. 50. № 6. P. 422–430.
8. Berry J.W. Contexts of acculturation // The Cambridge handbook of acculturation psychology / D.L. Sam, J.W. Berry (eds.). Cambridge, United Kingdom: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 27–42.
9. Berry J.W. Multicultural Ideology Scale Revision. 2020. Unpublished document in progress.
10. Curtis K.A. Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity // European Union Politics. 2014. Vol. 15. № 4. P. 26.
11. Echabe A.E., Castro J.L.G. Images of immigrants: A study on the xenophobia and permeability of intergroup

Выводы

Основной вывод по итогам проведенного исследования состоит в том, что в Армении поддержка мультикультурной идеологии принимающим большинством способствует проницаемости социальных границ для русского меньшинства только при условии высокой выраженности у армян советской идентичности. То есть установки на всеобщее равенство и поддержку культурного разнообразия в обществе не всегда способствуют инклюзии представителей конкретной этнической группы. Важную роль в этом процессе играет категоризация и актуализация общего относительно позитивного протолога. При этом многие факторы, имеющие потенциал влияния на инклюзивность контекста, еще предстоит исследовать в будущем.

References

1. Arutyunyan YU.V. Transformatsiya postsovetских natsiy: po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniy [Transformation of Post-Soviet Nations: Based on Ethnopsychological Research]. Moscow: Nauka, 2003. (In Russ.).
2. Velkova K. Mnozhestvennyye identichnosti russkikh i bolgar: kross-kul'turnyy analiz [Multiple identities of Russians and Bulgarians: cross-cultural analysis]. *Psikhologicheskkiye issledovaniya* [Psychological research], 2020. Vol. 13, no. 71, article 6 (In Russ.).
3. Lebedeva N.M. V silovom pole inoy natsional'noy kul'tury [In the force field of a different national culture]. *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 1994. Vol. 64, no. 12, pp. 1071–1075. (In Russ.).
4. Lepshokova Z.KH., Bul'tseva M.A. Akkul'turatsiya i psikhologicheskoye blagopoluchiye etnicheskogo bol'shinstva i men'shinstva Estonii: ideal'nyy VS real'nyy mul'tikul'turalizm [Acculturation and psychological well-being of the ethnic majority and minority of Estonia: ideal versus real multiculturalism]. *Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki. Materialy shestoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii pamyati M.YU. Kondrat'yeva «Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki» (12–13 maya 2021 g.)* [Social psychology: questions of theory and practice. Materials of the sixth International Scientific and Practical Conference in memory of M.Yu. Kondrat'yev "Social Psychology: Questions of Theory and Practice"]. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2021, pp. 337–339. (In Russ.).
5. Papoyan A.R. Polozheniye natsional'nykh men'shinstv Armenii pri vypolnenii ramochnoy konventsii Soveta Yevropy [The situation of national minorities in Armenia in the implementation of the framework convention of the Council of Europe]. *Istoricheskkiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2016, no. 11, part 1, pp. 96–99. (In Russ.).
6. Rezul'taty perepisi naseleniya Respubliki Armeniya [Results of the population census of the Republic of Armenia National]. *Natsional'naya statisticheskaya sluzhba Armenii* [Statistical Service of Armenia], 2011. Available at: <https://www.armstat.am/ru/?nid=532> (Accessed 27.05.2021). (In Russ.).

- boundaries // *European journal of social psychology*. 1996. Vol. 26. № 3. P. 341–352.
12. Florack A., Piontkowski, U., Rohmann, A., Balzer, T., & Perzig, S. Perceived intergroup threat and attitudes of host community members toward immigrant acculturation // *The Journal of social psychology*. 2003. Vol. 143. № 5. P. 633–648.
13. Gaertner S.L., Dovidio J.F. Reducing Intergroup Bias: The Common Ingroup Identity Model. Philadelphia, PA: Psychology Press, 2000.
14. Johnson D., Terry D.J., Louis W.R. Perceptions of the Intergroup Structure and Anti-Asian Prejudice Among White Australians // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2005. Vol. 8. № 1. P. 53–71.
15. Keshishian F., Harutyunyan L. Culture and Post-Soviet transitions: A pilot study in the Republic of Armenia // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2013. Vol. 26. № 4. P. 369–392.
16. Levin S., Matthews M., Guimond S., Sidanius J., Pratto F., Kteily N., ... Dover T. Assimilation, multiculturalism, and colorblindness: Mediated and moderated relationships between social dominance orientation and prejudice // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48. P. 207–212.
17. Loh J., Lloyd D., Restubog S., Gallois C. Attitudinal outcomes of boundary permeability: A comparison of Australian and Singaporean employees // *Cross Cultural Management: An International Journal*. 2010. Vol. 17. № 2. P. 118–134.
18. Mm, D. Managing Cultural Diversity: Inclusive and exclusive approaches // *World Affairs: The Journal of International Issues*. 2019. Vol. 23. № 4. P. 26–35.
19. Morrison K.R., Plaut V.C., Ybarra O. Predicting whether multiculturalism positively or negatively influences White Americans' intergroup attitudes: The role of ethnic identification // *Personality and social psychology bulletin*. 2010. Vol. 36. № 12. P. 1648–1661.
20. Paturyan Y.J., Gevorgyan V. Civic Activism as a Novel Component of Armenian Civil Society // *Turpanjian Center for Policy Analysis*. 2016.
21. Plaut V.C., Thomas K.M., Goren M.J. Is Multiculturalism or Color Blindness Better for Minorities? // *Psychological Science*. 2009. Vol. 20. № 4. P. 444–446.
22. Ramos M.R., Cassidy C., Reicher S., Haslam S.A. A longitudinal study of the effects of discrimination on the acculturation strategies of international students // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2016. Vol. 47. № 3. P. 401–420.
23. Rattan A., Ambady N. Diversity ideologies and intergroup relations: An examination of colorblindness and multiculturalism // *European Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 43. № 1. P. 12–21.
24. Ren D., Tan X., Dang J., Liu L., Zhao X., Li C., ... Wei C. Open or close the door to the outgroup? Diversity beliefs moderate the impact of group boundary permeability on attitudes toward the outgroup // *International Journal of Psychology*. 2019. Vol. 54. № 6. P. 712–721.
25. Richeson J.A., Nussbaum R.J. The impact of multiculturalism versus color-blindness on racial bias // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2004. Vol. 40. P. 417–423.
26. Ryan C.S., Hunt J.S., Weible J.A., Peterson C.R., Casas J.F. Multicultural and Colorblind Ideology, Stereotypes, and Ethnocentrism among Black and White Americans // *Psychology Faculty Publications*. 2007. Vol. 84.
27. Schulze I. A Typology of Ethnic Minorities in Armenia // *Iran & the Caucasus*. 2017. Vol. 21. № 4. P. 362–375. Retrieved May 30, 2021, from <https://www.jstor.org/stable/26548907>
28. Stone C.H., Crisp, R.J. Superordinate and Subgroup Identification as Predictors of Intergroup Evaluation
7. Antonio J.H.C., Monteiro M.B. Minorities' acculturation and social adjustment: The moderator role of meta-perceptions of majority's acculturation attitudes. *International Journal of Psychology*, 2015. Vol. 50, no. 6, pp. 422–430.
8. Berry J.W. Contexts of acculturation. *The Cambridge handbook of acculturation psychology*. Sam D.L. (eds.). Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2006, pp. 27–42.
9. Berry, J.W. Multicultural Ideology Scale Revision. 2020. Unpublished document in progress
10. Curtis K.A. Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity. *European Union Politics*, 2014. Vol. 15, no. 4, pp. 521–546.
11. Echabe A.E., Castro J.L.G. Images of immigrants: A study on the xenophobia and permeability of intergroup boundaries. *European journal of social psychology*, 1996. Vol. 26, no. 3, pp. 341–352.
12. Florack A., Piontkowski, U., Rohmann, A., Balzer, T., & Perzig, S. Perceived intergroup threat and attitudes of host community members toward immigrant acculturation. *The Journal of social psychology*, 2003. Vol. 143, no. 5, pp. 633–648.
13. Gaertner S.L., Dovidio J.F. Reducing Intergroup Bias: The Common Ingroup Identity Model. Philadelphia, PA: Psychology Press, 2000.
14. Johnson D., Terry D.J., Louis W.R. Perceptions of the Intergroup Structure and Anti-Asian Prejudice Among White Australians. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2005. Vol. 8, no. 1, pp. 53–71.
15. Keshishian F., Harutyunyan L. Culture and Post-Soviet transitions: A pilot study in the Republic of Armenia. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 2013. Vol. 26, no. 4, pp. 369–392.
16. Levin S., Matthews M., Guimond S., Sidanius J., Pratto F., Kteily N., ... Dover T. Assimilation, multiculturalism, and colorblindness: Mediated and moderated relationships between social dominance orientation and prejudice. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2012. Vol. 48, pp. 207–212.
17. Loh J., Lloyd D., Restubog S., Gallois C. Attitudinal outcomes of boundary permeability: A comparison of Australian and Singaporean employees. *Cross-Cultural Management: An International Journal*, 2010. Vol. 17, no. 2, pp. 118–134.
18. Mm, D. Managing Cultural Diversity: Inclusive and exclusive approaches. *World Affairs: The Journal of International Issues*, 2019. Vol. 23, no. 4, pp. 26–35.
19. Morrison K.R., Plaut V.C., Ybarra O. Predicting whether multiculturalism positively or negatively influences White Americans' intergroup attitudes: The role of ethnic identification. *Personality and social psychology bulletin*, 2010. Vol. 36, no. 12, pp. 1648–1661.
20. Paturyan Y.J., Gevorgyan V. Civic Activism as a Novel Component of Armenian Civil Society. American University of Armenia: Turpanjian Center for Policy Analysis, 2016.
21. Plaut V.C., Thomas K.M., Goren M.J. Is Multiculturalism or Color Blindness Better for Minorities? *Psychological Science*, 2009. Vol. 20, no. 4, pp. 444–446.
22. Ramos M.R., Cassidy C., Reicher S., Haslam S.A. A longitudinal study of the effects of discrimination on the acculturation strategies of international students. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2016. Vol. 47, no. 3, pp. 401–420.
23. Rattan A., Ambady N. Diversity ideologies and intergroup relations: An examination of colorblindness and multiculturalism. *European Journal of Social Psychology*, 2013. Vol. 43, no. 1, pp. 12–21.
24. Ren D., Tan X., Dang J., Liu L., Zhao X., Li C., ... Wei C. Open or close the door to the outgroup? Diversity

in Common Ingroup Contexts // Group Processes and Intergroup Relations, SAGE Publications. 2007. Vol. 10. № 4. P. 493–513.

29. *Suny R.G.* Soviet Armenia, 1921–91 // The Armenians: past and present in the making of national identity / E. Herzig and M. Kurkchian (eds.). Routledge, 2004.

30. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / S. Worchel & W. Austin (Eds.). Chicago, IL: Nelson Hall, 1986. P. 7–24.

31. *Tajfel H.E.* Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. Academic Press, 1978.

32. *Wojnowski Z.* The Soviet people: national and supranational identities in the USSR after 1945 // Nationalities Papers. 2015. Vol. 43. № 1. P. 1–7. DOI: 10.1080/00905992.2014.953467

33. *Zhang X., Zheng J., Liu L., Zhao X., Sun X.* The Effect of Group Boundary Permeability on Intergroup Prejudice: The Case of Rural-to-Urban Migrants in China // Journal of Pacific Rim Psychology. 2014. Vol. 8. P. 53–61. DOI:10.1017/prp.2014.7

beliefs moderate the impact of group boundary permeability on attitudes toward the outgroup. *International Journal of Psychology*, 2019. Vol. 54, no. 6, pp. 712–721.

25. *Richeson J.A., Nussbaum R.J.* The impact of multiculturalism versus color-blindness on racial bias. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2004. Vol. 40, pp. 417–423.

26. *Ryan C.S., Hunt J.S., Weible J.A., Peterson C.R., Casas J.F.* Multicultural and Colorblind Ideology, Stereotypes, and Ethnocentrism among Black and White Americans. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2007. Vol. 10, no. 4, pp. 617–637.

27. *Schulze I.* A Typology of Ethnic Minorities in Armenia. *Iran & the Caucasus*, 2017. Vol. 21, no. 4, pp. 362–375. Retrieved May 30, 2021, from <https://www.jstor.org/stable/26548907>

28. *Stone C.H., Crisp, R.J.* Superordinate and Subgroup Identification as Predictors of Intergroup Evaluation in Common Ingroup Contexts. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2007. Vol. 10, no. 4, pp. 493–513.

29. *Suny R.G.* Soviet Armenia, 1921–91. *The Armenians: past and present in the making of national identity* / E. Herzig and M. Kurkchian (eds.) Routledge, 2004.

30. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of intergroup relations*. Worchel S. (eds.). Chicago, IL: Nelson Hall. 1986, pp. 7–24.

31. *Tajfel H.E.* Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. Academic Press, 1978.

32. *Wojnowski Z.* The Soviet people: national and supranational identities in the USSR after 1945. *Nationalities Papers*, 2015. Vol. 43, no. 1, pp. 1–7. DOI: 10.1080/00905992.2014.953467

33. *Zhang X., Zheng J., Liu L., Zhao X., Sun X.* The Effect of Group Boundary Permeability on Intergroup Prejudice: The Case of Rural-to-Urban Migrants in China. *Journal of Pacific Rim Psychology*, 2014. Vol. 8, pp. 53–61. DOI:10.1017/prp.2014.7

Информация об авторах

Бульцева Мария Александровна, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru

Бушина Екатерина Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: evbushina@hse.ru

Ася Суреновна Берберян, доктор психологических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет, г. Ереван, Армения, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>, e-mail: aspsy@inbox.ru

Коджа Екатерина Андреевна, аспирант, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6316-3275>, e-mail: ekodja@hse.ru

Information about the authors

Maria A. Bultseva, PhD in Psychology, Junior Research Fellow, Centre of Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5899-9916>, e-mail: mbultseva@hse.ru

Ekaterina V. Bushina, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Centre for Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: evbushina@hse.ru

Asya S. Berberyan, Doctor of Psychology, Professor, Russian-Armenian (Slavonic) University Yerevan, Armenia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>, e-mail: aspsy@inbox.ru

Ekaterina A. Kodja, PhD Student, Research Intern, Centre for Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6316-3275>, e-mail: ekodja@hse.ru

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021

Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ

А.Н. Татарко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: atatarko@hse.ru

Н.В. Чуйкина

Таллинский университет, г. Таллин, Эстонская Республика
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0362-1457>, e-mail: natalia.tshuikina@tlu.ee

Работа направлена на выявление связей между множественными идентичностями (этнической, гражданской, религиозной, советской, цивилизационной) и двумя видами социального капитала (соединяющим и связывающим) в двух постсоветских республиках — Эстонии и Киргизии. В обеих республиках в выборку вошли представители двух поколений этнических русских и представителей этнического большинства (эстонцев и киргизов) не менее чем по 150 респондентов в каждой группе. Таким образом, общая выборка составила 1296 респондентов. Для оценок множественных идентичностей использовались авторские методики, для оценки соединяющего и связывающего социального капитала — модифицированная версия генератора социальных ресурсов. Результаты исследования показывают, что у молодого поколения на постсоветском пространстве наблюдаются тенденции к снижению социального капитала, особенно соединяющего. «Советская» идентичность не связана с социальным капиталом этнических русских в рассмотренных республиках, а у представителей этнического большинства — связана. Религиозная идентичность оказалась важным фактором обоих видов социального капитала во всех рассматриваемых группах. Гражданская идентичность связана с соединяющим социальным капиталом у русских в обеих республиках. У молодежи среди эстонцев и киргизов этническая идентичность является фактором, значительно сопряженным с их связывающим социальным капиталом. Также «европейская» идентичность у обоих поколений эстонцев продемонстрировала сильную сопряженность со связывающим социальным капиталом.

Ключевые слова: соединяющий социальный капитал, связывающий социальный капитал, доверие, постсоветское пространство, множественные идентичности.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00268 «Новая Русская Диаспора» 30 лет спустя: идентичность, социальный капитал, межкультурные отношения).

Для цитаты: Татарко А.Н., Чуйкина Н.В. Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 65–73. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170407>

The Relationship Between Multiple Identities and Social Capital in the Post-Soviet Space: An Intergenerational Analysis

Alexander N. Tatarko

National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: atatarko@hse.ru

Natalia V. Tšaikina

University of Tallinn, Tallinn, Republic of Estonia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0362-1457>, e-mail: natalia.tshuikina@tlu.ee

This study aims to identify the associations between multiple identities (ethnic, civil, religious, Soviet, civilizational) and two types of social capital (bridging and bonding) in two post-Soviet republics: Estonia and Kyrgyzstan. In both republics, the sample included representatives of two generations of ethnic Russians and representatives of the ethnic majority (the Estonians and the Kyrgyz), with at least 150 respondents in each group, so the total sample was 1,296 respondents. The authors used their own techniques to evaluate multiple identities, and a modified version of the social resource generator was used to evaluate bridging and bonding social capital. The results of the study showed that the younger generation in the post-Soviet space tends to have lower social capital, especially the bridging one. "Soviet" identity in the ethnic Russians is not associated with social capital, whereas in the representatives of the ethnic majority it is. Religious identity proved to be an important factor of both types of social capital in all the groups considered. The civic identity is linked to the bridging social capital in the Russians in both republics. Among the Estonian and Kyrgyz young people, ethnic identity is strongly associated with their bonding social capital. Also, the "European" identity of both generations of the Estonians demonstrated a strong association with the bonding social capital.

Keywords: bridging social capital, bonding social capital, trust, post-Soviet space, multiple identities.

Funding. This work was supported by grant RSF (№ 20-18-00268).

For citation: Tatarko A.N., Tšaikina N.V. The Relationship Between Multiple Identities and Social Capital in the Post-Soviet Space: An Intergenerational Analysis. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 65–73. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170407> (In Russ.).

Постановка проблемы

Исследования социального капитала очень важны, поскольку он является важнейшим нематериальным активом общества и способствует экономическому развитию, благополучию и здоровью населения [3; 11; 13; 17; 22]. Последние исследования, проведенные в свете текущей пандемии COVID-19, показывают, что социальный капитал является эффективным средством противостояния пандемии и те страны или регионы, где он выше, более эффективно реализуют меры по противодействию распространения данного заболевания [6].

В данной работе мы рассмотрим социальный капитал населения двух стран постсоветского пространства — Эстонии и Киргизии, а также связь с социальным капиталом различных видов социальной идентичности (множественных идентичностей). Социальный капитал может быть определен как различные ресурсы, доступные индивиду или группе через их социальные связи [16].

Ряд исследователей [7; 19] фокусировались на социальном капитале как источнике различных ресурсов для индивида, которые могут помочь в достижении различных целей. На микроуровне социальный капитал рассматривается как социальный ресурс, которым владеют индивиды, и называется «индивидуальный социальный капитал» [24]. В настоящей статье мы будем рассматривать социальный капитал именно на уровне индивида, как индивидуальный социальный ресурс. Р. Патнем предложил идею разделения социального капитала на внутригрупповые ресурсы (связывающий социальный капитал) и аутгрупповые социальные ресурсы (соединяющий социальный капитал) [21]. В на-

шем исследовании мы используем термин «связывающий социальный капитал» для описания социального капитала, получаемого от представителей собственной этнической группы [12; 15]. Социальный капитал, источником которого являются представители иноэтнических групп, обозначается как «соединяющий социальный капитал» [14; 15].

Существующие исследования показывают, что наблюдаются недостаток социального капитала на постсоветском пространстве и трудности с его формированием. Анализ трендов показывает падение социального капитала на просоветском пространстве с 1991 г. и до начала 2000-х гг., однако исключением являются страны Балтии [10]. В странах Балтии такого резкого падения социального капитала не произошло. Также отдельные исследования, посвященные динамике доверия (которое является ключевым компонентом социального капитала) на постсоветском пространстве, показали, что доверие значительно снизилось после распада СССР в 1991 г. в большинстве постсоветских стран и так и не восстановилось к 2011 году [23].

Одной из причин такого падения могут быть изменения идентичностей населения бывшего СССР, а также изменение в соотношениях статусов этнических групп. В частности, это в первую очередь касается русских, которые утратили статус государствообразующего народа в бывших советских республиках. В этой связи представляется важным рассмотрение того, каким образом связаны различные виды социальной идентичности с социальным капиталом представителей этнического большинства и этнических русских в постсоветских республиках.

Существующие исследования показывают, что есть сильная связь между идентификацией с группой и готовностью «инвестировать» или вкладываться в благополучие группы [9; 18]. В нашем исследовании мы используем также эту идею, но с несколько иным акцентом: если люди имеют общую идентичность, они будут в большей степени расположены к взаимодействию и оказанию помощи друг другу. Соответственно мы можем оценить вклад различных типов социальной идентичности или множественных идентичностей [4] в индивидуальный социальный капитал респондента (количество людей из собственной и иноэтнических групп, готовых оказать различные виды помощи).

Социальные идентичности позволяют людям ориентироваться в социальной реальности и служат основой для формирования социальных связей [18]. Если люди видят, что они принадлежат к кем-либо к той же самой социальной категории, они будут иметь больше причин для формирования социальных связей и взаимопомощи. Таким образом, чем сильнее идентификация с группой, тем в большей степени люди готовы поддерживать других членов этой группы и оказывать им помощь, что, по сути, и является социальным капиталом, если речь идет именно об индивидуальном социальном капитале. Существует ряд эмпирических исследований, которые подтверждают это предположение [обзор см.: 18, р. 30–31].

Поскольку социализация старшего поколения и молодежи проходила в разных условиях (в условиях СССР и после его распада) и выраженность тех или иных социальных идентичностей может быть различной, в нашем исследовании мы сопоставляем результаты двух поколений представителей этнического большинства и русских двух республик, которые, в свою очередь, значительно различаются по численности русских: Эстонии и Киргизии. Также дополнительно стоит отметить, что предыдущие межпоколенные исследования социального капитала зафиксировали существующее различие в социальном капитале респондентов, принадлежащих к различным поколениям [1]. Эти данные, в том числе, дают нам основания предполагать существование межпоколенных различий в социальном капитале респондентов, социализировавшихся до и после распада Советского Союза.

Итак, **основные вопросы данного исследования** следующие.

1. Насколько отличаются по своей выраженности различные компоненты индивидуального социального капитала русских и представителей этнического большинства в Эстонии и Киргизии?

2. Какие виды множественных идентичностей разных поколений русского и коренного населения постсоветских республик связаны с их индивидуальным социальным капиталом?

Методика

В табл. 1 приводятся характеристики выборки. Мы опрашивали русских и представителей этнического большинства в Эстонии и Киргизии.

Инструментарий исследования

1. Индивидуальный социальный капитал.

- Ресурсы социальной поддержки — мы использовали модифицированную версию «генератора ресурсов» [5]. Оценивалось количество друзей, знакомых из собственной этнической группы и этнической аутгруппы, готовых оказать различные виды помощи.

- Количество близких друзей — оценивалось количество близких друзей среди представителей этнической ингруппы и аутгруппы.

- Частота контактов с близкими друзьями — оценивалось количество контактов с близкими друзьями, являющимися представителями этнической ингруппы и аутгруппы.

2. *Генерализованное доверие.* Генерализованное доверие не является составляющей индивидуального социального капитала, однако оно служит основой для формирования социального капитала на социальном уровне, в частности, на уровне общества. Поэтому в нашем исследовании мы дополнительно оценивали уровень генерализованного доверия респондентов.

3. *Множественные идентичности.* При помощи 5-балльной шкалы мы оценивали следующие типы множественных идентичностей у представителей этнических групп, которые приняли участие в исследовании: этнической, гражданской, религиозной, «советской» и «цивилизационной» (тюркской для киргизов и европейской для русских и эстонцев). Каждый тип идентичности оценивался при помощи 4 пунктов. Во всех группах надежность—согласованность шкал, измеряющих идентичность, была выше 0,7.

Результаты

В табл. 2 представлены результаты сопоставления показателей социального капитала между двумя поколениями респондентов в выборках русских и эстонцев.

Таблица 1

Выборка исследования

Исследуемые группы	Молодежь (постсоветское поколение)		Взрослые (поколение советского периода)	
	N	% мужчин	N	% мужчин
Русские Эстонии	152	35,5	234	40,2
Русские Киргизии	150	28	150	41,3
Эстонцы	151	53,3	159	53,5
Киргизы	150	27,3	150	36,7

В табл. 2 мы видим следующие тенденции. В обеих выборках у молодежи выше связывающий социальный капитал, чем у старшего поколения. По уровню соединяющего социального капитала значимых межпоколенных различий ни в одной из этнических групп нет, но абсолютное его значение невысоко. Генерализованное доверие выше у представителей старшего поколения. Что касается социальных связей (количество друзей и контакты с ними), то в группе русских тенденции аналогичны тенденциям в социальном капитале: у русской молодежи выше ингрупповые дружеские связи и плотность ингрупповых контактов. У эстонцев также в молодежной выборке выше количество друзей среди представителей ингруппы, а по остальным индикаторам значимых различий не обнаружено. Таким образом, мы видим, что молодежь в обеих группах старается формировать социальный капитал по этническому признаку в большей мере, чем взрослые.

В табл. 3 мы можем видеть межпоколенное сопоставление показателей социального капитала этнических русских Киргизии и киргизов. У русской молодежи, проживающей в Киргизии, в сравнении со взрослыми, выше и соединяющий и связывающий социальный капитал. У киргизов обратная тенденция — оба вида социального капитала выше в выборке взрослых. У русских генерализованное доверие выше в выборке взрослых, у киргизов — в молодежной выборке. Касательно количества друзей и контактов с ними: в выборке русских у взрослых статистически значимо

выше количество друзей внутри собственной группы, у киргизов — аналогичная тенденция. По другим индикаторам нет статистически значимых различий (табл. 3).

На следующем этапе анализа мы протестировали связи между множественными идентичностями и индивидуальным социальным капиталом у представителей всех 8 подвыборок (табл. 4–7).

На рисунке представлена концептуальная модель, которая была протестирована в исследовании.

Данная модель тестировалась при помощи мультигруппового моделирования структурными уравнениями, мы проводили оценку связей в парах групп схожих по статусу и возрасту групп в каждой республике: 1) русская молодежь обеих республик; 2) русские обеих республик; 3) молодежь из числа эстонцев и киргизов; 4) взрослые из числа эстонцев и киргизов.

У русской молодежи Эстонии множественные идентичности не связаны с социальным капиталом, а у русской молодежи Киргизии этническая и гражданская идентичности позитивно сопряжены со связывающим социальным капиталом, а гражданская идентичность — с соединяющим.

У русских взрослых Эстонии религиозная идентичность позитивно сопряжена и с соединяющим, и со связывающим индивидуальным социальным капиталом. Этническая идентичность взрослых работает против соединяющего социального капитала и в Эстонии, и в Киргизии. Гражданская, напротив, позитивно связана с

Таблица 2

Индивидуальный социальный капитал двух поколений эстонцев и русских Эстонии

Группа	Русские Эстонии		t	Эстонцы		t	
	Переменная	Взрослые M (SD)		Молодежь M (SD)	Взрослые (M,SD)		Молодежь (M,SD)
Связывающий СК		1,90 (0,55)	2,21 (0,66)	-3,73***	2,18 (0,73)	2,42 (0,66)	-2,73**
Соединяющий СК		1,49 (0,55)	1,40 (0,52)	1,28	1,58 (0,74)	1,43 (0,47)	1,75
Генерализованное доверие		3,32 (0,73)	2,89 (0,76)	4,34***	3,29 (0,77)	3,08 (0,72)	2,27*
Количество близких друзей-русских		3,82 (1,07)	4,16 (0,99)	-2,44*	3,22 (1,34)	2,50 (1,27)	4,38***
Количество близких друзей-эстонцев		2,67 (1,27)	2,06 (1,29)	3,43***	4,31 (0,86)	4,15 (0,94)	1,43
Плотность контактов с русскими друзьями		3,36 (0,92)	3,83 (0,95)	-3,74***	2,76 (1,09)	2,53 (1,19)	1,52
Плотность контактов с друзьями-эстонцами		2,40 (1,17)	2,09 (1,20)	1,92*	2,76 (0,85)	3,67 (0,87)	0,76

Таблица 3

Индивидуальный социальный капитал двух поколений Киргизов и русских Киргизии

Группа	Русские в Киргизии		t	Киргизы		t	
	Переменная	Взрослые M (SD)		Молодежь M (SD)	Взрослые M (SD)		Молодежь M (SD)
Связывающий СК		1,97 (0,57)	2,17 (0,61)	-2,93**	2,95 (0,88)	2,66 (0,80)	3,02**
Соединяющий СК		1,63 (0,66)	1,93 (0,73)	-3,66***	1,75 (0,72)	1,43 (0,51)	4,3***
Генерализованное Доверие		2,97 (0,79)	2,77 (0,69)	2,35*	3,26 (0,87)	2,86 (0,82)	4,05***
Количество близких друзей-русских		4,43 (0,79)	3,92 (1,01)	4,80***	4,43 (0,76)	4,49 (0,81)	-0,65
Количество близких друзей-киргизов		3,62 (1,34)	3,40 (1,31)	1,43	3,11 (1,37)	2,62 (1,38)	3,05**
Плотность контактов с русскими друзьями		3,88	3,89	-0,06	4,0 (0,72)	4,44 (3,25)	-1,61
Плотность контактов с друзьями-киргизами		3,16	3,41	-1,90	2,68 (1,27)	2,58 (1,36)	0,65

соединяющим социальным капиталом в обеих группах. Религиозная идентичность русских Киргизии позитивно сопряжена с их связывающим социальным капиталом.

У молодежи Эстонии и Киргизии мы видим уже знакомый нам паттерн связей — выраженность этнической идентичности позитивно сопряжена со связывающим социальным капиталом. Но при этом у киргизов мы видим также отрицательную связь данного вида идентичности с соединяющим социальным капиталом. Гражданская идентичность у эстонской молодежи работает против соединяющего социального капитала, а у киргизов направление связи противоположное. У эстонской молодежи «советская» гражданская идентичность отрицательно сопряжена со связывающим социальным капиталом, но с ним позитивно связана «цивилизационная» (европейская) идентичность. Других связей «советская» идентичность не продемонстрировала ни в выборке эстонской молодежи, ни в выборке киргизской молодежи.

У взрослых эстонцев и киргизов этническая, гражданская и религиозная идентичности оказались

не связаны с социальным капиталом. Наибольшее количество связей с социальным капиталом продемонстрировали надэтнические идентичности — прежняя «советская» и новая «цивилизационная». «Советская» идентичность у киргизов сопряжена со связывающим социальным капиталом, а также с соединяющим социальным капиталом у представителей обеих групп. «Цивилизационная» (европейская) идентичность у взрослых эстонцев, как и молодых, позитивно сопряжена со связывающим социальным капиталом. В выборке киргизов мы наблюдаем позитивную связь «цивилизационной» «тюркской» идентичности с соединяющим социальным капиталом.

Обсуждение результатов исследования

Итак, напомним, что цель настоящего исследования состояла в изучении связей множественных идентичностей с социальным капиталом у представителей двух поколений русских и представителей этнического боль-

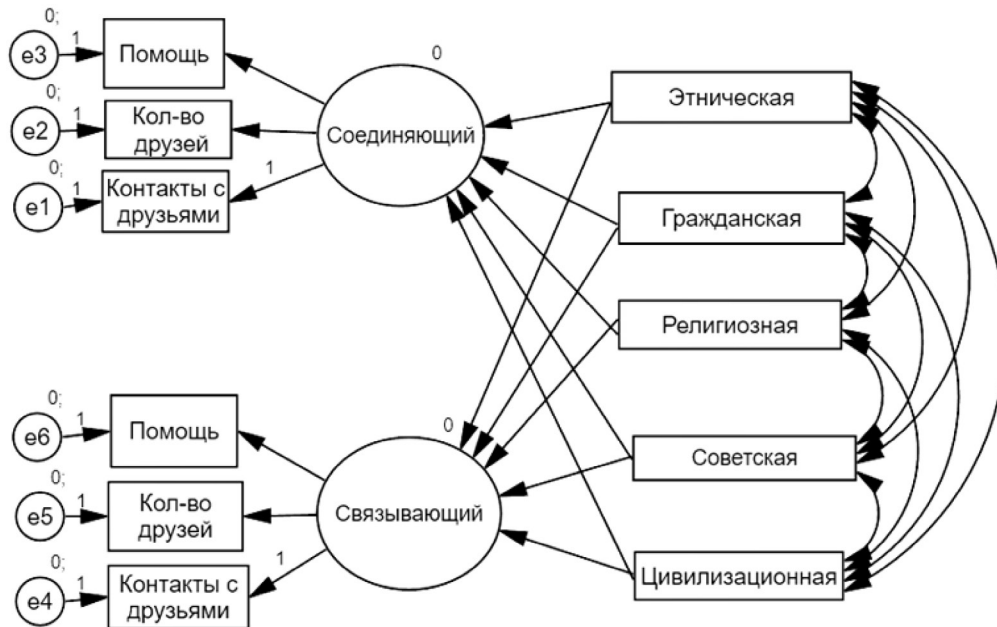

Рис. Концептуальная модель исследования

Таблица 4

Связь между множественными идентичностями и индивидуальным социальным капиталом (мультигрупповая модель для русской молодежи Эстонии и Киргизии)

Зависимая переменная: социальный капитал. Предиктор: Идентичность	Связывающий		Соединяющий		Показатели качества модели	
	Русские Эстонии β	Русские Киргизии β	Русские Эстонии β	Русские Киргизии β	Без ограничений (Unconstrained)	Веса параметров (Measurement weights)
Этническая	-0,01	0,17*	-0,11	0,02	CFA=0,960; $\chi^2/df=1,58$; RMSEA=0,045; PCLOSE=0,665.	CFA=0,954; $\chi^2/df=1,57$; RMSEA=0,044; PCLOSE=0,703
Гражданская	0,09	-0,08	0,01	0,33***		
Религиозная	0,10	0,19***	0,08	-0,05		
Советская	-0,09	-0,04	-0,07	0,11		
Цивилизационная	0,12	-0,04	0,01	-0,15		
					$\Delta CFI^+ = 0,006$	

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$; «+» — здесь и далее: метрическая инвариантность присутствует при $\Delta \leq 0,01$, и мы можем сравнивать регрессионные коэффициенты выборок.

Связь между множественными идентичностями и индивидуальным социальным капиталом
(мультигрупповая модель для русских взрослых Эстонии и Киргизии)

Зависимая переменная: социальный капитал. Предиктор: идентичность	Связывающий		Соединяющий		Показатели качества модели	
	Русские Эстонии β	Русские Киргизии β	Русские Эстонии β	Русские Киргизии β	Без ограничений (Unconstrained)	Веса параметров (Measurement weights)
Этническая	-0,04	0,12	-0,28*	-0,18*	CFA=0,934; χ ² /df = 2,12; RMSEA=0,068; PCLOSE=0,10	CFA=0,937; χ ² /df = 1,99; RMSEA=0,065; PCLOSE=0,10
Гражданская	-0,09	0,12	0,58***	0,35***		
Религиозная	0,58***	0,42***	0,26*	0,16		
Советская	0,07	-0,05	0,09	0,08		
Цивилизационная	0,07	0,06	-0,05	0,03		
Δ CFI = 0,003						

Примечание: «*» – p<=0,05; «**» – p<=0,01; «***» – p<=0,001.

Связь между множественными идентичностями и индивидуальным социальным капиталом
(мультигрупповая модель для молодежи представителей этнического большинства Эстонии и Киргизии)

Зависимая переменная: социальный капитал. Предиктор: идентичность	Связывающий		Соединяющий		Связывающий	
	Эстонцы β	Киргизы β	Эстонцы β	Киргизы β	Без ограничений (Unconstrained)	Веса параметров (Measurement weights)
Этническая	0,44***	0,33*	0,15	-0,30*	CFA=0,914; χ ² /df = 2,28; RMSEA=0,065; PCLOSE=0,10	CFA=0,928; χ ² /df = 2,44; RMSEA=0,069; PCLOSE=0,02
Гражданская	-0,13	-0,01	-0,28*	0,36*		
Религиозная	0,04	0,00	-0,02	-0,17		
Советская	-0,31***	-0,01	0,06	0,06		
Цивилизационная	0,20*	0,01	0,02	0,03		
Δ CFI = 0,013						

Примечание: «*» – p<=0,05; «**» – p<=0,01; «***» – p<=0,001.

Связь между множественными идентичностями и индивидуальным социальным капиталом
(мультигрупповая модель для взрослых представителей этнического большинства Эстонии и Киргизии)

Зависимая переменная: социальный капитал. Предиктор: идентичность	Связывающий		Соединяющий		Связывающий	
	Эстонцы β	Киргизы β	Эстонцы β	Киргизы β	Без ограничений (Unconstrained)	Веса параметров (Measurement weights)
Этническая	0,17	-0,12	0,02	-0,20	CFA=0,956; χ ² /df = 1,91; RMSEA=0,06; PCLOSE=0,20	CFA=0,946; χ ² /df = 2,05; RMSEA=0,06; PCLOSE=0,10
Гражданская	0,12	0,21	0,22	0,14		
Религиозная	-0,14	-0,03	0,20	-0,04		
Советская	-0,04	0,29**	0,28*	0,29**		
Цивилизационная	0,34*	0,06	-0,20	0,19		
Δ CFI = 0,01						

Примечание: «*» – p<=0,05; «**» – p<=0,01; «***» – p<=0,001.

шинства в двух постсоветских республиках, отличающихся по количеству русских – Эстонии и Киргизии.

Прежде всего, мы можем заметить некоторое снижение социального капитала у молодежи, по сравнению со взрослым поколением, особенно соединяющего социального капитала. В Эстонии у молодежи (и русских, и эстонцев) связывающий социальный капитал выше, чем соединяющий, и выше, чем у взрослых, а доверие – ниже, по сравнению со взрослыми. Это говорит о том, что молодые поколения представителей обеих этнических групп прежде всего видят ресурсы социальной поддержки внутри этнической группы и в меньшей степени – за ее пределами. У русской молодежи, проживающей в Киргизии, в сравнении со взрослыми, выше

и соединяющий, и связывающий социальный капитал. В терминах Дж. Берри это и есть «двойные связи» [2] с обеими культурами. Русская молодежь, проживающая в Киргизии, стремится адаптироваться к этому контексту. При этом не стоит забывать, что мы наблюдаем такие тенденции, возможно, в силу того, что русских в Киргизии очень мало и поэтому «двойные связи» просто неизбежны. Что касается киргизов, то тут тенденция обратная – «двойные связи» мы наблюдаем у взрослого населения, у него также выше уровень генерализованного доверия. Таким образом, социальный капитал старшего поколения киргизов выше, чем у молодежи.

В целом, наше общее предположение о том, что множественные идентичности могут быть связаны с пока-

зателями соединяющего и связывающего социального капитала, подтвердилось. Обнаруженные связи характеризуются довольно интересными тенденциями. Прежде всего отметим, что религиозная идентичность русских, проживающих в государствах ближнего зарубежья (на примере рассмотренных стран), имеет большое значение для их социального капитала. В основном это касается старшего поколения, младшего поколения — в значительно меньшей мере. Удивительно, но именно религиозная, а не этническая идентичность усиливает связывающий социальный капитал русских в рассмотренных республиках. Для русских именно религиозность во многом служит тем мостом, который соединяет их со своим народом; это мощный источник социального капитала. У местного населения — ни у эстонцев, ни у киргизов такой функции религиозной идентичности мы не обнаружили.

Если сопоставлять обобщенно роли этической и гражданской идентичностей для обоих видов социального капитала, то можно отметить, что, в целом, этническая идентичность является основой связывающего социального капитала, но, в отдельных случаях, работает против соединяющего социального капитала, с которым связана гражданская идентичность. Позитивная связь гражданской идентичности с соединяющим социальным капиталом наблюдается в большинстве рассмотренных выборок, кроме выборки эстонской молодежи. Таким образом, гражданская идентичность, особенно для русского населения постсоветских республик, может служить основой социального капитала. Вопрос о том, почему на выборке эстонской молодежи мы получили отрицательную связь гражданской идентичности и связывающего социального капитала, остается открытым и требует дальнейшего изучения.

Европейская идентичность, как показывает наше исследование, имеет большое значение для связывающего социального капитала эстонцев. Причем у взрослых эстонцев она сопряжена со связывающим социальным капиталом, в отличие от более узких идентичностей — гражданской и этнической. Таким образом, именно рост европейской идентичности может служить основой формирования связывающего социального капитала в эстонском обществе.

Мы также включили в наш анализ «советскую идентичность», поскольку предположили, что она может быть связана с соединяющим социальным капиталом старших поколений представителей разных этнических групп в бывших советских республиках. Это может происходить по причине так называемого «чувства общей судьбы» [8] у представителей старшего поколения, и это чувство служит фоном для общей идентичности, что также положительно влияет на соединяющий социальный капитал — взаимную поддержку тех, у кого «общая судьба». Это предположение подтвердилось частично. Оказалось, что у русского населения в рассматриваемых республиках советская идентичность никак не связана с социальным капиталом, но у представителей этнического большинства — эстонцев и киргизов — эта социальная категория имеет значение, прежде всего для соединяющего социального капитала, поскольку связана с ним позитивно. Однако важно отметить, что связь

«советской» идентичности с соединяющим социальным капиталом (а у киргизов и со «связывающим») обнаружена только у старшего поколения эстонцев и киргизов. У киргизской молодежи такой связи нет вообще, а у эстонской молодежи «советская» идентичность отрицательно сопряжена со связывающим социальным капиталом, но с ним позитивно связана «европейская» идентичность. То есть молодые люди, которые в определенной мере ориентированы на советское прошлое, рискуют остаться без социальной поддержки, а те респонденты, которые имеют более выраженную европейскую идентичность, характеризуются и более высоким уровнем социальной поддержки среди представителей собственной этнической группы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Прежде всего, анализ соединяющего и связывающего социального капитала двух поколений русских и представителей этнического большинства Эстонии и Кыргызстана привел нас к выводу, что на постсоветском пространстве наблюдается тенденция к снижению соединяющего социального капитала у молодого поколения. Мы связываем это с изменением социальной идентичности молодого поколения, как русских, так и представителей этнического большинства, произошедшим после распада СССР.

Гражданская идентичность русского населения постсоветских республик позитивно связана с соединяющим социальным капиталом. Таким образом, она может служить «мостиком» для выстраивания взаимоотношений с коренным населением республик и одним из источников накопления более диверсифицированного социального капитала. Мы обнаружили, что «советская» идентичность этнических русских, проживающих в рассмотренных постсоветских республиках, не связана ни с одним из типов социального капитала. При этом «советская» идентичность представителей старшего поколения этнического большинства позитивно связана с соединяющим социальным капиталом (а в случае с киргизами — и со связывающим социальным капиталом).

Неожиданно роль религиозной идентичности оказалась довольно значительной для обоих видов социального капитала у этнических русских — соединяющего и связывающего. По всей видимости, религиозная идентичность является одним из важных источников поддержки сплоченности этнических русских в рассмотренных нами постсоветских республиках.

Этническая идентичность молодежи постсоветских республик оказывает положительное влияние на накопление связывающего (внутри этнической группы) социального капитала. Однако на выборах этнических русских (в обеих странах) она демонстрирует негативный эффект на соединяющий социальный капитал. Также связывающий социальный капитал эстонцев (и молодежи, и взрослых) сопряжен с выраженностью их европейской идентичности, т. е. она во многом служит источником

сплочения и взаимоподдержки для эстонского населения. На русской выборке связей европейской идентичности с каким-либо из видов социального капитала не обнаружено.

Хотелось бы отметить, что выявленные тенденции нуждаются в дальнейшей перепроверке и уточнении на других выборках стран постсоветского пространства.

Литература

References

1. Волкова Н.В., Чикер В.А., Почебут Л.Г. Различия поколений в консолидации социального капитала: организационный и субкультурный аспекты // Социальная психология и общество. 2019. № 2(10). С. 127–145. DOI:10.17759/sps.2019100210
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Д. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. 2016. № 2(37). С. 92–104.
3. Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л. Вклад личности в социальный капитал группы: структура альтруистического инвестирования // Социальная психология и общество. 2018. № 1(9). С. 43–66. DOI:10.17759/sps.2018090104
4. Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д. Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // Культурно-историческая психология. 2019. № 2(15). С. 54–64. DOI:10.17759/chp.2019150206
5. Татарко А.Н. Проверка гипотезы интеграции на примере Дагестана: медиативная роль социального капитала // Культурно-историческая психология. 2017. № 4(13). С. 28–39. DOI: 10.17759/chp.2017130403
6. Bian Y., Miao X., Lu X., Ma X., Guo X. The emergence of a COVID-19 related social capital: the case of China // International Journal of Sociology. 2020. Vol. 50. № 5. P. 419–433. DOI: 10.1080/00207659.2020.1802141
7. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / J.G. Richardson (Ed.). New York, NY: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
8. Brewer M.B., Gardner W. Who is this “We”? Levels of collective identity and self representations // Journal of personality and social psychology. 1996. Vol. 71. № 1. P. 83–93. DOI: 10.1037/0022-3514.71.1.83
9. Campbell C., McLean C. Ethnic identities, social capital and health inequalities: factors shaping African-Caribbean participation in local community networks in the UK // Social science & medicine. 2002. Vol. 55. № 4. P. 643–657. DOI:10.1353/sais.2002.0009
10. Dowley K.M., Silver B.D. Social capital, ethnicity and support for democracy in the post-communist states // Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54. № 4. P. 505–527. DOI: 10.1080/09668130220139145
11. Fukuyama F. Social capital and development: The coming agenda // SAIS Review. 2002. Vol. 22. P. 23–37. DOI: 10.1353/sais.2002.0009
12. Heizmann B., Bohnke P. Migrant poverty and social capital: The impact of intra- and interethnic contacts // Research in Social Stratification and Mobility. 2016. Vol. 46. P. 73–85. DOI:10.1016/j.rssm.2016.08.006
13. Helliwell J., Putnam R. Economic growth and social capital in Italy // Eastern Economic Journ. 1995. Vol. 21. № 3. P. 295–307. DOI: 10.3386/w5470
14. Iosifides T., Lavrentiadou M., Petracou E., Kontis A. Forms of social capital and the incorporation of Albanian immigrants in Greece // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2007. Vol. 33. P. 1343–1361. DOI:10.1080/13691830701614247

1. Volkova N.V., Chiker V.A., Pochebut L.G. Razlichiya pokolenii v konsolidatsii sotsial'nogo kapitala: organizatsionnyi i subkul'turnyi aspekty [Generational differences in the consolidation of social capital: organizational and subcultural aspects]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019, no. 2, pp. 127–145. DOI:10.17759/sps.2019100210 (In Russ.).
2. Lebedeva, N. M., Tatarko, A. N., Berry, J. Sotsial'no-psikhologicheskie osnovy mul'tikul'turalizma: proverka gipotez o mezhkul'turnom vzaimodeystvii v rossiyskom kontekste [Socio-psychological foundations of multiculturalism: testing hypotheses about intercultural interaction in the Russian context]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2016, no. 2, pp. 92–104. (In Russ.).
3. Mararitsa L.V., Kazantseva T.V., Pochebut L.G., Svetsitskiy A.L. Vklad lichnosti v sotsial'nyy kapital gruppy: struktura al'truisticheskogo investirovaniya [The contribution of the individual to the social capital of the group: the structure of altruistic investment]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018, no. 1, pp. 43–66. DOI:10.17759/sps.2018090104 (In Russ.).
4. Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M., Plotka I.D. Mnozhestvennye identichnosti, akkul'turatsiya i adaptatsiya russkikh v Latvii i Gruzii [Multiple identities, acculturation and adaptation of Russians in Latvia and Georgia] *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019, no. 2, pp. 54–64. DOI:10.17759/chp.2019150206 (In Russ.).
5. Tatarko A.N. Proverka gipotezy integratsii na primere Dagestana: mediativnaya rol' sotsial'nogo kapitala [Testing Integration Hypotheses in Dagestan: The Meditative Role of Individual Social Capital]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2017, no. 4, pp. 28–39. DOI: 10.17759/chp.2017130403 (In Russ.).
6. Bian, Y., Miao, X., Lu, X., Ma, X., Guo, X. The emergence of a COVID-19 related social capital: the case of China. *International Journal of Sociology*, 2020. Vol. 50. no. 5. P. 419–433. DOI: 10.1080/00207659.2020.1802141
7. Bourdieu P. The forms of capital. In J. G. Richardson (Ed.). *Handbook of theory and research for the sociology of education*. New York, NY: Greenwood Press, 1986. pp. 241–258.
8. Brewer, M. B., Gardner, W. Who is this “We”? Levels of collective identity and self representations. *Journal of personality and social psychology*, 1996. Vol. 71. no. 1. pp. 83–93. DOI: 10.1037/0022-3514.71.1.83
9. Campbell, C., McLean, C. Ethnic identities, social capital and health inequalities: factors shaping African-Caribbean participation in local community networks in the UK. *Social science & medicine*, 2002. Vol. 55. no. 4. pp. 643–657. DOI:10.1353/sais.2002.0009
10. Dowley, K.M., Silver, B.D. Social capital, ethnicity and support for democracy in the post-communist states. *Europe-Asia Studies*, 2002. Vol. 54. no.4. pp. 505–527. DOI: 10.1080/09668130220139145
11. Fukuyama, F. Social capital and development: The coming agenda. *SAIS Review*. 2002. Vol. 22. pp. 23–37. DOI: 10.1353/sais.2002.0009
12. Heizmann B., Bohnke P. Migrant poverty and social capital: The impact of intra- and interethnic contact. *Research*

15. Jun H.J., Ha S.K. Social capital and assimilation of migrant workers and foreign wives in South Korea: The case of Wongok community // *Habitat International*. 2015. Vol. 47. P. 126–135. DOI:10.1016/j.habitatint.2015.01.013
16. Kawachi, I. Social capital and health // *Handbook of medical sociology* / C.E. Bird, P. Conrad, A.M. Fremont, S. Timmermans (Eds.). Nashville, TN: Vanderbilt University Press, 2010. P. 18–32.
17. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112. № 4. P. 1251–1288. DOI: 10.1162/00335530055547
18. Kramer R.M. Social identity and social capital: The collective self at work // *International Public Management Journal*. 2006. Vol. 9 № 1. P. 25–45. DOI: 10.1080/10967490600625316
19. Lin N. *Social capital: A theory of social structure and action*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2001. 278 p. DOI: 10.1017/CBO9780511815447
20. Makridis C.A., Wu C. How social capital helps communities weather the COVID-19 pandemic // *PloS one*. 2021. Vol. 16. № 1. e0245135. DOI: 10.1371/journal.pone.0245135
21. Putnam R.D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p. DOI:10.1145/358916.361990
22. Putnam R.D. Social capital measurements and consequences // *Canadian Journal of Policy Research*. 2001. Vol. 2. P. 41–51.
23. Sapsford R., Abbott P., Haerpfer C., Wallace C. Trust in post-Soviet countries, ten years on // *European Politics and Society*. 2015 Vol. 16 № 4. P. 523–539. DOI: 10.1080/23745118.2015.1039286
24. Verhaeghe P., Tampubolon G. Individual social capital, neighbourhood deprivation, and self-rated health in England // *Social Science and Medicine*. 2012. Vol. 75. P. 349–357. DOI:10.1016/j.socscimed.2012. 02.057
13. Helliwell J., Putnam R. Economic growth and social capital in Italy. *Eastern Economic Journal*, 1995. Vol. 21. no. 3. pp. 295–307. DOI: 10.3386/w5470
14. Iosifides, T., Lavrentiadou, M., Petracou, E., Kontis, A. Forms of social capital and the incorporation of Albanian immigrants in Greece. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2007. Vol. 33. pp. 1343–1361. DOI:10.1080/13691830701614247
15. Jun H. J., Ha S. K. Social capital and assimilation of migrant workers and foreign wives in South Korea: The case of Wongok community. *Habitat International*, 2015. Vol. 47. pp. 126–135. doi:10.1016/j.habitatint.2015.01.013
16. Kawachi, I. Social capital and health. In C.E. Bird, P. Conrad, A.M. Fremont, S. Timmermans (Eds.). *Handbook of medical sociology Nashville*. TN: Vanderbilt University Press, 2010. pp. 18–32.
17. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 1997. Vol. 112. no. 4, pp. 1251–1288. DOI: 10.1162/00335530055547
18. Kramer, R.M. Social identity and social capital: The collective self at work. *International Public Management Journal*, 2006. Vol. 9, no. 1, pp. 25–45. DOI: 10.1080/10967490600625316
19. Lin, N. *Social capital: A theory of social structure and action*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2001. 278 p. DOI: 10.1017/CBO9780511815447
20. Makridis, C.A., Wu, C. How social capital helps communities weather the COVID-19 pandemic. *PloSone*, 2021. Vol. 1, no. 1. e0245135. DOI: 10.1371/journal.pone.0245135
21. Putnam R.D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p. DOI:10.1145/358916.361990
22. Putnam, R.D. Social capital measurements and consequences. *Canadian Journal of Policy Research*, 2001. Vol. 2, pp. 41–51.
23. Sapsford, R., Abbott, P., Haerpfer, C., Wallace, C. Trust in post-Soviet countries, ten years on. *European Politics and Society*, 2015 Vol. 16, no. 4, pp. 523–539. DOI: 10.1080/23745118.2015.1039286
24. Verhaeghe, P., Tampubolon, G. Individual social capital, neighbourhood deprivation, and self-rated health in England. *Social Science and Medicine*, 2012. Vol. 75, pp. 349–357. DOI:10.1016/j.socscimed.2012. 02.057

Информация об авторах

Татарко Александр Николаевич, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: atatarko@hse.ru

Чуйкина Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Таллинский университет, г. Таллин, Эстонская Республика, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0362-1457>, e-mail: natalia.tshuikina@tlu.ee

Information about the authors

Alexander N. Tatarko, Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, Chief Researcher, Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, (HSE), Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: atatarko@hse.ru

Natalia V. Tshuikina, PhD, Senior Lecturer, School of Humanities, Tallinn University, Tallinn, Estonian Republic, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0362-1457>, e-mail: natalia.tshuikina@tlu.ee

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021

Взаимосвязь социального капитала и аккультурационных ожиданий эстонцев в Эстонии: воспринимаемая угроза как медиатор

Г.Я. Родионов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1113-1810>, e-mail: grodionov@hse.ru

Настоящее исследование посвящено изучению медиативной роли воспринимаемой угрозы со стороны других этнических групп во взаимосвязи социального капитала и аккультурационных ожиданий принимающего населения. В соответствии с теорией Уолтера и Куки Стефанов, в статье рассматривалось три вида воспринимаемой угрозы: экономическая, культурная и физическая. Выборка состоит из этнических эстонцев, родившихся и проживающих на территории Эстонии (N=309). В исследовании проверялось, каким образом воспринимаемая угроза влияет на взаимосвязи показателей социального капитала (общее доверие, этническая толерантность, связывающий и соединяющий социальный капитал) и аккультурационных ожиданий («мультикультурализм», «плави́льный котел», «сегрегация»). Результаты показали, что физическая воспринимаемая угроза оказалась медиатором связи этнической толерантности и «мультикультурализма». С ростом физической угрозы, предпочтение «мультикультурализма» снижалось. Экономическая угроза оказалась медиатором взаимосвязи общего доверия и «сегрегации», а также соединяющего социального капитала и «сегрегации». В этих двух случаях экономическая угроза увеличивала вероятность предпочтения «сегрегации» принимающим населением. Медиативная роль культурной угрозы в настоящем исследовании не подтвердилась.

Ключевые слова: воспринимаемая угроза, аккультурационные ожидания, связывающий социальный капитал, соединяющий социальный капитал, доверие, этническая толерантность, Эстония.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268.

Для цитаты: Родионов Г.Я. Взаимосвязь социального капитала и аккультурационных ожиданий эстонцев в Эстонии: воспринимаемая угроза как медиатор // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 74–82. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170408>

The Relationship Between Social Capital and Acculturation Expectations of Estonians in Estonia: Perceived Threat as a Mediator

Germogen Y. Rodionov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1113-1810>, e-mail: grodionov@hse.ru

This study examines the mediating role of perceived threat from other ethnic groups in the relationship between social capital and acculturation expectations of the host population. Consistent with Stephans' theory, the article examined the impact of three types of perceived threat: economic, cultural, and physical. The sample consists of ethnic Estonians born and living in Estonia (N = 309). The study examined how the perceived threat affects the relationship between social capital indicators (general trust, ethnic tolerance, binding and uniting social capital) and acculturation expectations ("multiculturalism", "melting pot", "seg-

regation”). The results showed that physical perceived threat was a mediator of the relationship between ethnic tolerance and “multiculturalism”. With the increase in physical threat, the preference for “multiculturalism” decreased. Economic threat has been shown to mediate the relationship between general trust and “segregation”, as well as connecting social capital and “segregation”. In these two cases, the economic threat increased the likelihood of a preference for “segregation” by the host population. The mediative role of cultural threat was not confirmed in the present study.

Keywords: perceived threat, acculturation expectations, bonding social capital, bridging social capital, trust, ethnic tolerance, Estonia

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RCF), project number 20-18-00268.

For citation: Rodionov G.Ya. The Relationship Between Social Capital and Acculturation Expectations of Estonians in Estonia: Perceived Threat as a Mediator. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 74–82. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170408> (In Russ.).

Введение

В период с 1918 по 1940 год Эстония являлась преимущественно этнически однородным государством, где 88% населения составляли эстонцы. С 1945 по 1989 год коренное население Эстонии сократилось с 1 миллиона до 965 тысяч человек, в то время как неэстонское население выросло с 23 до 602 тысяч человек в 1989 году [23]. На начало 2020 года в Эстонии проживает 1 328 976 человек, из которых 68,4% составляет эстонское население, а 24,7% являются русскими [1].

В советский период миграционная политика советского государства подразумевала миграцию русскоязычного населения на территорию Эстонии. После распада СССР и обретения независимости миграционная политика Эстонии претерпела некоторые изменения. Если до этого ориентация государства была на русскоязычное население, то теперь целью государства стало, в первую очередь, развитие эстонской нации. Смена вектора развития государства породила множество социокультурных и психологических проблем различных этнических групп, что привело к разработке особой интеграционной политики, которая действует и развивается по сей день [22]. Однако в настоящее время у русскоязычного населения сохраняются проблемы в аккультурации и отношениях с эстонским населением.

Один из факторов, влияющих на процесс аккультурации, — социальный капитал, который является социальным ресурсом для продуктивных внутригрупповых и межгрупповых отношений. Было выявлено, что социальный капитал может влиять как на аккультурационные стратегии этнических меньшинств или мигрантов, так и на аккультурационные ожидания принимающего населения [5; 10].

Согласно У. Стефан и К. Стефан [19], существует такое понятие, как интегральная воспринимаемая угроза, которая является одним из важных предикторов отношения к другой этнической группе. Авторы выделяют 3 вида воспринимаемой угрозы: экономическую, культурную и физическую.

В данном исследовании планируется изучить, каким образом воспринимаемая угроза взаимодействует

с социальным капиталом при объяснении аккультурационных ожиданий принимающего населения.

Социальный капитал и аккультурационные ожидания

Согласно Р. Патнэму, социальный капитал — это «... традиции социального взаимодействия, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми, широкое распространение различного рода добровольных ассоциаций и вовлечение граждан в политику ради решения стоящих перед сообществом проблем» [3, с. 224]. При этом социальный капитал может рассматриваться на групповом и на индивидуальном уровне. На групповом уровне Р. Патнэм предполагает, что социальный капитал определяется такими показателями, как доверие и социальные связи внутри организации [18]. При этом одним из важных факторов, который влияет на внутригрупповую сплоченность и межгрупповые отношения, является этническое разнообразие [там же].

Социальный капитал на социетальном уровне общества делится на соединяющий и связывающий социальный капитал [17]. Соединяющий социальный капитал измеряет степень и качество взаимодействия с представителями других групп. Связывающий социальный капитал определяет, каким образом человек взаимодействует с членами социальной группы, к которой он сам принадлежит. В дальнейшем различные исследователи стали использовать данное деление для измерения индивидуального уровня социального капитала [20].

Аккультурационные ожидания, согласно Дж. Берри, делятся на 4 основных типа: «мультикультурализм», «плавильный котел», «сегрегация» и «исключение» [7]. Данные аккультурационные ожидания различаются по двум основным компонентам: 1) поиск путей взаимодействия со своей или с другой группой; 2) сохранение культурных традиций и идентичности своей группы или следование традициям другой группы. Схематично данные аккультурационные ожидания изображены на рис. 1.

«Мультикультурализм» предполагает, что этническое меньшинство будет жить в мультикультурной среде, сохраняя свою культуру и идентичность, но активно взаимодействуя с другой группой. «Плавильный котел» означает, что этническое меньшинство ассимилируется с принимающим населением, перенимая местную культуру, отказываясь от своей культуры. «Сегрегация» означает, что этническое меньшинство сохраняет свою культуру, но активно не контактирует с принимающим населением. Также существует четвертый тип, именуемый «исключение», который предполагает, что люди отказываются как от своей культуры, так и от взаимодействия с другой этнической группой, изолируясь от обоих сообществ. Данный тип является наименее популярным, так как он, по сути, не предполагает никакой как аккультурации, так и нормальной жизни в обществе.

Роль воспринимаемой угрозы в процессах аккультурации

Отношение к этническим меньшинствам может формироваться как в позитивном, так и в негативном ключе. Согласно теории интегральной угрозы У. Стефан и К. Стефан [19], угроза со стороны других групп может быть как реальной, так и воспринимаемой. При этом воспринимаемая угроза делится на 3 вида: экономическая, культурная и физическая. Культурная угроза описывает угрозу ценностям и традициям группы, экономическая угроза — экономике страны, рынку труда и другим экономическим ресурсам, а физическая угроза — жизни, здоровью и физическому благополучию.

Согласно теории межгруппового конфликта [13], основаниями для межгрупповой напряженности мо-

гут быть как экономические причины, так и различия в культуре. Принимающее население может видеть в этнических меньшинствах угрозу своим культурным традициям и ценностям, а также видеть в них конкурентов за рабочие места. В этом случае может наблюдаться стремление ограничить права и свободу другой группы, что только увеличивает межгрупповую напряженность. Исследования К. Маневска [11] показали, что авторитаризм в контексте ограничения свободы другой группы имеет чаще причины, связанные с культурой, а не с экономической составляющей. Согласно теории этнической конкуренции, принимающая группа может считать представителей другой группы прямыми конкурентами за рабочие места, что ведет к стремлению исключить другую группу из этой борьбы [14]. Также может наблюдаться физическая угроза по отношению к представителям других этнических групп. В этой ситуации огромную роль играют СМИ, которые могут описывать негативный опыт взаимодействия с данной группой. В этом случае люди часто переоценивают размер группы, в особенности если ее представители мигрируют большими группами. Это может привести к увеличению уровня межгрупповой напряженности и развитию негативных установок в отношении другой группы [8; 24].

Согласно гипотезе контакта, положительный опыт взаимодействия с другой группой может вести к снижению межгрупповой напряженности [6; 16]. Согласно данной гипотезе и дальнейшим исследованиям Т. Петтигрю, при условии личного взаимодействия некоторые стереотипы относительно чужой группы могут видоизменяться в лучшую сторону. Однако стоит заметить, что если при личном общении некоторые стереотипы подтверждаются, то негативные установки могут усугубиться. В особенности это может касаться экономической угрозы, так как, согласно теории этнической конкуренции [14], в дан-

Рис. 1. Аккультурационные стратегии этнических меньшинств и аккультурационные ожидания принимающего населения по классификации Джона Берри [приводится по: 7]

ном случае личное взаимодействие может привести, наоборот, к увеличению уровня межгрупповой напряженности.

В исследовании планируется выяснить, каким образом уровень воспринимаемой угрозы со стороны других этнических групп соотносится с характером взаимосвязи показателей социального капитала и аккультурационных ожиданий принимающего населения.

Методика

В исследовании приняли участие 309 человек от 18 до 86 лет, родившихся и проживающих в Эстонии, относящих себя по этническому признаку к эстонцам. Среди них 163 человека — мужчины и 146 — женщины, медиана по возрасту — 17,57.

Исследование проводилось методом социально-психологического опроса. Всем участникам предлагалось ответить на ряд вопросов, которые входили в следующие виды шкал: 1) социальный капитал на групповом уровне; 2) социальный капитал на индивидуальном уровне; 3) воспринимаемая угроза со стороны этнических меньшинств; 4) аккультурационные ожидания принимающего населения. Во всех случаях респондентам предлагалось оценить степень согласия с различными утверждениями по шкале от 1 до 5, где 1 означало «абсолютно не согласен», 5 — «абсолютно согласен».

1. Социальный капитал на групповом уровне. В данном случае использовались шкалы оценки общего доверия [25] и оценки этнической толерантности [9], которые были ранее апробированы в России [4]. Шкала общего доверия состояла из двух вопросов ($\alpha=0,82$), шкала этнической толерантности включала 6 вопросов ($\alpha=0,77$).

2. Социальный капитал на индивидуальном уровне. Здесь были использованы 2 шкалы [11; 21], включающие по 9 вопросов, оценивающие уровень связывающего ($\alpha=0,92$) и соединяющего ($\alpha=0,95$) социального капитала, апробированные ранее в России [4].

3. Интегральная воспринимаемая угроза со стороны этнических меньшинств. Для оценки данной шкалы использовался опросник MIRIPS Berry, ранее адаптированный в России [2]. Для оценки воспринимаемой угрозы использовались 6 вопросов шкалы воспринимаемой безопасности, перекодированной в шкалу воспринимаемой угрозы. Каждый вид воспринимаемой угрозы (культурной ($\alpha=0,53$), экономической ($\alpha=0,51$), физической ($\alpha=0,63$)) оценивался при помощи двух утверждений.

4. Аккультурационные ожидания принимающего населения. Для изучения данных показателей использовалась шкала MIRIPS Berry, ранее адаптированная в России [2]. Респондентам предлагалось ответить на 4 вопроса для оценки каждого из трех видов аккультурационных ожиданий: мультикультурализма ($\alpha=0,58$), плавильного котла ($\alpha=0,60$), сегрегации ($\alpha=0,54$).

Для проверки медиативной роли воспринимаемой угрозы использовался регрессионный анализ с

дополнительной проверкой медиации в SPSS с помощью внешнего модуля Process 3,5.

Результаты исследования

Дескриптивные статистики. В табл. 1 представлены средние значения по шкалам, используемым в исследовании. Среди показателей социального капитала на групповом уровне мы видим, что на высоком уровне находится уровень этнической толерантности, тогда как уровень общего доверия находится на среднем уровне. Таким образом, можно сказать, что эстонцы толерантно относятся к другим этническим группам, при этом уровень доверия к другим людям не является сильно выраженным, как в положительную, так и в отрицательную сторону. На индивидуальном уровне соединяющий и связывающий социальный капитал находятся на низком уровне, однако уровень связывающего социального капитала немного выше. Это говорит о том, что частота и качество социальных связей в отношениях со своей группой выше, чем в отношениях с русскими.

Мы видим, что уровень культурной и физической угрозы находится на низком уровне, при этом уровень экономической угрозы гораздо более выражен. Таким образом, можно сказать, что эстонцы не очень сильно воспринимают угрозу своей культуре и физической безопасности со стороны других этнических групп. При этом они в большей степени видят угрозу экономике страны и рынку труда.

Из трех видов аккультурационных ожиданий наиболее предпочитаемым является мультикультурализм. Плавильный котел и сегрегация предпочитают в меньшей степени. Таким образом, согласно данной таблице, можно предположить, что эстонцы предпочитают жить в мультикультурном обществе с другими этническими группами. Жизнь в едином обществе, когда другая группа ассимилируется, либо в параллельном обществе, когда другая группа живет отдельно, является менее предпочитаемой для эстонцев.

Медиативная роль воспринимаемой угрозы. Далее был проведен регрессионный анализ, где проверялась медиативная роль воспринимаемой угрозы по отношению к взаимосвязи между показателями социального капитала и аккультурационными ожиданиями. Базовая схема данного анализа представлена на рис. 2.

Из табл. 2 мы можем увидеть, что из четырех компонентов социального капитала только этническая толерантность имеет статистически значимые связи с «мультикультурализмом». Этническая толерантность имеет положительную прямую взаимосвязь с «мультикультурализмом». При этом воспринимаемая физическая угроза оказывает отрицательное влияние на взаимосвязь этнической толерантности и «мультикультурализма». Таким образом, можно сказать, что чем в большей степени эстонцы являются толерантными к другим этническим группам, тем в большей степени проявляется предпочтение «муль-

Описание средних значений используемых переменных у эстонцев в Эстонии

Переменная	Эстонцы (309 человек)	
	Средние	Стандартное отклонение
Общее доверие	2,97	,86
Этническая толерантность	3,89	,77
Соединяющий социальный капитал	1,47	,60
Связывающий социальный капитал	2,29	,68
Культурная угроза	2,08	,97
Экономическая угроза	3,22	1,05
Физическая угроза	1,68	,77
Мультикультурализм	4,51	,58
Плавильный котел	2,14	,77
Сегрегация	2,10	,61

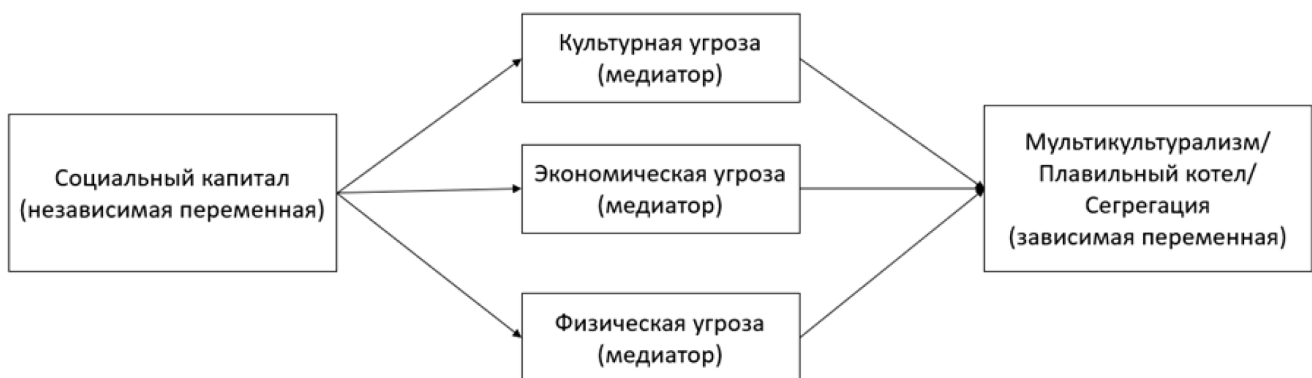

Рис. 2. Графическое представление тестируемой модели исследования

тикультурализма». При этом, в случае если эстонцы видят в другой этнической группе угрозу жизни и здоровью, они в меньшей степени будут готовы жить в мультикультурном обществе с данной группой. Медиативная роль экономической и культурной угрозы в данном случае не подтверждается.

Результаты, представленные в табл. 3, показывают, что прямая взаимосвязь с «плавильным котлом» прослеживается у этнической толерантности и у связывающего социального капитала. При этом характер данной связи является различным: этническая толерантность имеет отрицательное влияние на выбор «плавильного котла», а связывающий социальный капитал — положительное. Также мы видим, что отсутствует прямое влияние воспринимаемой угрозы во всех четырех случаях. Таким образом, можно сказать, что при высоком уровне толерантности эстонцев к другим этническим группам желание поглотить другую этническую группу в свое общество снижается. Чем выше уровень социального взаимодействия со своей этнической группой, тем в большей степени проявляется желание и готовность эстонцев принять другую группу в свое общество в случае, если другая группа отказывается от своей культуры и готова перенимать местную. Данная ситуация кажется довольно интересной, так как заявленный уровень мультикультурализма (4,51) гораздо выше, чем уровень плавильного котла (2,10) (см. табл. 1). В случае высокой

толерантности эстонцы готовы и к жизни в мультикультурном обществе, и к принятию другой группы в свое общество с учетом принятия местной культуры. Однако в случае высокого уровня разветвленности социальных связей внутри общества происходит предпочтение поглощения другой группы в свое общество. Связь с мультикультурализмом в данной ситуации не прослеживается. Также стоит отметить, что медиативная роль воспринимаемой угрозы не прослеживается.

Наконец, в табл. 4 мы можем увидеть, что соединяющий социальный капитал и общее доверие оказывают положительное прямое воздействие на предпочтение «сегрегации». При этом в обоих случаях, воспринимаемая экономическая угроза ведет к увеличению вероятности предпочтения данной стратегии. Данные результаты оказываются крайне необычными. Иными словами, чем выше частота и качество взаимодействия эстонцев с другой группой, тем в большей степени эстонцы ждут, что другая группа предпочтет не сближаться с местным сообществом, а жить параллельно в своем обществе. При этом если эстонцы видят угрозы своему рынку труда и экономике страны, они еще в большей степени готовы отделяться от другого сообщества. Такая же ситуация наблюдается в случае, если предиктором выступает общее доверие. Уровень экономической угрозы также способствует тому, что вероятность выбора «сегрегации» увеличивается. При этом прямого влияния

Таблица 2

Медиативная роль воспринимаемой угрозы по отношению к взаимосвязи капитала и аккультурационного ожидания «мультикультурализм»

Виды эффектов	Мультикультурализм (зависимая переменная)			
	Независимые переменные			
	Общее доверие	Этническая толерантность	Соединяющий социальный капитал	Связывающий социальный капитал
Прямой	-,033	,199***	,016	-,068
Непрямой (культурная угроза – медиатор)	-,001	,011	,014	,022
Непрямой (экономическая угроза – медиатор)	-,017	,017	-,037	,002
Непрямой (физическая угроза – медиатор)	,011	-,019***	,007	,008
Общий	-,040	,208***	-,001	-,037
F	1,07	26,00***	,00	,56
R ²	,00	,08	,00	,00

Примечание: «*» – p < 0,05; «**» – p < 0,01; «***» – p < 0,001.

Таблица 3

Медиативная роль воспринимаемой угрозы по отношению к взаимосвязи капитала и аккультурационного ожидания «плавильный котел»

Виды эффектов	Плавильный котел (зависимая переменная)			
	Независимые переменные			
	Общее доверие	Этническая толерантность	Соединяющий социальный капитал	Связывающий социальный капитал
Прямой	-,023	-,20***	,052	,22***
Непрямой (культурная угроза – медиатор)	,000	,000	-,004	-,009
Непрямой (экономическая угроза – медиатор)	,018	-,012	,035	-,002
Непрямой (физическая угроза – медиатор)	-,008	,012	-,007	-,008
Общий	-,012	-,20***	,076	,20**
F	,06	12,65***	1,07	9,78**
R ²	,00	,04	,00	,03

Примечание: «*» – p < 0,05; «**» – p < 0,01; «***» – p < 0,001.

Таблица 4

Медиативная роль воспринимаемой угрозы по отношению к взаимосвязи капитала и аккультурационного ожидания «сегрегация»

Виды эффектов	Сегрегация (зависимая переменная)			
	Независимые переменные			
	Общее доверие	Этническая толерантность	Соединяющий социальный капитал	Связывающий социальный капитал
Прямой	,079	-,053	,197***	-,001
Непрямой (культурная угроза – медиатор)	,000	-,002	-,002	-,004
Непрямой (экономическая угроза – медиатор)	,015*	-,012	,028***	-,002
Непрямой (физическая угроза – медиатор)	-,010	,011	-,007	-,006
Общий	,083*	-,056	,216***	-,013
F	4,46*	1,62	15,06***	,07
R ²	,01	,01	,05	,00

Примечание: «*» – p < 0,05; «**» – p < 0,01; «***» – p < 0,001.

уровня доверия у принимающего населения эстонцев на предпочтение «сегрегации» не наблюдается.

Обсуждение результатов исследования

По результатам исследования можно увидеть, что различные показатели социального капитала абсолютно по-разному предсказывают аккультурацион-

ные ожидания принимающего населения. Медиативная роль воспринимаемой угрозы действительно подтверждается, но не во всех случаях.

Общее доверие не имеет прямой положительной взаимосвязи ни с одним из аккультурационных ожиданий, однако уровень воспринимаемой угрозы положительно связан с предпочтением «сегрегации». Таким образом, мы видим, что общее доверие может предсказывать предпочтение «сегрегации» только

опосредованно через экономическую угрозу. Получается, что даже в случае высокого общего уровня доверия, если эстонцы считают, что другая этническая группа угрожает рынку труда и экономике страны, будет происходить отчуждение от другой группы.

Уровень этнической толерантности ведет к положительной взаимосвязи с «мультикультурализмом» и «плавильным котлом», двумя аккультурационными ожиданиями, которые направлены на включение другой этнической группы в общество, в отличие от «сегрегации». Однако уровень физической угрозы является медиатором, который снижает предпочтение «мультикультурализма». Таким образом, если эстонцы чувствуют угрозу жизни и здоровью, то этническая толерантность вносит меньший вклад в намерение жить в мультикультурной среде.

Уровень связывающего социального капитала показал исключительно прямую взаимосвязь с выбором «плавильного котла», воспринимаемая угроза в этом случае не сработала. Получается, чем лучше у эстонцев взаимоотношения с представителями своей группы, тем с большей вероятностью они готовы принять другую группу в свое общество при условии, что другая группа перенимает местную культуру. При этом качество взаимоотношений с другой группой никак не влияет на желание жить с другой группой в одном обществе.

Уровень соединяющего социального капитала имеет положительную взаимосвязь с «сегрегацией». При этом уровень экономической угрозы повышает вероятность выбора данного аккультурационного ожидания. Таким образом, мы видим, что взаимодействие с другой группой ведет не к принятию другой группы в свое общество на каких-либо основаниях, а к отчуждению от этой группы. Тот факт, что угроза экономике страны и рабочим местам лишь усиливает данное отчуждение, позволяет выдвинуть предположение, что именно высокий уровень экономической угрозы ведет к выбору стратегии отчуждения от другой группы. Согласно гипотезе контакта Олпорта [6], уровень межгрупповой напряженности,

по идее, должен снижаться в случае высокого уровня соединяющего социального капитала. В нашем же случае происходит обратная ситуация. Влияние экономической угрозы в данном случае может быть подтверждено теорией этнической конкуренции [14] и нормативной теорией межгрупповых отношений [15]. Согласно этим теориям, желание отделиться от другой группы может быть связано с тем, что рабочие ресурсы являются ограниченными, а представители других этнических групп воспринимаются прямыми конкурентами за данные ресурсы.

Заключение

Таким образом, мы видим, что экономическая угроза проявилась во взаимосвязи общего доверия и соединяющего социального капитала с сегрегацией. Физическая угроза оказывает негативное влияние только на взаимосвязь этнической толерантности и мультикультурализма. Медиативная роль культурной угрозы не нашла эмпирического подтверждения в нашем случае, из чего можно сделать вывод, что культурная угроза в меньшей степени связана с аккультурационными предпочтениями эстонцев.

Мы можем видеть, что воспринимаемая угроза со стороны другой этнической группы является одним из важных факторов, который может довольно серьезно влиять на аккультурационные ожидания принимающего населения и на последующую аккультурацию этнического меньшинства. При этом разные виды угрозы по-разному могут влиять на аккультурационный процесс. Результаты данного исследования могут быть полезны для развития государственной миграционной политики Эстонии в отношении взаимной аккультурации принимающего населения и этнических меньшинств.

Впоследствии планируется сравнить, какую роль воспринимаемая угроза играет в различных контекстах: со стороны мигрантов и со стороны этнических меньшинств.

Литература

1. Департамент статистики Эстонии [электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.ee/et/avasta-statistikat/valdkonnad/rahvastik/rahvaarv> (дата обращения: 30.05.2021).
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Сравнительный анализ стратегий взаимодействия мигрантов и населения России в Москве и Ставропольском крае // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009. С. 336–375.
3. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. 288 с.
4. Татарко А.Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Институт Психологии РАН, 2014. 384 с.
5. Татарко А.Н., Лепишкова З. Х., Дубров Д.И. и др. Социально-психологический капитал личности и

References

1. Statistics Estonia [electronic resource]. URL: <https://www.stat.ee/et/avasta-statistikat/valdkonnad/rahvastik/rahvaarv> (accessed 30.05.2021).
2. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Sravnitel'nyi analiz strategii vzaimodeistviya migrantov i naseleniya Rossii v Moskve i Stavropol'skom krae [Comparative analysis of the strategies of interaction between migrants and the population of Russia in Moscow and the Stavropol Territory] *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya migrantov i primimayushchego naseleniya = Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population*. Moscow: RUDN, 2009. Pp. 336–375. (In Russ.).
3. Putnam R. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. Chtoby demokratiya srobotala. Grazhdanskiye traditsii v sovremennoy Italii [For democracy to work. Civil traditions in modern Italy]. Moscow, 1996. 288 p.

аккультурационные ожидания (на примере жителей Москвы) // *Общественные науки и современность*. 2018. № 4. С. 76–88.

6. Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1954.

7. Berry J.W. *Contexts of Acculturation // Immigrant Youth in Cultural Transition / J.W. Berry, L.S. Phinney, D.L. Sam, P.M. Vedder (Eds.)*. N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 27–42.

8. Cao C., Meng Q. Chinese university students' mediated contact and global competence: Moderation of direct contact and mediation of intergroup anxiety // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. Vol. 72. P. 58–68. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.03.002

9. Florack A., Bless H., Piontkowski U. When do people accept cultural diversity? // *International Journal of Intercultural Relations*. 2003. Vol. 27 № 6. P. 627–640. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2003.08.003

10. Jun H. J., Ha S. K. Social capital and assimilation of migrant workers and foreign wives in South Korea: The case of Wongok community // *Habitat International*. 2015. Vol. 47. P. 126–135. DOI: 10.1016/j.habitatint.2015.01.013

11. Häuberer J. *Social Capital Theory: Towards a Methodological Foundation*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. 330 p.

12. Manevska K., Achterberg P. Immigration and Perceived Ethnic Threat: Cultural Capital and Economic Explanations // *European Sociological Review*. 2013. Vol. 29. № 3. P. 437–449.

13. Meuleman B., Davidov E., Billiet J. Changing attitudes toward immigration in Europe, 2002–2007: a dynamic group conflict theory approach // *Social Science Research*. 2009. Vol. 38. P. 352–365. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2008.09.006

14. Olzak S. *The Dynamics of Ethnic Competition and Conflict*. Stanford: Stanford University Press, 1992. 288 p.

15. Pettigrew, T. Normative theory in intergroup relations: Explaining both harmony and conflict // *Psychology and Developing Societies*. 1991. Vol. 3 № 1. P. 3–16. DOI: 10.1177/097133369100300102

16. Pettigrew T.F. Intergroup contact theory // *Annual Review of Psychology*. 1998. Vol. 49. P. 65–86.

17. Putnam, R.D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon and Schuster. 2000.

18. Putnam R.D. E Pluribus Unum: diversity and community in the twenty-first century. The 2006 Johan Skytte prize lecture // *Scandinavian Political Studies*. 2007. Vol. 30. № 2. P. 137–174. DOI: 10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x

19. Stephan W.G., Stephan C.W. *An Integrated Threat Theory of Prejudice // S. Oscanp (Eds.)*. Hillside, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000. P. 225–246.

20. Tatarko A.N., Berry J.W., Choi K. Social capital, acculturation attitudes, and sociocultural adaptation of migrants from central Asian republics and South Korea in Russia // *Asian Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 43. № 3. P. 302–312.

21. Van Der Gaag M.P.J. *Measurement of individual social capital [Электронный ресурс]*. PhD Thesis. University of Groningen, 2005. URL: <http://irs.ub.rug.nl/ppn/275106985> (дата обращения 15.08.2021).

22. Vetik R., Helemae J. *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve: The TIES Study in Estonia*. Amsterdam University Press, 2011. 250 p.

23. Vetik R. *Ethnic Conflict and Accommodation in Post-Communist Estonia // Journal of Peace Research*. 1993. Vol. 30. № 4. P. 271–280.

24. Yakobov E., Jurchik T., Solopieieva-Jurcikova I. et al. *Expectations and acculturation: Further unpacking*

4. Tatarko A.N. *Sotsial'no-psikhologicheskii kapital lichnosti v polikul'turnom obshchestve [Socio-psychological capital of the individual in a multicultural society]*. Moscow: Institut Psikhologii Rossiiskoi Akademii Nauk [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences], 2014. 384 p.

5. Tatarko A.N., Lepshokova Z.K., Dubrov D.I. et al. *Sotsial'no-psikhologicheskii kapital lichnosti i akkul'turatsionnye ozhidaniya (na primere zhitelei Moskvy) [Socio-psychological capital of the individual and acculturation expectations (on the example of Moscow residents)]*. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*, 2018. No. 4., pp. 76–88.

6. Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1954.

7. Berry J.W. *Contexts of Acculturation. Immigrant Youth in Cultural Transition*. Berry J.W., Phinney L.S., Sam D.L., Vedder P. M. (Eds.) N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. Pp. 27–42.

8. Cao C., Meng Q. Chinese university students' mediated contact and global competence: Moderation of direct contact and mediation of intergroup anxiety. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020. Vol. 72, pp. 58–68. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.03.002

9. Florack A., Bless H., Piontkowski U. When do people accept cultural diversity? *International Journal of Intercultural Relations*, 2003. Vol. 27, no. 6, pp. 627–640. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2003.08.003

10. Jun H. J., Ha S.K. Social capital and assimilation of migrant workers and foreign wives in South Korea: The case of Wongok community. *Habitat International*, 2015. Vol. 47, pp. 126–135. DOI: 10.1016/j.habitatint.2015.01.013

11. Häuberer J. *Social Capital Theory: Towards a Methodological Foundation*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. 330 p.

12. Manevska K., Achterberg P. Immigration and Perceived Ethnic Threat: Cultural Capital and Economic Explanations. *European Sociological Review*, 2013. Vol. 29, no. 3, pp. 437–449.

13. Meuleman B., Davidov E., Billiet J. Changing attitudes toward immigration in Europe, 2002–2007: a dynamic group conflict theory approach. *Social Science Research*, 2009. Vol. 38, pp. 352–365. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2008.09.006

14. Olzak S. *The Dynamics of Ethnic Competition and Conflict*. Stanford: Stanford University Press, 1992. 288 p.

15. Pettigrew, T. Normative theory in intergroup relations: Explaining both harmony and conflict. *Psychology and Developing Societies*, 1991. Vol. 3 no. 1, pp. 3–16. DOI: 10.1177/097133369100300102

16. Pettigrew T.F. Intergroup contact theory. *Annual Review of Psychology*, 1998. Vol. 49, pp. 65–86.

17. Putnam, R.D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon and Schuster. 2000.

18. Putnam R.D. E Pluribus Unum: diversity and community in the twenty-first century. The 2006 Johan Skytte prize lecture. *Scandinavian Political Studies*, 2007. Vol. 30, no. 2, pp. 137–174. DOI: 10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x

19. Stephan W.G., Stephan C.W. *An Integrated Threat Theory of Prejudice*. S. Oscanp (Eds.). Hillside, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000. Pp. 225–246.

20. Tatarko A.N., Berry J.W., Choi K. Social capital, acculturation attitudes, and sociocultural adaptation of migrants from central Asian republics and South Korea in Russia. *Asian Journal of Social Psychology*, 2020. Vol. 43, no. 3, pp. 302–312.

21. Van Der Gaag M.P.J. *Measurement of individual social capital*. PhD Thesis. University of Groningen, 2005. URL: <http://irs.ub.rug.nl/ppn/275106985>.

of adjustment mechanisms within the Russian-Speaking community in Montreal // *International Journal of Intercultural Relations*. 2019. Vol. 68. P. 67–76. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.11.001

25. Yamagishi T. Trust and Social Intelligence // *The evolutionary Game of Mind and Society*. Tokyo: Tokyo University Press. 1998. P. 107–171. DOI: 10.1007/978-4-431-53936-0

22. Vetik R., Helemäe J. The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve: The TIES Study in Estonia. Amsterdam University Press, 2011. 250 p.

23. Vetik R. Ethnic Conflict and Accommodation in Post-Communist Estonia. *Journal of Peace Research*, 1993. Vol. 30, no. 4, pp. 271–280.

24. Yakobov E., Jurchik T., Solopieieva-Jurcikova I. et al. Expectations and acculturation: Further unpacking of adjustment mechanisms within the Russian-Speaking community in Montreal. *International Journal of Intercultural Relations*, 2019. Vol. 68, pp. 67–76. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.11.001

25. Yamagishi T. Trust and Social Intelligence. *The evolutionary Game of Mind and Society*. Tokyo: Tokyo University Press, 1998. Pp. 107–171. DOI: 10.1007/978-4-431-53936-0

Информация об авторах

Родионов Гермоген Ярославович, аспирант, стажер-исследователь Центра социокультурных исследований психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1113-1810>, e-mail: grodionov@hse.ru

Information about the authors

Germogen Y. Rodionov, PhD Student, Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1113-1810>, e-mail: grodionov@hse.ru

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021

Роль локальной идентичности и воспринимаемого контекста в психологическом благополучии русских Эстонии

А.В. Трифонова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>, e-mail: avtrifonova@hse.ru

В статье анализируется взаимосвязь локальной идентичности и воспринимаемой инклюзивности контекста с психологическим благополучием русских в Эстонии ($N = 309$; $M = 37,46$; $SD = 16,56$). В качестве индикаторов инклюзивности контекста рассматриваются воспринимаемая дискриминация и воспринимаемый мультикультурализм, в качестве показателей психологического благополучия — самоуважение и удовлетворенность жизнью. В анкету исследования вошли шкалы из опросника MIRIPS, переведенные и адаптированные для использования в России Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко; шкала дескриптивных мультикультурных установок, разработанная сотрудниками ЦСКИ НИУ ВШЭ; шкала локальной идентичности Дроселтис и Вигнолес. Результаты структурного моделирования показывают, что локальная идентичность значимо позитивно связана с воспринимаемой инклюзивностью контекста. Воспринимаемая инклюзивность контекста положительно связана с самоуважением и удовлетворенностью жизнью. Индикаторы воспринимаемой инклюзивности контекста медируют взаимосвязь между локальной идентичностью и психологическим благополучием. Нами был также обнаружен прямой позитивный эффект локальной идентичности на удовлетворенность жизнью. Таким образом, локальная идентичность выполняет адаптивную функцию, способствуя более позитивному восприятию контекста аккультурации и повышая психологическое благополучие.

Ключевые слова: локальная идентичность, воспринимаемая инклюзивность контекста аккультурации, психологическое благополучие, русские, Эстония.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268.

Для цитаты: Трифонова А.В. Роль локальной идентичности и воспринимаемого контекста в психологическом благополучии русских Эстонии // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 83–91. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170409>

Role of Local Identity and Perceived Context in Psychological Well-Being of Russians in Estonia

Anastasia V. Trifonova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>, e-mail: avtrifonova@hse.ru

The present article focuses on the relationship between local identity, perceived inclusiveness of the sociocultural context and psychological well-being of the Russians in Estonia ($N = 309$; $M = 37,46$; $SD = 16,56$). Perceived discrimination and perceived multiculturalism are considered as indicators of inclusiveness of the context, and self-esteem and life satisfaction as indicators of psychological well-being. We used the scales from the MIRIPS questionnaire translated and adapted for Russia by N.M. Lebedeva and A.N. Tatarko, the scale of descriptive multicultural attitudes developed in the Center for Sociocultural Research of the HSE University, and the local identity scale of Droseltis and Vignoles. The results of struc-

tural equation modeling show that local identity significantly positively relates to perceived inclusiveness of the sociocultural context. Perceived inclusiveness of the context is positively related to self-esteem and life satisfaction. Indicators of perceived inclusiveness of the context mediate the relationship between local identity and psychological well-being. The study revealed direct positive effect of local identity on life satisfaction. Thus, local identity fulfills an adaptive function, contributing to a more positive perception of the context of acculturation and increasing psychological well-being.

Keywords: local identity, perceived inclusiveness of the acculturation context, psychological well-being, Russians, Estonia.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 20-18-00268.

For citation: Trifonova A.V. Role of Local Identity and Perceived Context in Psychological Well-Being of Russians in Estonia. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 83–91. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170409> (In Russ.).

Введение

Резкие глобальные перемены, связанные с распадом СССР, оказали серьезное влияние на социальную идентификацию и психологическое благополучие русских в бывших советских республиках. Характерным явлением раннего постсоветского периода стал кризис социальной идентичности, затронувший как этнический, так и гражданский компоненты их самовосприятия. Одной из психологических стратегий преодоления этого кризиса стало сближение с принимающей страной и формирование локальной идентичности, позволяющей чувствовать себя «на своем месте» и обеспечивающей восприятие страны проживания в качестве «настоящей» Родины [1]. В отличие от гражданской идентичности, на формирование которой значительное влияние оказывают особенности государственной политики в отношении меньшинств, локальная идентичность представляется идеологически более нейтральным и в психологическом плане более «безопасным» способом сохранения позитивной самобытности [4]. Для тех представителей русского этнического меньшинства, кто демонстрирует слабые или амбивалентные связи как со страной проживания, так и с исторической родиной, локальная идентичность может выступать в качестве альтернативы этнической и гражданской идентичностей, позволяя сохранить позитивное самовосприятие [27]. По мнению экспертов, именно локальная идентичность может играть ключевую роль в адаптации русских к изменившимся условиям бывших советских республик — прежде всего там, где особенности социокультурного контекста затрудняют формирование гражданской и сохранение этнической идентичностей. Компенсируя то гражданский, то этнический компонент социальной идентичности, локальная идентичность может оказывать положительное влияние на психологическое благополучие представителей русского этнического меньшинства и способствовать их успешной интеграции в принимающее общество [4].

Целью настоящего исследования стало изучение роли локальной идентичности в психологическом благополучии русских в Эстонии: способствует ли вы-

раженность локальной идентичности русских Эстонии их удовлетворенности жизнью? Какова роль воспринимаемого контекста во взаимосвязи локальной идентичности и психологического благополучия?

Социокультурный контекст исследования

После распада Советского Союза многие русские жители Эстонии приняли решение не возвращаться в Россию. Для многих из них Эстония стала родным домом, и они не были готовы покинуть его ради возвращения на историческую родину. Более того, за годы жизни в Эстонии многие из них заметно дистанцировались от русских, живущих в других странах постсоветского пространства. Еще в советский период многие русские жители Эстонии, Латвии и Литвы ощущали себя «балтийскими» русскими — по своим ценностям, образу жизни, поведенческим паттернам значительно отличающимися от русских, живущих в других республиках Советского Союза [28]. Важную роль в этом играла субъективно воспринимаемая близость к Западу и западной культуре [7]. Масштабные трансформации, связанные с распадом СССР, в значительной степени усилили это ощущение инаковости среди русских в Эстонии. Результаты эмпирических исследований показывают, что представители русской диаспоры в большей мере испытывают чувство общности с другими русскими, проживающими в Эстонии, и с представителями титульной нации, нежели с русскими в России [13; 28].

Таким образом, мы можем говорить о локализации этнической самоидентификации русских в Эстонии. В целом, исследования показывают, что локальная идентичность занимает важное место в самосознании русских жителей этой страны. Отвечая на вопрос о группах, с которыми они себя идентифицируют, 84% русских выбрали категорию «жителей Эстонии». Для сравнения, гражданами Эстонской республики определено ощущают себя 48% опрошенных [27].

Неготовность идентифицировать себя с гражданами Эстонии у некоторых представителей русской

диаспоры может быть обусловлена особенностями этнической политики эстонского государства. Драматические изменения этнического состава населения Эстонии, произошедшие в советские годы, предопределили стратегию нациестроительства в независимой республике [25]. Восприятие иноэтнического населения в качестве источника экзистенциальной угрозы подталкивало представителей этнического большинства к выбору доктрины этнической и языковой однородности, исключавшей из состава нации не-эстонцев [6]. После распада СССР гражданство Эстонии автоматически получили лишь около 120 тыс. русских (около 25%), чьи предки были гражданами первой Эстонской республики 1918–1940 гг. Все остальные русские жители страны для получения статуса гражданина должны были проходить процесс натурализации [26]. Эстонский язык объявлялся единственным официальным языком республики, а русский фактически приравнивался к иностранному [15]. Многие русские жители Эстонии считали этническую политику эстонского государства несправедливой и дискриминирующей. Зачастую это проявлялось в делегитимизации государственной политики в области межэтнических отношений со стороны представителей русской диаспоры [18].

Таким образом, мы можем предположить, что среди русских жителей Эстонии локальная идентичность выполняет компенсаторную функцию, позволяя русским чувствовать себя частью эстонского общества даже при отсутствии возможности или готовности идентифицировать себя с гражданами Эстонии.

Теоретические основы исследования

В своем исследовании мы опирались на теорию социальной идентичности, согласно которой восприятие себя в качестве члена той или иной социальной группы оказывает влияние на процессы социального познания и определяет социальное самочувствие индивида [22].

Локальная идентичность представляет собой компонент социальной идентичности, связанный с принадлежностью к определенной территориальной общности [20]. В отличие от гражданской идентичности, зачастую имеющей идеологическую окраску и связанной с отношением к государству в целом, локальная идентичность связана с «чувством родины», «дома» и идеологически более нейтральна. Она позволяет человеку чувствовать себя комфортно, на «своем месте», будучи самим собой [9]. Исследования показывают, что локальная идентичность имеет важное значение для психологического благополучия. Так, среди русских в Латвии и Грузии были выявлены прямые положительные эффекты локальной идентичности на удовлетворенность жизнью и самоуважение [4]. Другое исследование показало, что локальная идентичность положительно связана с удовлетворенностью жизнью у молодых русских в Латвии и крымских татар, но не связана с само-

уважением [16]. В большинстве своем результаты исследований показывают, что среди мигрантов и этнических меньшинств идентификация со страной проживания, в отличие от идентификации со своей этнической группой, напрямую не связана с самоуважением [24]. Исходя из этого, в нашем исследовании мы сосредоточились на индикаторе психологического благополучия, наиболее тесно связанным с локальной идентичностью, — удовлетворенности жизнью, — и выдвинули нашу первую гипотезу:

Гипотеза 1. Выраженность локальной идентичности у представителей русского этнического меньшинства в Эстонии положительно связана с их удовлетворенностью жизнью.

Психологическое благополучие участников межэтнического взаимодействия в значительной степени может быть обусловлено воспринимаемыми особенностями социокультурного контекста [19; 21]. Воспринимаемая инклюзивность принимающего общества может выступать в качестве важного предиктора успешности психологической адаптации мигрантов и этнических меньшинств [3]. В то же время восприятие социального контекста как «закрытого», враждебного и дискриминационного может иметь негативные последствия для психологического благополучия участников процесса аккультурации [21].

Одним из индикаторов инклюзивности контекста может выступать воспринимаемый мультикультурализм, т. е. воспринимаемая степень ориентированности принимающего общества на культурное многообразие. По мнению экспертов, важную роль здесь играет не только наличие в обществе разных этнокультурных групп, но и распространенность в нем мультикультурных идеологий и практик. Результаты эмпирических исследований показывают, что воспринимаемый мультикультурализм может быть предиктором успешности психологической адаптации мигрантов к инокультурной среде. Так, исследование, проведенное среди корейцев, проживающих в Новой Зеландии, показывает, что психологическое благополучие мигрантов тем выше, чем более мультикультурным ощущается принимающее общество в плане преобладающих идеологий и практик [29].

В качестве одного из индикаторов «закрытости» принимающего общества выступает воспринимаемая дискриминация [3]. Воспринимаемая дискриминация осложняет процесс психологической адаптации мигрантов и этнических меньшинств, оказывая негативное влияние на их психологическое благополучие [8]. Например, у русских жителей Эстонии высокий уровень воспринимаемой дискриминации связан с более низким уровнем удовлетворенности жизнью [19]. Принимая во внимание результаты предыдущих исследований, мы выдвинули нашу вторую гипотезу:

Гипотеза 2. Воспринимаемый мультикультурализм положительно, а воспринимаемая дискриминация отрицательно связаны с удовлетворенностью жизнью и самоуважением русских в Эстонии.

Субъективное восприятие особенностей контекста аккультурации в значительной степени определяется социальной идентичностью индивида [23]. Например,

воспринимаемая дискриминация во многом зависит от степени идентификации человека с интропией: чем выше выраженность идентичности, тем выше чувствительность к проявлениям межгруппового неравенства [11]. Так, представители русской диаспоры Эстонии с ярко выраженной этнической идентичностью более склонны воспринимать окружающую их действительность как несправедливую, что негативно сказывается на их психологическом благополучии [19]. В то же время идентификация с принимающим обществом может играть компенсаторную роль в психологической адаптации мигрантов и этнических меньшинств. Исследования показывают, что гражданская идентичность негативно связана с воспринимаемой дискриминацией [14]. Таким образом, разные виды социальной идентичности могут рассматриваться в качестве «линз», через призму которых оцениваются окружающая действительность и межгрупповые отношения [11]. Учитывая, что локальная идентичность зачастую выполняет компенсаторную функцию, способствуя успешной адаптации индивида к инокультурной среде [4], мы выдвинули нашу третью гипотезу.

Гипотеза 3. Выраженность локальной идентичности положительно взаимосвязана с воспринимаемым мультикультурализмом и отрицательно взаимосвязана с воспринимаемой дискриминацией.

Также мы сформулировали наши **исследовательские вопросы**:

Исследовательский вопрос 1. Как связана локальная идентичность с другими видами социальной идентичности у русских в Эстонии? Постановка этого вопроса обусловлена коренными изменениями в идентификационных матрицах жителей стран постсоветского пространства после распада СССР и различиями векторов цивилизационного развития стран разных регионов.

Исследовательский вопрос 2. Какова роль воспринимаемого контекста во взаимосвязи локальной идентичности и психологического благополучия?

Метод

Выборка

В социально-психологическом опросе приняли участие 309 русских, проживающих в Эстонии, в возрасте от 18 до 75 лет ($M = 37,46$; $SD = 16,56$), 52,1% — женщины.

Инструментарий

Локальная идентичность. Мы использовали 4 утверждения из шкалы Идентичности с местом [10], например: «Здесь я чувствую себя дома».

Этническая идентичность [2]. Шкала включала в себя 4 утверждения, например: «Я считаю себя русским».

Гражданская идентичность [2]. Шкала включала в себя 4 утверждения, например: «Я считаю себя гражданином Эстонии».

Религиозная идентичность. Мы использовали шкалу, состоящую из 4 утверждений, например: «Моя религиозная принадлежность — важная часть меня».

Советская идентичность. Была использована шкала, состоящая из 4 утверждений, например: «Я считаю себя советским человеком».

Европейская идентичность. Мы использовали шкалу, состоящую из 4 утверждений, например: «Я считаю себя европейцем».

Воспринимаемая дискриминация [2]. Шкала включала в себя 5 утверждений, например: «Меня не принимали на работу из-за моей национальности».

Воспринимаемый мультикультурализм. Мы использовали шкалу, состоящую из 8 утверждений, например: «В Эстонии отношение к людям не зависит от их этнической принадлежности».

Самоуважение. Шкала включала в себя 4 утверждения, например: «В целом, я удовлетворен собой» [2].

Удовлетворенность жизнью. Мы использовали шкалу, включающую 4 утверждения, например: «Во многом, моя жизнь близка к идеалу» [2].

Для ответов респонденты использовали 5-балльную шкалу Ликерта от 1 — «Полностью не согласен», до 5 — «Полностью согласен».

Результаты

В табл. 1 представлены средние значения и коэффициенты α -Кронбаха для всех исследуемых переменных.

Результаты анализа средних значений показывают, что у всех социальных идентичностей, кроме советской, средние показатели выше срединного значения шкалы (2,5), при этом локальная идентичность занимает второе место по выраженности после этнической идентичности, наряду с гражданской и европейской идентичностями (табл. 1). Парное сравнение переменных с помощью t -теста для спаренных выборок показало, что выраженность локальной идентичности значимо ниже выраженности этнической идентичности ($t(308) = -3,01$; $p = 0,00$) и значимо выше выраженности советской ($t(307) = 16,46$; $p = 0,00$) и религиозной идентичности ($t(307) = 11,71$; $p = 0,00$). Различия в степени выраженности локальной, гражданской и европейской идентичностей статистически незначимы.

Отвечая на наш первый исследовательский вопрос о взаимосвязи локальной идентичности с другими видами социальной идентичности, мы выявили значимые положительные корреляции локальной идентичности с гражданской (эстонской) и европейской идентичностями (табл. 2). Отличительной особенностью локальной идентичности является отсутствие статистически значимых связей с советской идентичностью: в то время как гражданская и европейская идентичность негативно, а этническая и религиозная идентичности позитивно связаны с советской идентичностью, локальная идентичность выступает в роли нейтрального конструкта, демонстрируя отсутствие статистически значимой взаимосвязи с советской составляющей в самоидентификации русских Эстонии.

Таблица 1

Средние значения и коэффициенты α -Кронбаха

№	Переменные	M	SD	α
Идентичности				
1	Локальная	3,78	0,91	0,85
2	Этническая	4,01	1,01	0,91
3	Гражданская	3,73	0,99	0,88
4	Религиозная	2,73	1,38	0,96
5	Советская	2,25	1,29	0,96
6	Европейская	3,71	1,01	0,93
Воспринимаемый контекст				
7	Дискриминация	1,83	0,82	0,78
8	Мультикультурализм	3,14	0,59	0,77
Психологическое благополучие				
9	Самоуважение	4,08	0,58	0,81
10	Удовлетворенность жизнью	3,34	0,81	0,80

Таблица 2

Взаимосвязи между разными видами социальных идентичностей

№	Идентичность	1	2	3	4	5	6
1	Локальная	1					
2	Этническая	0,06	1				
3	Гражданская	0,55**	0,11	1			
4	Религиозная	0,11	0,40**	0,20**	1		
5	Советская	-0,07	0,38**	-0,12*	0,32**	1	
6	Европейская	0,26**	-0,06	0,42**	0,00	-0,24**	1

Далее, с помощью моделирования структурными уравнениями, мы проанализировали взаимосвязи между локальной идентичностью, особенностями воспринимаемого контекста и психологическим благополучием. Модель (рис. 1) продемонстрировала хорошие показатели пригодности: $\chi^2/df = 0,46$; CFI=1,00; SRMR=0,01; RMSEA=0,00; PCLOSE=0,64.

Как показали результаты, выраженность локальной идентичности значимо положительно связана с удовлетворенностью жизнью. Таким образом, наша первая гипотеза подтвердилась.

Проверяя нашу вторую гипотезу, мы выявили, что у русских в Эстонии воспринимаемая дискриминация значимо отрицательно, а воспринимаемый

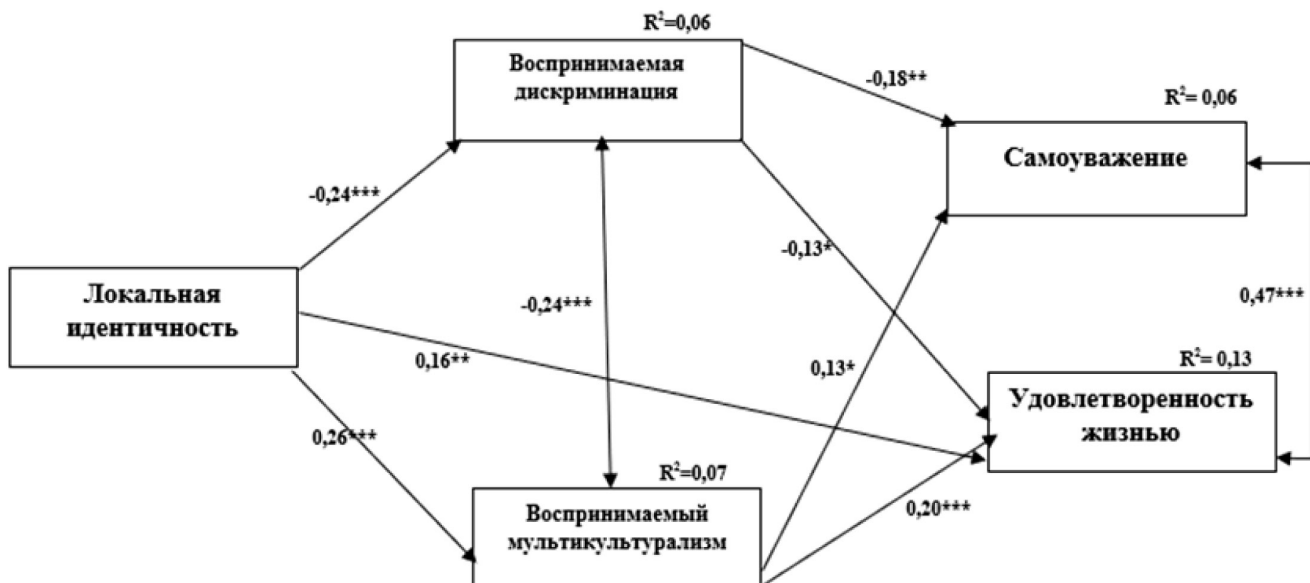

Рис. 1. Путевая модель взаимосвязи локальной идентичности, воспринимаемого контекста и психологического благополучия у представителей русского этнического меньшинства в Эстонии: «*» – $p < 0,05$; «**» – $p < 0,01$; «***» – $p < 0,001$

мультикультурализм значимо положительно связан с самоуважением и удовлетворенностью жизнью. Таким образом, вторая наша гипотеза была полностью подтверждена.

Для тестирования нашей третьей гипотезы мы проанализировали взаимосвязь между локальной идентичностью и индикаторами воспринимаемого социокультурного контекста. Полученные результаты (рис. 1) показывают, что локальная идентичность значимо положительно связана с воспринимаемым мультикультурализмом и значимо отрицательно — с воспринимаемой дискриминацией. Таким образом, наша третья гипотеза полностью подтвердилась.

Для ответа на наш исследовательский вопрос о роли воспринимаемого контекста во взаимосвязи между локальной идентичностью и психологическим благополучием был проведен медиационный анализ. Полученные результаты свидетельствуют о наличии значимого позитивного непрямого эффекта локальной идентичности на удовлетворенность жизнью через воспринимаемую дискриминацию ($\beta = 0,03$; 95% CI: [0,004; 0,06]) и воспринимаемый мультикультурализм ($\beta = 0,05$; 95% CI: 0,02; 0,09). Мы также выявили значимый позитивный не прямой эффект локальной идентичности на самоуважение через воспринимаемую дискриминацию ($\beta = 0,03$; 95% CI: [0,007; 0,05]) и воспринимаемый мультикультурализм ($\beta = 0,02$; 95% CI: 0,001; 0,04).

Обсуждение результатов и выводы

Результаты проведенного исследования показывают, что локальная идентичность играет важную роль в самосознании представителей русской диаспоры в Эстонии, занимая второе место по выраженности после этнической идентичности, наряду с гражданской и европейской идентичностями. В целом, полученные результаты подтверждают данные предыдущих исследований, демонстрирующих значимость локального компонента в самоидентификации русских Эстонии [17; 27].

Анализ структуры множественной социальной идентичности у русских в Эстонии показывает, что локальная идентичность значимо положительно связана с гражданской и европейской идентичностями. Таким образом, в самосознании русских Эстонии локальная составляющая тесно связана с чувством принадлежности к эстонскому и европейскому культурному пространству. Еще в советские годы Эстония в глазах многих жителей Советского Союза была «русской» Европой, ассоциируясь с западными ценностями и образом жизни [13]. Исследования свидетельствуют о высокой привлекательности эстонской культуры, образа жизни, национального характера для представителей русской диаспоры [7; 13]. По мнению экспертов, это позволяет говорить о возникновении субкультуры «европейских русских», в самосознании которых локальная идентичность жителей Эстонии тесно переплетается с ощущением себя европейцами [5; 7]. Положительная взаимосвязь

с гражданской идентичностью свидетельствует об адаптивной функции локальной идентичности. По мнению экспертов, рост значимости локальной компоненты в самосознании русских жителей Эстонии может способствовать усилению чувства солидарности с эстонцами и росту социальной сплоченности, подкрепляя гражданскую идентичность [17].

В отличие от гражданской и европейской идентичностей, негативно связанных с советской идентичностью, локальная идентичность предстает идеологически более нейтральным конструктом, позволяющим русским в Эстонии чувствовать себя частью эстонского общества и европейской культуры, не испытывая при этом конфликта с советским прошлым. Отличаясь большей идеологической нейтральностью, локальная идентичность выступает в качестве психологически безопасной альтернативы гражданской идентичности, формирование которой у многих представителей русской диаспоры может затрудняться из-за неоднозначной этнической политики эстонского государства и разности взглядов на исторические события XX века. По мнению экспертов, разное отношение к советскому прошлому у русских и эстонцев затрудняет интеграцию представителей русской общины в эстонское общество [19]. Русские, живущие в Эстонии, как правило, разделяют «российский взгляд» на историю Второй мировой войны, согласно которому советские войска освободили Эстонию и другие страны Балтии от фашистов [19]. В противоположность советской исторической традиции, эстонская интерпретация прошлого рассматривает военные и дипломатические действия СССР в 40-х гг. XX века как агрессию, оккупацию и незаконную аннексию [25]. В коллективной памяти эстонцев эти события ассоциируются с потерей независимости, ужасами сталинского террора, депортацией. Эксперты отмечают, что выбор идентификационной стратегии у участников процесса аккультурации зачастую зависит от выбора исторического нарратива, разделяемого членами ин- или аутгруппы [12]. В этом плане локальная идентичность, будучи идеологически нейтральной, представляется спасительной альтернативной, позволяющей русским жителям Эстонии избежать конфликта между советским прошлым и европейским настоящим.

Об адаптивной функции локального компонента в самоидентификации русских в Эстонии свидетельствует и положительная взаимосвязь между локальной идентичностью и психологическим благополучием. Так, нами была выявлена значимая положительная взаимосвязь локальной идентичности с удовлетворенностью жизнью, что согласуется с результатами предыдущих исследований в постсоветских странах [4; 16].

Также результаты проведенного нами исследования позволили выявить взаимосвязь между воспринимаемой инклюзивностью контекста аккультурации и психологическим благополучием русских в Эстонии. Так, воспринимаемая дискриминация значимо отрицательно, а воспринимаемый мультикультурализм значимо положительно связаны с

удовлетворенностью жизнью и самоуважением среди представителей русского этнического меньшинства. Таким образом, воспринимаемая открытость принимающего общества, его ориентация на мультикультурализм и равноправие представленных в нем этнических групп способствуют успешности психологической адаптации русских в Эстонии, в то время как субъективно ощущаемые «закрытость» эстонского общества, межгрупповое неравенство, дискриминация создают неблагоприятный аккультурационный климат, затрудняя психологическую адаптацию. Полученные результаты согласуются с данными предыдущих исследований, свидетельствующих о позитивной роли воспринимаемой инклюзивности контекста в психологической адаптации мигрантов и меньшинств [3].

Наша гипотеза о взаимосвязи локальной идентичности и воспринимаемого контекста полностью подтвердилась. Выраженность локальной идентичности была положительно связана с воспринимаемым мультикультурализмом и отрицательно — с воспринимаемой дискриминацией. Полученные результаты подтверждают данные предыдущих исследований, показывающих, что социальная идентичность влияет на восприятие и интерпретацию окружающей действительности [14; 23]. В зависимости от значимости для него той или иной групповой принадлежности человек по-разному интерпретирует окружающую его действительность, в особенности амбивалентные, неоднозначные ситуации [11]. В отличие от этнической идентичности, повышающей ощущение нелегитимности социального устройства у русских в Эстонии [19], локальная идентичность, дающая чувство родины, «дома», способствует более позитивному восприятию контекста межгрупповых отношений. Чем более выражена локальная идентичность, тем более открытым воспринимает человек эстонское общество, реже замечая дискриминацию и чаще признаки мультикультурализма.

Полученные нами результаты указывают на наличие непрямого позитивного эффекта локальной идентичности на удовлетворенность жизнью и самоуважение через воспринимаемую дискриминацию

и мультикультурализм. Повышая воспринимаемую открытость, инклюзивность и снижая воспринимаемую «закрытость» принимающего общества, локальная идентичность способствует психологическому благополучию русских в Эстонии. В этом плане локальная идентичность отличается большей адаптивностью по сравнению с этнической идентичностью, оказывающей непрямо негативное влияние на удовлетворенность жизнью русских в Эстонии через воспринимаемую нелегитимность социального устройства, и по сравнению с гражданской идентичностью, не имеющей значимых связей с воспринимаемым контекстом и психологическим благополучием [19].

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие **выводы**.

- Локальная идентичность занимает важное место в самосознании русских в Эстонии наряду с этнической, гражданской и европейской идентичностями.
- Выступая в качестве идеологически нейтрального конструкта, локальная идентичность выполняет адаптивную функцию, способствуя более позитивному восприятию контекста аккультурации.
- Локальная идентичность положительно связана с удовлетворенностью жизнью.
- Локальная идентичность оказывает не прямой положительный эффект на удовлетворенность жизнью и самоуважение русских в Эстонии, снижая воспринимаемую дискриминацию и повышая воспринимаемый мультикультурализм.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют говорить об адаптивной роли локальной идентичности среди русских в Эстонии. Выступая в качестве идеологически нейтральной альтернативы гражданской идентичности, она дает некую точку опоры, чувство «дома», безопасности, общности с представителями титульной нации, что позволяет компенсировать возможное негативное влияние контекста и способствует психологическому благополучию русского этнического меньшинства в Эстонии.

Литература

1. Лебедева Н.М. Русские в странах ближнего зарубежья: социально-психологический анализ // Вестник Российской академии наук. 1998. Том 68. № 4. С. 296–305.
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М.: РУДН, 2009. 420 с.
3. Лепшокова З.Х. Воспринимаемая инклюзивность социального контекста, аккультурация и адаптация мигрантов из Северного Кавказа в Москве // Общественные науки и современность. 2020. № 3. С. 124–138.
4. Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д. Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 2. С. 54–64. DOI:10.17759/chp.2019150206

References

1. Lebedeva N.M. Russkie v stranakh blizhnego zarubezh'ya: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [Russians in the countries of the near abroad: socio-psychological analysis] *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 1998. Vol. 68, no. 4, pp. 296–305. (In Russ.).
2. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhkulturnogo vzaimodeistviya migrantov i primimayushchego naseleniya Rossii [Strategies of intercultural interaction between migrants and the host population of Russia]. Moscow. Publ. RUDN, 2009. 420 p. (In Russ.).
3. Lepshokova Z.Kh. Vosprinimaemaya inkluzivnost' sotsial'nogo konteksta, akkul'turatsiya i adaptatsiya migrantov iz Severnogo Kavkaza v Moskve [Perceived inclusiveness of the social context, acculturation and adaptation of migrants from the North Caucasus in Moscow]. *Obshchestvennye nauki*

5. Симонян Р. Х. Новый балтийский субэтнос — «еврорусские» // Социология власти. 2004. Том 2. С. 59–76.
6. Тишков В.А., Степанов В.В. Европейские меньшинства и политизированные мифы в балтийском контексте // Этническая политика в странах Балтии / Под ред. В.В. Поleshчук, В.В. Степанова. М.: Наука, 2013. С. 9–23.
7. Фурман Д., Задорожнюк Э. Притяжение Балтии. Балтийские русские и балтийские культуры // Мир России. Социология. Этнология. 2004. № 3. С. 98–130.
8. Berry J.W., Hou F. Immigrant acculturation and wellbeing in Canada // Canadian Psychology. 2016. Vol. 57(4). P. 254–264. DOI:10.1037/cap0000064
9. Cuba L., Hummon D.M. A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community, and Region // The Sociological Quarterly. 1993. Vol. 34(1). P. 111–131.
10. Droseltis O., Vignoles V.L. Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences // Journal of Environmental Psychology. 2010. Vol. 30(1). P. 23–34. DOI:10.1016/j.jenvp.2009.05.006
11. Eccleston C.P., Major B.N. Attributions to discrimination and self-esteem: The role of group identification and appraisals // Group Processes and Intergroup Relations. 2006. Vol. 9(2). P. 147–162. DOI:10.1177/1368430206062074
12. Ehala M., Zabrodskaja A. Ethnolinguistic Vitality and Acculturation Orientations of Russian Speakers in Estonia // The Russian Language Outside the Nation. Edinburgh University Press, 2014. P. 166–188. DOI:10.3366/edinburgh/9780748668458.003.0007
13. Fein L.C. Symbolic boundaries and national borders: The construction of an Estonian Russian identity // Nationalities Papers. 2005. Vol. 33(3). P. 333–344. DOI:10.1080/00905990500193196
14. Grant P.K. The protest intentions of skilled immigrants with credentialing problems: A test of a model integrating relative deprivation theory with social identity theory // British Journal of Social Psychology. 2008. Vol. 47(4). P. 687–705. DOI:10.1348/014466607X269829
15. Keeleseadus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13122536> (дата обращения: 18.03.2021).
16. Kodja E., Ryabichenko T. The Relationship Between Social Identities, Acculturation Strategies and the Psychological Well-Being of Young Russians in Latvia and Crimean Tatars in Crimea // NRU Higher School of Economics. Series PSY “Psychology”, 2019. № 111. DOI:10.2139/ssrn.3495090
17. Korts, K., Vihalemm T. Rahvustevahelised suhted, kontaktid ja meie-tunne // Eesti ühiskonna integratsiooni monitoring 2008 / R. Vetik (ed.). Integratsiooni Sihtasutus ja Rahvastikumistri Büroo, 2008. P. 107–116.
18. Kus L., Liu J., Ward C. Relative deprivation versus system justification: Polemical social representations and identity positioning in a post-Soviet society // European Journal of Social Psychology. 2013. Vol. 43(5). P. 423–437. DOI:10.1002/ejsp.1958
19. Kus L., Ward C., Liu J. Interethnic Factors as Predictors of the Subjective Well-Being of Minority Individuals in a Context of Recent Societal Changes // Political Psychology. 2014. Vol. 35(5). P. 703–719. DOI:10.1111/pops.12038
20. Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. Place-identity: Physical world socialization of the self // Journal of Environmental Psychology. 1983. Vol. 3(1). P. 57–83. DOI:10.1016/S0272-4944(83)80021-8
21. Schwartz S.J. et al. Perceived context of reception among recent hispanic immigrants: Conceptualization, instrument *i sovremenost'* [Social Sciences and Modernity], 2020. Vol. 3, pp. 124–138. (In Russ.).
4. Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M., Plotka I.D. Mnozhestvennye identichnosti, akkul'turatsiya i adaptatsiya russkikh v Latvii i Gruzii [Multiple identities, acculturation and adaptation of Russians in Latvia and Georgia]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 54–64. DOI:10.17759/chp.2019150206. (In Russ.).
5. Simonyan R.Kh. Novyi baltiiskii subetnos — «evrorusskie» [New Baltic subethnos — “Euro-Russians”]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 2004. Vol. 2, pp. 59–76. (In Russ.).
6. Tishkov V.A., Stepanov V.V. Evropeiskie men'shinstva i politizirovannye mify v baltiiskom kontekste [European minorities and politicized myths in the Baltic context]. In V.V. Poleshchuk, V. V. Stepanov (eds.) *Etnicheskaya politika v stranakh Baltii* [Ethnic policy in the Baltic countries]. Moscow. Publ. Nauka, 2013, pp. 9–23. (In Russ.).
7. Furman D., Zadorozhnyuk E. Prityazhenie Baltii. Baltiiskie russkie i baltiiskie kul'tury [The attraction of the Baltic. Baltic Russian and Baltic cultures]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology.], 2004. Vol. 3, pp. 98–130. (In Russ.).
8. Berry J.W., Hou F. Immigrant acculturation and wellbeing in Canada. *Canadian Psychology*, 2016. Vol. 57 (4), pp. 254–264. DOI:10.1037/cap0000064
9. Cuba L., Hummon D. M.A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community, and Region. *The Sociological Quarterly*, 1993. Vol. 34 (1), pp. 111–131.
10. Droseltis O., Vignoles V. L. Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 2010. Vol. 30 (1), pp. 23–34. DOI:10.1016/j.jenvp.2009.05.006
11. Eccleston C.P., Major B.N. Attributions to discrimination and self-esteem: The role of group identification and appraisals. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2006. Vol. 9 (2), pp. 147–162. DOI:10.1177/1368430206062074
12. Ehala M., Zabrodskaja A. Ethnolinguistic Vitality and Acculturation Orientations of Russian Speakers in Estonia. The Russian Language Outside the Nation. Edinburgh University Press, 2014. pp. 166–188. DOI: <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9780748668458.003.0007>
13. Fein L.C. Symbolic boundaries and national borders: The construction of an Estonian Russian identity. *Nationalities Papers*, 2005. Vol. 33 (3), pp. 333–344. DOI:10.1080/00905990500193196
14. Grant P.K. The protest intentions of skilled immigrants with credentialing problems: A test of a model integrating relative deprivation theory with social identity theory. *British Journal of Social Psychology*, 2008. Vol. 47 (4), pp. 687–705. DOI:10.1348/014466607X269829
15. Keeleseadus. Available at: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13122536> (Accessed 18.03.2021).
16. Kodja E., Ryabichenko T. The Relationship Between Social Identities, Acculturation Strategies and the Psychological Well-Being of Young Russians in Latvia and Crimean Tatars in Crimea. *NRU Higher School of Economics. Series PSY “Psychology”*, 2019. no. 111. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3495090>
17. Korts, K., Vihalemm T. Rahvustevahelised suhted, kontaktid ja meie-tunne. In R. Vetik. (ed.), *Eesti ühiskonna integratsiooni monitoring 2008*. Integratsiooni Sihtasutus ja Rahvastikumistri Büroo, 2008, pp. 107–116.
18. Kus L., Liu J., Ward C. Relative deprivation versus system justification: Polemical social representations and

development, and preliminary validation // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2014. Vol. 20(1). P. 1–15. DOI:10.1037/a0033391

22. *Tajfel H., Turner J.C.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // *Psychology of Intergroup Relation / S. Worchel, W.G. Austin (eds.)*. Chicago: Hall Publishers, 1986. P. 7–24.

23. *Verkuyten M.* Support for Multiculturalism and Minority Rights: The Role of National Identification and Outgroup Threat // *Social Justice Research*. 2009. Vol. 22. P. 31–52. DOI:10.1007/s11211-008-0087-7

24. *Verkuyten M., Brug P.* Self-esteem and ethnic and national identification among adolescents in the Netherlands // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2001. Vol. 9(4). P. 321–343. DOI:10.1080/02673843.2001.9747885

25. *Vetik R.* Ethnic Conflict and Accommodation in Post-Communist Estonia // *Journal of Peace Research*. 1993. Vol. 30(4). P. 271–280.

26. *Vetik R.* Statelessness, citizenship and belonging in Estonia // Paper presented at ECPR General Conference, Reykjavik. 2011.

27. *Vihalemm T., Masso A.* (Re) construction of collective identities after the dissolution of the Soviet Union: The case of Estonia // *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35(1). P. 71–91. DOI:10.1080/00905990601124496

28. *Vihalemm T., Masso A.* The formation of imagined borders in post-Soviet Estonia: Diaspora or local community? // *Journal of Borderlands Studies*. 2002. Vol. 17(2). P. 35–51. DOI:10.1080/08865655.2002.9695589

29. *Ward C. et al.* How Normative Multiculturalism Relates to Immigrant Well-Being // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2020. Vol. 26(4). P. 581–591. DOI:10.1037/cdp0000317

identity positioning in a post-Soviet society. *European Journal of Social Psychology*, 2013. Vol. 43 (5), pp. 423–437. DOI:10.1002/ejsp.1958

19. *Kus L., Ward C., Liu J.* Interethnic Factors as Predictors of the Subjective Well-Being of Minority Individuals in a Context of Recent Societal Changes. *Political Psychology*, 2014. Vol. 35 (5), pp. 703–719. DOI:10.1111/pops.12038

20. *Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R.* Place-identity: Physical world socialization of the self. *Journal of Environmental Psychology*. 1983. Vol. 3 (1), pp. 57–83. DOI:10.1016/S0272-4944(83)80021-8

21. *Schwartz S.J. et al.* Perceived context of reception among recent hispanic immigrants: Conceptualization, instrument development, and preliminary validation. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2014. Vol. 20 (1), pp. 1–15. DOI:10.1037/a0033391

22. *Tajfel H., Turner J. C.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In *S. Worchel, W. G. Austin (eds.) Psychology of Intergroup Relation*. Chicago: Hall Publishers, 1986, pp. 7–24.

23. *Verkuyten M.* Support for Multiculturalism and Minority Rights: The Role of National Identification and Outgroup Threat. *Social Justice Research*, 2009. Vol. 22, pp. 31–52. DOI:10.1007/s11211-008-0087-7

24. *Verkuyten, M., Brug, P.* Self-esteem and ethnic and national identification among adolescents in the Netherlands. *International Journal of Adolescence and Youth*, 2001. Vol. 9 (4), pp. 321–343. DOI:10.1080/02673843.2001.9747885

25. *Vetik R.* Ethnic Conflict and Accommodation in Post-Communist Estonia. *Journal of Peace Research*, 1993. Vol. 30(4), pp. 271–280. DOI:10.1177/0022343393030003003

26. *Vetik R.* Statelessness, citizenship and belonging in Estonia. Paper presented at ECPR General Conference, Reykjavik 2011.

27. *Vihalemm T., Masso A.* (Re) construction of collective identities after the dissolution of the Soviet Union: The case of Estonia. *Nationalities Papers*, 2007. Vol. 35 (1), pp. 71–91. DOI:10.1080/00905990601124496

28. *Vihalemm T., Masso A.* The formation of imagined borders in post-Soviet Estonia: Diaspora or local community? *Journal of Borderlands Studies*, 2002. Vol. 17 (2), pp. 35–51. DOI:10.1080/08865655.2002.9695589

29. *Ward, C. et al.* How Normative Multiculturalism Relates to Immigrant Well-Being. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, Vol. 26 (4), pp. 581–591. DOI:10.1037/cdp0000317

Информация об авторах

Трифоновна Анастасия Валентиновна, аспирант, стажер-исследователь Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>, e-mail: avtrifonova@hse.ru

Information about the authors

Anastasia V. Trifonova, PhD Student, Research Intern, Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>, e-mail: avtrifonova@hse.ru

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021

Fifty Shades of Gray: Satisfaction with Life Among Jewish Immigrants from the Former Soviet Union to Israel

Eugene Tartakovsky

Tel Aviv University, Tel Aviv, Israel

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3126-4124>, e-mail: etartakov@hotmail.com

In the present study, we tested the morbidity and salutary hypotheses of immigration investigating satisfaction with life (SWL) among Jewish immigrants from the Former Soviet Union to Israel. The study was conducted using a random representative sample of first-generation immigrants from the Former Soviet Union to Israel ($N = 400$) and a large geographically dispersed sample of Jews staying in Russia ($N = 935$). We applied three measures of SWL: general satisfaction with life (GSWL), multifaceted satisfaction with life (MSWL), and relative satisfaction with life (RSWL). The results demonstrated that immigrants were higher than stayers in GSWL. At the same time, the difference between the two populations was not significant in the average scores of MSWL. When comparing the two populations in ten domains of MSWL, immigrants reported higher satisfaction only in medical care. Stayers reported higher satisfaction in four domains: work, family relationships, relationships with friends, and entertainment and leisure. Immigrants assessed their standard of life as higher compared to the premigration period and to that presently existing in their country of origin. However, they assessed their standard of life as lower compared to the non-immigrant Israelis. Thus, immigration was a mixed blessing for the studied group of immigrants, salutary in some aspects and onerous in others.

Keywords: General satisfaction with life, Multifaceted satisfaction with life, Relative satisfaction with life, Jewish immigrants from the Former Soviet Union in Israel, Jews staying in Russia.

Funding. The study was partly funded by a grant from Leonid Nevzlin Research Center for Russian and East European Jewry and by a grant from the Israel Science Foundation.

For citation: Tartakovsky E. Fifty Shades of Gray: Satisfaction with Life Among Jewish Immigrants from the Former Soviet Union to Israel. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 92–96. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170410>

Пятьдесят оттенков серого: удовлетворенность жизнью среди еврейских иммигрантов из бывшего СССР в Израиле

Евгений Тартаковский

Тель-Авивский Университет, Тель-Авив, Израиль

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3126-4124>, e-mail: etartakov@hotmail.com

В настоящем исследовании проверялась гипотеза о morbidity/благотворности иммиграции через изучение удовлетворенности жизнью иммигрантов из бывшего Советского Союза в Израиле. Исследование проводилось с использованием случайной репрезентативной выборки иммигрантов в первом поколении из бывшего Советского Союза в Израиле ($N = 400$) и большой географически рассредоточенной выборки евреев, оставшихся в России ($N = 935$). В исследовании использовались три показателя субъективного благополучия: общая удовлетворенность жизнью, удовлетворенность жизнью в различных сферах и относительная удовлетворенность жизнью. Сравнение иммигрантов с евреями, оставшимися в России, осуществлялось по первым двум показателям субъективного благо-

получия. Полученные результаты выявили, что общая удовлетворенность жизнью выше среди иммигрантов. В то же время показатели удовлетворенности жизнью в различных сферах в двух выборках отличались незначительно. По 10 параметрам этого фактора более высокие показатели в группе иммигрантов были зафиксированы только в степени удовлетворенности медицинским обслуживанием. Оставшиеся в России отмечали большую удовлетворенность в четырех сферах: работа, отношения с близкими, отношения с друзьями, а также отдых и развлечения. Иммигранты оценивали уровень своей жизни как более высокий по сравнению с доэмиграционным и с тем, который существует на их родине в настоящее время, но как более низкий по сравнению с уровнем жизни других израильтян (не иммигрантов). Таким образом, иммиграция для исследуемой группы иммигрантов оказалась благотворной в одних аспектах и обременительной в других.

Ключевые слова: общая удовлетворенность жизнью, удовлетворенность жизнью в различных сферах, относительная удовлетворенность жизнью, еврейские иммигранты из бывшего Советского Союза в Израиле, евреи в России.

Финансирование. Исследование было частично профинансировано за счет гранта Исследовательского центра русского и восточноевропейского еврейства Леонида Невзлина и гранта Израильского научного фонда.

Для цитаты: Тартаковский Е. Пятьдесят оттенков серого: удовлетворенность жизнью среди еврейских иммигрантов из бывшего СССР в Израиле // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 92–96. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170410>

Introduction

There are two main hypotheses related to the well-being of immigrants: the morbidity and salutary hypotheses. Most researchers adhere to the immigration morbidity hypothesis that assumes that immigration is stressful and, therefore, causes a decrease in psychological well-being and may be even traumatic for immigrants [10]. Researchers attribute the morbidity of immigration to two main factors: losses resulting from leaving the country of origin (e.g., loss of mother tongue and the related cultural environment, physical environment, and social connections) and acculturative stress in the receiving country (e.g., difficulties related to mastering a new language, financial strains, and discrimination) [3; 17]. However, other researchers adhere to the salutary hypothesis, stressing the potentially positive aspects of immigration related to the opportunity for immigrants to enjoy the benefits of a more developed and democratic receiving country. The potential benefits of immigrants in the new country may be economical (e.g., higher earnings and welfare services) and political (e.g., political freedom and protection of human rights) [3; 9]. Surprisingly, the psychological literature on the immigrants' well-being rarely accounts for the salutary immigration hypothesis.

To test the morbidity vs. salutary hypotheses of immigration, immigrants are usually compared with the local population in the receiving country. In these studies, immigrants have most often reported lower levels of psychological well-being and higher distress levels than the majority population in the receiving country [3; 4; 7; 10]. However, immigrants usually arrive from countries with a lower economic development level and a lower level of psychological well-being than in the receiving country. Therefore, the immigrants' lower post-migration psychological well-being may be attributed (at least partly) to their pre-migration conditions [7]. Indeed, the rare

studies that have focused on the groups that immigrated from more to less developed countries, or from more to less happy countries, found that these immigrants reported higher well-being than the local population in the receiving country [7].

Thus, to test the morbidity vs. salutary hypotheses of immigration, we have to compare the well-being of immigrants with 'stayers', i.e., people who continue living in the immigrants' country of origin. Unfortunately, there are only about a dozen studies that have compared the well-being of immigrants with the population in their country of origin, and the findings of these studies are inconsistent across countries and indexes of well-being used for comparison [8]. Thus, in a recent comprehensive meta-analysis of studies comparing immigrants with stayers, five studies found a higher level of well-being among immigrants, four found lower well-being among immigrants, and two studies found no difference [7].

In the present study, to test the morbidity vs. salutary hypotheses of immigration, we investigated the psychological well-being of Jewish immigrants from the Former Soviet Union to Israel. We applied three measures of SWL: general satisfaction with life (GSWL), multifaceted satisfaction with life (MSWL), and relative satisfaction with life (RSWL). We compared immigrants with Jews staying in Russia in GSWL and MSWL.

Method

Samples

Four hundred immigrants from the FSU living in Israel and 935 Jews and their relatives living in Russia took part in the present study. Both samples were nearly balanced in gender (about 45% male), and about 75% of the participants in both samples were married or living with a partner. However, the immigrant sample was older than the stayers (47,5 vs. 39,6). The participants in

both samples were highly educated; although, a higher proportion of Jews in Russia had tertiary education than the immigrants (86% vs. 72%). A high proportion of participants in both samples had a high occupational status, being either professionals, managers, or businesspersons; however, there were more such people among Jews living in Russia than among immigrants (63% vs. 38%). On the other hand, more immigrants held manual jobs (28% vs. 7%). The proportion of Jews as defined by Jewish religious law (i.e., having a Jewish maternal grandmother) was higher among immigrants (82% vs. 58%). Finally, religiosity was lower among immigrants (1,66 vs. 2,09 on a 5-point scale, from 1 = *atheist* to 5 = *orthodox*).

Procedure

Participation in the research was voluntary, and participants did not receive compensation for completing the questionnaires. Informed consent was obtained from all participants. The questionnaires were in Russian. The response rate was about 65% in both samples.

Immigrants. The immigrant sample was a random representative sample of adult immigrants who arrived from the FSU to Israel since 1989. The sample was built using stratified geographical sampling within the internationally recognized borders of Israel. Completion of questionnaires was done face to face in the participant's home. Data was collected by the PORI Research Institute.

Stayers. The study among Jews living in Russia was conducted in five metropolitan areas: Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Rostov, and Kazan. The study questionnaires were distributed by research associates living in the metropolitan areas through social networks, in the Jewish community and religious organizations, and through the researchers' acquaintances in face-to-face interviews, by e-mail, and using electronic questionnaires. Adults eligible for immigration to Israel under the Law of Return were asked to complete the questionnaires anonymously. Individuals holding foreign citizenship (i.e., those who emigrated and then returned to Russia) were excluded from the study.

Instruments

General satisfaction with life. General satisfaction with life (GSWL) was measured by the Satisfaction with Life Scale [6]. It is a 5-item measure asking both immigrants and stayers to assess their agreement with the items on a 7-point scale, from 1 = *completely disagree* to 7 = *completely agree*. Internal consistency of the scale was high among both immigrants (Cronbach's $\alpha = 0,93$) and stayers (Cronbach's $\alpha = 0,88$).

Multifaceted satisfaction with life (MSWL). To measure multifaceted satisfaction with life (MSWL), we asked both immigrants and stayers to assess their situation in 10 areas (e.g., work, finances, physical and mental health) on a 5-point scale, from 1 = *very bad* to 5 = *very good* [12; 16]. Internal consistency of the scale was high among both immigrants (Cronbach's $\alpha = 0,87$) and stayers (Cronbach's $\alpha = 0,89$).

Relative satisfaction with life (RSWL). To measure relative satisfaction with life, we asked the immigrant respondents to assess the quality of their life compared

to that of non-immigrant Israelis of similar age and education, people in their country of origin, and their own conditions before emigration from the FSU on a 5-point scale, from 1 = *much worse* to 5 = *much better* [2].

The GSWL score was positively correlated with the average score of MSWL: among immigrants ($r = 0,71$, $p < 0,001$) and stayers ($r = 0,57$, $p < 0,001$). In addition, all items of MSWL were positively correlated with the GSWL score: among immigrants ($r = 0,37 \dots 0,66$, all $p < 0,001$) and among stayers ($r = 0,29 \dots 0,47$, all $p < 0,001$). Finally, among immigrants, the three facets of the RSWL were positively correlated with each other ($r = 0,25 \dots 0,60$, all $p < 0,001$), with GSWL ($r = 0,32 \dots 0,37$, all $p < 0,001$), and MSWL ($r = 0,37 \dots 0,40$, all $p < 0,001$).

Results

Table 1 presents the analysis of differences in GSWL and MSWL between immigrants and stayers, controlling for differences in five socio-demographic characteristics between the two populations: age, education, occupational level, Jewish ethnicity, and level of religiosity. The results demonstrated that immigrants were higher than stayers in GSWL. At the same time, the difference between the two populations was not significant in the average scores of MSWL.

When comparing the two populations in ten domains of MSWL, it was found that immigrants reported significantly higher satisfaction in only one domain — medical care. Stayers reported significantly higher satisfaction in four domains: work, family relationships, relationships with friends, and entertainment and leisure. Finally, no significant difference was found in five domains: finances, housing, psychological well-being, health, and education for children.

Comparing themselves to non-immigrant Israelis, 48% of immigrants considered their living standard lower or much lower, 40% — similar, and 12% higher or much higher. Comparing themselves to people living in their country of origin, 19% of immigrants considered their living standard lower or much lower, 26% — similar, and 55% higher or much higher. Finally, comparing their present conditions with their premigration conditions, 21% of immigrants considered their current living standard lower or much lower, 28% — similar, and 50% — higher or much higher.

Using the mean scores of the three facets of RSWL, we found that they all differed significantly from the scale's middle point (3 = *about the same*): in comparison with Israelis ($M (SD) = 2,46 (0,98)$; $t(399) = -11,2$; $p < 0,001$), in comparison with citizens of the country of origin ($M (SD) = 3,48 (1,05)$; $t(399) = 9,16$; $p < 0,001$), and in comparison with the premigration conditions ($M (SD) = 3,39 (1,03)$; $t(399) = 7,60$; $p < 0,001$). Thus, immigrants from the FSU to Israel, on average, assessed their standard of life as higher compared to the premigration period and to that presently existing in their country of origin. However, they assessed their standard of life as lower compared to the non-immigrant Israelis.

Discussion

The results obtained did not support either the morbidity or salutary hypothesis of immigration. In some measures of satisfaction with life, immigrants reported a higher level of well-being; in other measures, their well-being was inferior to that of the stayers; and in still others, there was no difference. Compared to non-immigrant Israelis, immigrants reported inferior well-being.

Summarizing, we may say that immigrants demonstrated a higher level of psychological well-being than stayers when reporting it at a higher level of abstraction (general and relative SWL). Simultaneously, they demonstrated worse well-being when reporting it in more specific terms (satisfaction in different life domains). Thus, although Israel is a more developed country than Russia [15], the standard of life of immigrants from the FSU in Israel was not higher than that among Jews staying in Russia. This finding probably indicates that immigrants are unable to fully utilize the advantages provided by the higher level of socio-economic development of Israel as compared to Russia. It may be due to the immigrants' lower level of language mastery and social capital, and the resistance of non-immigrant Israelis to integrate immigrants into the majority society [1; 13].

If so, why do immigrants feel satisfied with their life in Israel and are content with their decision to emigrate? Some intangible aspects of life in Israel (that were not included in the present study) might contribute to the immigrants' general and relative SWL. Among them, there may be freedom, democracy, and the opportunity to practice one's ethnic culture and religion. The effect of these factors on the immigrants' SWL may be investi-

gated in further studies. Finally, it may be the cognitive dissonance mechanism that permits immigrants to justify their decision to emigrate [7].

Limitations

The main limitation of the study relates to its cross-sectional design. A more precise assessment of the effect of immigration on the psychological well-being of immigrants requires longitudinal pre- and post-migration studies. Second, the study did not include a comparison with the non-immigrant population in the receiving country. The comparison between immigrants and locals in both general and, especially, multifaceted satisfaction with life may permit us to better understand the relative strength and vulnerability of immigrants in different domains. Finally, the present study was limited to Jewish immigrants from the FSU to Israel, while many Jews also immigrated from the FSU to Germany and the United States.

Conclusions

Despite its limitations, the present study expands our understanding of immigration processes. First, it demonstrates that immigration is a mixed blessing. In some aspects, it increases the immigrants' psychological well-being, while in other aspects it may decrease it. Second, the present study maps the areas of vulnerability of immigrants in the receiving country, including work, interpersonal relationships, and leisure. This finding indicates that the psycho-social help to immigrants should be focused on these domains of their life. Third, the results obtained indicate that the immigrants' feelings that their standard of living is lower than that of non-immigrant Israelis may be a source of tension between the two groups [13; 14].

Appendix 1

General and Multifaceted Satisfaction with Life in the Two Samples

Aspects of life	Immigrants	Stayers	Univariate tests controlling for socio-demographic variables
General satisfaction with life scale	4,08 (1,24)	3,77 (1,05)	$F(6; 1305)=28,8; p<0,001; \eta_p^2=0,022$
Multifaceted satisfaction with life scale (mean across ten domains)	3,61 (0,57)	3,63 (0,49)	$F(6; 1306)=0,51; p=0,477; \eta_p^2<0,001$
Multifaceted satisfaction with life scale (scores for separate domains):			
Work	3,41 (0,90)	3,67 (0,75)	$F(6; 1236)=15,2; p<0,001; \eta_p^2=0,012$
Family relationships	3,96 (0,85)	4,18 (0,81)	$F(6; 1304)=16,0; p<0,001; \eta_p^2=0,012$
Relationships with friends	4,00 (0,79)	4,20 (0,79)	$F(6; 1304)=9,31; p=0,002; \eta_p^2=0,007$
Entertainment and leisure	3,50 (0,92)	3,77 (0,86)	$F(6; 1277)=5,82; p=0,016; \eta_p^2=0,005$
Finances	3,12 (0,88)	3,20 (0,77)	$F(6; 1303)=0,07; p=0,791; \eta_p^2<0,001$
Housing	3,40 (0,95)	3,54 (0,85)	$F(6; 1306)=2,52; p=0,113; \eta_p^2<0,001$
Mental health	3,67 (0,80)	3,72 (0,92)	$F(6; 1304)=0,40; p=0,527; \eta_p^2<0,001$
Physical health	3,54 (0,86)	3,67 (0,75)	$F(6; 1306)=1,79; p=0,181; \eta_p^2=0,001$
Education for your children	3,73 (0,86)	3,58 (0,90)	$F(6; 1231)=3,29; p=0,070; \eta_p^2=0,003$
Medical care	3,80 (0,82)	2,98 (0,94)	$F(6; 1280)=199; p<0,001; \eta_p^2=0,135$

Note: Five socio-demographic variables were controlled in univariate tests: age, education, occupational level, Jewish ethnicity, and level of religiosity.

References

1. Amit K. Social integration and identity of immigrants from western countries, the FSU and Ethiopia in Israel. *Ethnic and Racial Studies*, 2012. Vol. 35, no. 7, pp. 1287–1310.
2. Arpino B., de Valk H. Comparing life satisfaction of immigrants and natives across Europe: The role of social contacts. *Social Indicators Research*, 2018. Vol. 137, no. 3, pp. 1163–1184.
3. Baltatescu S. Subjective well-being of immigrants in Europe and their evaluation of societal conditions. an exploratory study. In L. Pop and C. Matiuță (Eds.), *European identity and free movement of persons in Europe*. University of Oradea Publishing House, Oradea, 2005, pp. 128–143.
4. Bartram D. Economic migration and happiness: Comparing immigrants' and natives' happiness gains from income. *Social Indicators Research*, 2011. Vol. 103, no. 1, pp. 57–76.
5. Diener E. R., Emmons R., Larsen R. et al. The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985. Vol. 49, no. 1, pp. 71–75.
6. Hendriks M. The happiness of international migrants: A review of research findings. *Migration Studies*, 2015. Vol. 3, no. 3, pp. 343–369.
7. Cooper J. Cognitive dissonance: 50 years of a classic theory. Sage, 2007.
8. Lönnqvist J.-E., Leikas S., Mähönen T.A. et al. The mixed blessings of migration: Life satisfaction and self-esteem over the course of migration. *European Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 45, pp. 496–514.
9. Massey D.A. Synthetic theory of international migration. In V. Iontsev (Ed.), *The world in the mirror of international migration*. Moscow, MAX Press, 2002. Vol. 10, pp. 143–153.
10. Mirsky J., Kohn R., Levav I. et al. Psychological distress and common mental disorders among immigrants: Results from the Israeli-based component of the World Mental Health Survey. *The Journal of Clinical Psychiatry*, 2008. Vol. 69, no. 11, pp. 1715–1720.
11. Neto F. Satisfaction with life among adolescents from immigrant families in Portugal. *Journal of Youth and Adolescence*, 2001. Vol. 30, no. 1, pp. 53–67.
12. OECD. How's Life? 2013: Measuring Well-being. OECD Publishing, 2013. 211 p.
13. Tartakovsky E., Walsh, S.D. Are some immigrants more equal than others? Applying a threat-benefit model to understanding the appraisal of different immigrant groups by the local population. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2019. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2019.1565402> (Accessed 1/6/21)
14. Tartakovsky E., Walsh, S. D. Factors affecting the psychological well-being of immigrants: the role of group self-appraisal, social contacts, and perceived ethnic density. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2020. Vol. 26, no. 4, pp. 592–603.
15. UNDP, United Nations Development Programme. Human Development Reports, 2020. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/2019-human-development-index-ranking> (Accessed 1/6/21)
16. Praag, B. van, Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A. The Anatomy of Subjective Well-being. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2003. Vol. 51, pp. 29–49.
17. Wei M., Heppner P. P., Mallen M. J. et al. Acculturative stress, perfectionism, years in the United States, and depression among Chinese international students. *Journal of Counseling Psychology*, 2007. Vol. 54, no. 4, pp. 385–394.

Information about the author

Eugene Tartakovsky, Ph.D., Associate Professor, Tel-Aviv University, the School of Social Work, Tel-Aviv, Israel. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3126-4124>, e-mail: etartakov@hotmail.com

Информация об авторе

Евгений Тарковский, доктор наук, профессор, Тель-Авивский университет, Тель-Авив, Израиль, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3126-4124>, e-mail: etartakov@hotmail.com

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021

Профили множественной социальной идентификации и отношения к представителям других наций россиян и болгар: кросс-культурный анализ

К. Носова (Велкова)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1865-928X>, e-mail: kristina.velkova@gmail.com

В статье рассматриваются латентные профили социальной идентификации и отношения к представителям других наций в культурных контекстах России и Болгарии с позиций личностно-ориентированного подхода. Методологию исследования составили модифицированные версии шкал социальных идентичностей из опросника MIRIPS и шкалы религиозной идентичности Веркайтена. В онлайн-социально-психологическом опросе приняли участие 234 россиянина (66% женщин, 60% в возрасте 30–49 лет) и 278 болгар (76% женщин, 45% в возрасте 18–29 лет). В результате латентного анализа профилей в России было выявлено четыре профиля (Интернационалисты, Индивидуалисты, Европейцы, Националисты), в то время как в Болгарии выявлено три латентных профиля (Индивидуалисты, Европейцы, Националисты). Несмотря на это, содержание профилей и особенности респондентов, вошедших в профили, оказались схожими. Националисты отличались сильной множественной идентификацией и негативными аттитюдами по отношению к представителям других наций, Индивидуалисты показали слабую множественную идентификацию и негативные аттитюды к представителям других наций, а Европейцы продемонстрировали очень сильную европейскую идентификацию и позитивные аттитюды к представителям других наций. Профиль Интернационалистов, который был обнаружен только среди россиян, характеризовался слабой множественной идентификацией и положительными аттитюдами к представителям других наций. Основной вывод исследования заключается в том, что существуют как межкультурные сходства, так и различия в характеристиках респондентов, вошедших в структуру каждого латентного профиля множественной социальной идентификации и отношения к представителям других наций.

Ключевые слова: множественная идентичность, межгрупповые установки, межгрупповые убеждения, анализ латентных профилей, посткоммунистические страны, Россия, Болгария.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитаты: Носова (Велкова) К. Профили множественной социальной идентификации и отношения к представителям других наций россиян и болгар: кросс-культурный анализ // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 92–106. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170411>

Profiles of Multiple Social Identification and Attitude to Representatives of Other Nations in Russians and Bulgarians: A Cross-Cultural Analysis

K. Nosova (Velkova)

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1865-928X>, e-mail: kristina.velkova@gmail.com

The paper explores latent profiles of social identification and attitudes to representatives of other nations in the cultural contexts of Russia and Bulgaria through the lens of personality-oriented approach. The research methodology included modified versions of social identity scales from the MIRIPS questionnaire

and Verkuyten's scale of religious identity. The online social psychological survey involved 234 Russians (66% females, 60% aged 30–49 years) and 278 Bulgarians (76% females, 45% aged 18–29). As a result, four latent profiles were identified in Russia (Internationalists, Individualists, Europeans, Nationalists) and three – in Bulgaria (Individualists, Europeans, Nationalists). Nevertheless, the content of the profiles as well as the features of the respondents constituting the profiles were similar. Nationalists displayed strong multiple identification and negative attitudes towards representatives of other nations; Individualists expressed weak multiple identification and negative attitudes towards representatives of other nations; Europeans demonstrated very strong European identification and positive attitudes towards representatives of other nations. The Internationalist profile was found only among the Russians and featured weak multiple identification and positive attitudes towards representatives of other nations. The paper concludes that there are both intercultural similarities and differences in the characteristics of the respondents that constitute each latent profile of multiple social identification and attitude to representatives of other nations.

Keywords: multiple identity, intergroup attitudes, intergroup prejudices, latent profile analysis, post-communist countries, Russia, Bulgaria.

Funding. The reported study was conducted within the framework of the HSE University Basic Research Program.

For citation: Nosova (Velkova) K. Profiles of Multiple Social Identification and Attitude to Representatives of Other Nations in Russians and Bulgarians: A Cross-Cultural Analysis. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 97–106. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170411> (In Russ.).

Введение

Социальная идентичность в значительной степени объясняет отношения между различными социальными группами [7; 10]. Принадлежность к социальным группам указывает на межгрупповые различия [7; 10], различия в восприятии [20] и на искажения личностных характеристик [11]. Также показана тенденция воспринимать членов аутгрупп менее благоприятно, чем членов ингрупп [7]. Членство в группе моделирует межгрупповые взаимодействия и аффекты: люди проявляют больше гнева и беспокойства по отношению к аутгруппам [22] и меньше доверяют им [12]. Такого рода дифференциация создает межгрупповые предубеждения, положительное отношение к членам своей группы и отрицательное отношение к «другим», одновременно способствуя сохранению этих предубеждений [10].

Кроме того, вариации в степени социальной идентификации также влияют на межгрупповые предубеждения, и более сильная идентификация с социальной группой приводит к увеличению потребности в позитивной дифференциации ингрупп от аутгрупп [16]. Это означает, что чем сильнее внутригрупповая социальная идентификация индивида, тем больше люди полагаются на свое членство в группе и активнее взаимодействуют с членами ингруппы.

Нужно отметить, что культурный фон играет роль в определении множественных групповых идентичностей. Так, важной особенностью межгрупповой динамики являются процессы множественной идентификации и варьирование категорий в мультикультурных контекстах, в том числе и отношении к представителям аутгрупп [9]. Личностные характеристики людей (такие как ценности, убеждения, нормы) непосредственно связаны с культурой, развиваются в процессе социализации и они, как культурные характеристики (этническая, национальная, религи-

озная принадлежность), передаются через общение в рамках естественных групп [23]. Более того, социальные группы отличаются своим уровнем инклюзивности и расширением охвата групповых категорий, оказывая положительное влияние на межгрупповые отношения [10]. Это означает, что межгрупповая предвзятость уменьшается, когда членов аутгрупп приписывают к более инклюзивным категориям, так как увеличивается персонализация самого взаимодействия.

С учетом существующих данных о связи между социальной идентификацией и межгрупповыми отношениями в настоящем исследовании основное внимание уделяется стратификации посткоммунистических обществ в зависимости от уровней социальной идентификации и отношения к членам других культурных и национальных групп как к членам аутгрупп. Однако на сегодняшний день в рамках посткоммунистических стран не применялся подход лично-ориентированного анализа идентификации и отношения к аутгруппам. В связи с этим исследование направлено на изучение профилей социальной идентификации и отношения к представителям других групп, обусловленных культурной и национальной принадлежностью. Исходя из соображений множественной социальной идентификации, в данной работе исследовались культурно обусловленные социальные идентичности с разной степенью инклюзивности: менее инклюзивные культурно специфические идентичности (национальная, религиозная, региональная) и более инклюзивные идентичности (советская/коммунистическая, европейская). Настоящее исследование проводилось в социокультурных контекстах России и Болгарии, представляющих собой два посткоммунистических общества, которые претерпели значительные культурные, политические и социальные изменения по-

сле распада Советского Союза и Варшавского блока и выбравшие различные траектории национального строительства.

Социокультурный контекст исследования

С одной стороны, у двух посткоммунистических обществ, рассматриваемых в настоящем исследовании (Россия и Болгария), ряд сходств. Хофстед определяет обе культуры высокими уровнями коллективизма, феминности, закрытости, дистанции власти, избегания неопределенности и долгосрочной ориентации [15]. Согласно кросскультурному анализу культурных ценностей, русская и болгарская культуры характеризуются одинаковыми уровнями Гармонии, Принадлежности, Иерархии, Мастерства, Автономии и Равноправия [24]. В качестве ведущих ценностей в российском обществе выступают Безопасность, Традиция, Власть и Достижение [18]; аналогичные уровни приверженности этим ценностям наблюдаются в посткоммунистических обществах, в том числе и в Болгарии [19].

С другой стороны, каждый из этих двух социокультурных контекстов имеет свои особенности. Так, например, российское мультикультурное общество пережило серьезные социальные изменения после распада Советского Союза, в том числе и трансформации социальной идентичности. Инклюзивную советскую идентичность заменили более узкие идентичности, такие как национальная, религиозная, региональная [13]. Однако советская идентичность остается важной частью множественной идентичности россиян [2]. В Болгарии, наоборот, посткоммунистическое болгарское общество отвергло коммунистическую идентичность из-за политического влияния и восприятия репрессивности коммунистического режима, несмотря на то, что идентичность отражала социалистические ценности. Множественная социальная идентичность болгар тоже перетерпела некоторые изменения, но они были направлены в основном на реконструкцию национальной идентичности вне исторических и политических рамок [17], а впоследствии и на дальнейшее расширение и модификацию множественной социальной идентичности в связи с членством страны в Европейском Союзе.

Теоретический подход и гипотезы исследования

Важно учитывать, что индивиды, принадлежащие к одной базовой популяции, могут отражать несколько субпопуляций, характеризующихся различными наборами групповых характеристик [21]. По этой причине в настоящем исследовании использовался анализ латентных профилей (LPA), который нацелен на выявление относительно однородных субпопуляций (профилей) респондентов, представляющих различные конфигурации показателей, как

в качественном, так и в количественном отношении. Характерная особенность этого метода анализа заключается в том, что количество и характер профилей изначально неизвестны и должны быть выведены из данных. Цель построения моделей латентных профилей состоит в том, чтобы найти решение с достаточным количеством профилей и выявить как различные структуры ответов между различными профилями, так и относительно однородные ответы внутри каждого профиля [8].

Учитывая специфику метода анализа латентных профилей, цель исследования и существующие данные относительно связей между социальной идентификацией и отношением к представителям других групп, мы выдвинули следующие гипотезы.

Г1. У респондентов с выраженными культурно-специфическими идентичностями (национальной, религиозной, региональной) будет более негативное отношение к представителям других наций в обеих странах.

Г2. У респондентов со слабовыраженными культурно-специфическими идентичностями (национальной, религиозной, региональной) будет более позитивное отношение к представителям других наций в обеих странах.

Г3. У респондентов с выраженными инклюзивными идентичностями (советской/коммунистической, европейской) будет более позитивное отношение к представителям других наций в обеих странах.

Выборка

Исследование проводилось в форме онлайн-опроса, в котором приняли участие 512 респондентов, в том числе 234 россиянина и 278 болгар. Основные характеристики выборки по странам представлены в табл. 1.

Процедура и инструментарий

Все участники заполнили анкету, размещенную в социальных сетях и на онлайн-платформе anketolog.ru. Анкета включала социально-демографические показатели (пол, возраст, уровень образования, религиозная принадлежность), показатели идентификации и отношения к представителям других наций (Россия / Болгария, Сербия, Украина, Германия, Америка, Китай, Сирия). Инструменты были переведены на русский и болгарский соответственно, с использованием метода прямого и обратного перевода; перевод был выполнен двумя независимыми экспертами. Также до проведения опросов в обеих странах инструментарий был валидизирован.

Для измерения степени социальной идентификации в анкете использовались шкалы из опросника «Взаимные межкультурные отношения в поликультурных обществах» (MIRIPS) (<http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>), переведенные на русский

Социально-демографические характеристики выборок в России и Болгарии

Социально-демографические характеристики		Россия		Болгария	
		п	%	п	%
Пол	Мужчина	80	34,2	68	24,5
	Женщина	154	65,8	210	75,5
Возраст	18–29	66	28,2	124	44,6
	30–49	140	59,8	112	40,3
	50+	28	12	42	15,1
Религия	Православие	133	56,8	201	72,3
	Атеизм	80	34,2	57	20,5
	Другое	21	8	20	7,2
Образование	Основное	2	0,9	0	0
	Среднее общее	20	8,5	47	16,9
	Среднее специальное	32	13,7	28	10,1
	Высшее	158	67,5	189	68
	Ученая степень	22	9,4	14	5

язык и адаптированные для использования в России [4], и модификация шкалы религиозной идентичности Веркайтена [25].

Шкала национальной идентичности состояла из восьми пунктов, например: «Я счастлив быть частью русской культуры» ($\alpha=0,91$ – в России; $\alpha=0,88$ – в Болгарии).

Советская/коммунистическая идентичность представляла собой модификацию шкалы национальной идентификации и также состояла из восьми пунктов, например: «Я горжусь тем, что я советский человек/коммунист» ($\alpha=0,92$ – в России; $\alpha=0,90$ – в Болгарии).

Религиозная идентичность измерялась шестью пунктами, например: «Я сильно отождествляю себя с христианами» ($\alpha=0,98$ – в России; $\alpha=0,97$ – в Болгарии).

Шкалы региональной (например: «Я ощущаю сильное чувство принадлежности к месту, где я родился/ась») и европейской (например: «Я чувствую сильную привязанность к Европе») идентичности представляли собой модификации шкалы религиозной идентичности ($\alpha=0,94$ – в России; $\alpha=0,96$ – в Болгарии; $\alpha=0,94$ – в России; $\alpha=0,94$ – в Болгарии соответственно).

Отношение к представителям других наций измерялось при помощи аффективных оценок и уровня воспринимаемой социальной дистанции.

Для измерения аффективных оценок участники указали, насколько им симпатичны представители предложенных национальных групп по шкале от 1 – «совсем не симпатичны» до 5 – «очень симпатичны». В целях исследования использовалась средняя обобщенная оценка, включающая индивидуальные оценки каждого респондента по отношению ко всем представителям других наций ($\alpha=0,89$ – в России; $\alpha=0,77$ – в Болгарии).

Воспринимаемая социальная дистанция измерялась с помощью шкалы социальной дистанции Богардуса, переведенной на русский язык [6], где участники указали свою готовность принять представителей других стран, рассматривая 7 вариантов

ответа, варьирующихся по степени близости контактов: от «В качестве членов моей семьи» до «Вообще не допускал бы в Россию/Болгарию» ($\alpha=0,93$ – в России; $\alpha=0,89$ – в Болгарии).

Статистическая обработка данных

Полученные данные были проанализированы с использованием описательной статистики, коэффициента надежности-согласованности альфа Кронбаха, корреляционного анализа, многофакторного дисперсного анализа при помощи программного обеспечения SPSS 23. Также был проведен анализ латентных профилей [21] на основе степени социальной идентификации и отношения к представителям других народов, с использованием метода максимального правдоподобия (MLR), доступного в Mplus 7.11. Модели для обеих стран были оценены с использованием 5000 случайных наборов начальных значений с 100 итерациями.

Результаты

Средние значения, стандартные отклонения и корреляции переменных представлены в табл. 2.

Для проверки гипотез исследования были построены четыре модели по данным каждой страны с разным количеством латентных профилей (от двух до пяти). Оптимальная модель латентных профилей для российской выборки показала, что россияне в выборке относятся к четырем профилям. Четырех-профильная латентная модель показала более низкие значения Байесовского информационного критерия с поправкой на размер выборки (SSBIC=4691,55) и значения параметрического теста отношения правдоподобия для k-1 (H0) vs. k классов (BLRT=61,07; $p<0,001$) по сравнению с другими моделями и значимые показатели тестов отношения правдоподобия (VLMR=61,07; $p<0,05$; adj. LMR=59,70; $p<0,05$).

Результаты, приведенные в табл. 3, показывают, что в каждом из профилей имеется достаточное количество случаев в диапазоне от 37 до 73.

Оптимальная модель латентных профилей для болгарской выборки состояла из трех профилей. Трех-профильная латентная модель показала более низкие значения Байесовского информационного критерия с поправкой на размер выборки (SSBIC=5331,28) и значения параметрического теста отношения правдоподобия для $k-1$ (H_0) vs. k классов (BLRT=73,81; $p<0,001$) по сравнению с другими моделями и значимые показатели тестов отношения правдоподобия (VLMR=73,81; $p<0,05$; adj. LMR=72,20; $p<0,05$). Результаты, приведенные в табл. 3, показывают, что в каждом из профилей имеется достаточное количество случаев в диапазоне от 42 до 189.

Апостериорные вероятности (в России [1,00–0,86], в Болгарии [1,00–0,90]) показали, что люди принадлежат к назначенным им профилям и классы в обеих моделях отличаются друг от друга (табл. 4).

Результаты межпрофильного многофакторного дисперсионного анализа указали на то, что в целом существуют значимые различия между профилями по используемым классификационным переменным. Значимые различия наблюдались: в России – по отношению к национальной идентичности ($F(3, 230)=25,48$; $p<0,001$), советской идентичности ($F(3, 230)=26,09$; $p<0,001$), европейской идентичности ($F(3, 230)=4,45$; $p<0,01$), региональной идентичности ($F(3, 230)=173,72$; $p<0,001$), религиозной идентичности ($F(3, 230)=40,72$; $p<0,001$), аффективными оценкам ($F(3, 230)=26,05$; $p<0,001$) и воспринимаемой социальной дистанции ($F(3, 230)=210,38$; $p<0,001$); в Болгарии – по отношению к национальной идентичности ($F(2, 275)=23,94$; $p<0,001$), советской идентичности ($F(2, 275)=2,09$; $p>0,05$), европейской идентичности ($F(2, 275)=11,49$; $p<0,001$), региональной идентичности ($F(2, 275)=212,99$; $p<0,001$), религиозной идентичности ($F(2, 275)=24,69$; $p<0,001$), аффективными оценкам ($F(2, 275)=25,06$; $p<0,001$) и воспринимаемой социальной дистанции ($F(2, 275)=186,58$; $p<0,001$).

В результате проведенного анализа были выделены 4 профиля россиян и 3 профиля болгар (рис. 1 и 2). В России профили имели следующие характеристики.

Профиль 1 ($n=37$) включает респондентов, у которых слабая идентификация со всеми категориями (национальной, советской, европейской, региональной и религиозной), но позитивные аффективные оценки представителей других наций и низкая воспринимаемая дистанция с ними. Этот профиль был назван «Интернационалисты».

Профиль 2 ($n=58$) состоит из респондентов, у которых сильная идентификация с государством, Европой и регионом, средние уровни идентификации с советским прошлым и религией, позитивные аффективные оценки представителей других наций и низкая воспринимаемая дистанция с ними. Они получили название «Европейцы».

Профиль 3 ($n=73$) составили те респонденты, у которых не сильно выражена идентификация со все-

ми групповыми идентичностями, более негативные аффективные оценки представителей других наций и высокая воспринимаемая дистанция с ними. Они были названы «Индивидуалисты».

Профиль 4 ($n=66$) включает тех респондентов, у которых сильная идентификация с государством, советским прошлым, регионом и религией, низкие уровни идентификации с Европой, более негативные аффективные оценки представителей других наций и высокая воспринимаемая дистанция с ними. Они были названы «Националисты».

Три профиля болгар были охарактеризованы следующим образом.

Профиль 1 ($n=47$) составили те респонденты, у которых слабо выражена идентификация со всеми групповыми идентичностями, более негативные аффективные оценки представителей других наций и высокая воспринимаемая дистанция с ними. Как и третий профиль российской выборки, они были названы «Индивидуалисты».

Профиль 2 ($n=189$) включает тех респондентов, у которых сильная идентификация с государством, регионом и религией, средние уровни идентификации с Европой и слабая коммунистическая идентичность. Кроме того, респонденты, вошедшие в этот профиль, показали более негативные аффективные оценки представителей других наций и высокую воспринимаемую дистанцию с ними. Похоже на русских, которые составили Профиль 4, они были названы «Националисты».

Профиль 3 ($n=42$) состоит из респондентов, у которых сильная идентификация с государством, Европой и регионом, религией, низкий уровень коммунистической идентификации, позитивные аффективные оценки представителей других наций и низкая воспринимаемая дистанция с ними. На основе их сходства с россиянами из второго профиля они были названы «Европейцы».

Обсуждение результатов

Данное исследование было направлено на изучение латентных профилей идентификации и отношения к представителям других наций в России и Болгарии с применением личностно-ориентированного подхода. Важно отметить, что полученные результаты соответствуют теории социальной категоризации и сильная групповая (культурно специфическая) идентификация сочеталась с менее позитивным отношением к другим [7; 10]. Кроме того, поскольку категории более высокого уровня более инклюзивны, чем категории более низкого уровня, наблюдались различные аттитюды к представителям других наций в сочетании с принадлежностью к определенной группе [10].

Представленные результаты свидетельствуют о том, что россияне могут быть классифицированы по одному из четырех профилей – Интернационалисты, Европейцы, Индивидуалисты, Националисты, в то время как болгары могут быть классифицированы

Таблица 2

Описательные статистики и корреляции между переменными в России и Болгарии

	Россия										Болгария					
	M	SD	1	2	3	4	5	6	M	SD	1	2	3	4	5	6
	1. Национальная идентичность	3,64	0,88	1						4,24	0,69	1				
2. Советская идентичность	3,16	0,93	0,35***	1					2,03	0,80	-0,20	1				
3. Европейская идентичность	2,71	1,06	-0,4	-0,21**	1				3,39	1,12	0,75	-0,19**	1			
4. Региональная идентичность	3,36	1,04	0,41***	0,39***	0,9	1			3,80	1,18	0,43***	-0,02	0,17**	1		
5. Религиозная идентичность	2,77	1,30	0,50***	0,29***	0,04	0,47***	1		3,31	1,31	0,36***	0,03	0,15*	0,35***	1	
6. Аффективные оценки	3,09	0,94	0,06	-0,15*	0,20**	-0,12	-0,11	1	3,18	0,73	0,01	0,04	0,10	-0,05	-0,09	1
7. Социальная дистанция	3,71	1,67	0,12	0,31***	-0,15*	0,22**	0,24***	-0,53***	4,57	1,35	0,04	0,01	-0,06	0,11	0,11	-0,44***

Примечание: *» – $p < 0,05$; **» – $p < 0,01$; ***» – $p < 0,001$; M – среднее значение, SD – стандартное отклонение.

Таблица 3

Результаты анализа латентных профилей в России и Болгарии: показатели соответствия, тесты отношения правдоподобия и распределение членов в каждом латентном профиле по странам

Профили	Показатели соответствия				Тесты отношения правдоподобия				Распределение членов в профиле				
	AIC	BIC	SSBIC	En	VLMR	Adj, LMR	BLRT	1	2	3	4	5	
Россия													
Два	4775,13	4851,15	4781,42	0,75	196,57**	192,16**	196,57***	88	146				
Три	4725,77	4829,42	4734,34	0,80	65,37	63,90	65,37***	72	127	35			
Четыре	4680,69	4811,99	4691,55	0,80	61,07*	59,70*	61,07***	37	58	73	66		
Пять	4653,32	4812,26	4666,46	0,81	43,37	42,40	43,37***	36	36	69	65	28	
Болгария													
Два	5375,38	5455,19	5385,43	0,82	151,79*	148,49*	151,79***	51	227				
Три	5317,57	5426,40	5331,28	0,86	73,81*	72,20*	73,81***	47	189	42			
Четыре	5286,02	5423,87	5303,38	0,85	47,55	46,52	47,55***	39	187	14	38		
Пять	5271,07	5437,94	5292,08	0,85	30,95	30,27	30,95***	14	39	11	39	175	

Примечание: *» – $p < 0,05$; **» – $p < 0,01$; ***» – $p < 0,001$; AIC – информационный критерий Акайке; BIC – Байесовский информационный критерий; SSBIC – Байесовский информационный критерий; En – тест отношения правдоподобия Вунга–Ло–Менделла–Рубина для классов k-1 (H0) и k; Adj, LMR – скорректированный тест отношения правдоподобия Ло–Менделла–Рубина; BLRT – параметрический тест отношения правдоподобия для классов k-1 (H0) и k.

Таблица 4

Средние апостериорные вероятности, связанные с четырехпрофильной моделью в России и трехпрофильной моделью в Болгарии

Профили	1	2	3	4
Россия				
1	0,94	0,03	0,04	0,00
2	0,02	0,92	0,03	0,03
3	0,01	0,03	0,86	0,10
4	0,00	0,02	0,12	0,87
Болгария				
1	0,91	0,06	0,02	
2	0,03	0,95	0,03	
3	0,01	0,05	0,94	

Латентные профили россиян

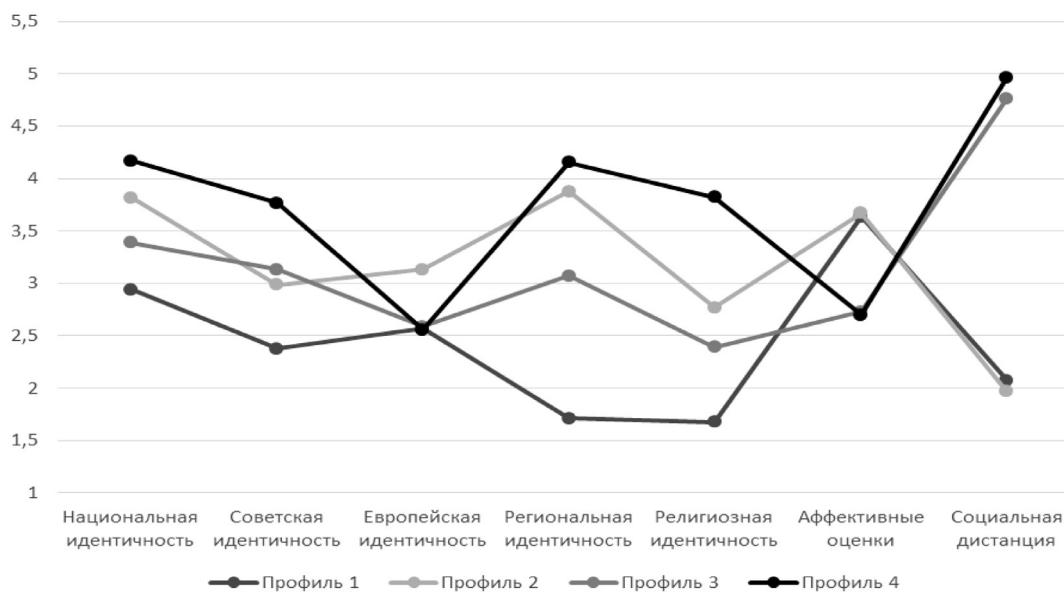

Рис. 1. Профили идентификации и отношения к представителям других наций в России

Латентные профили болгар

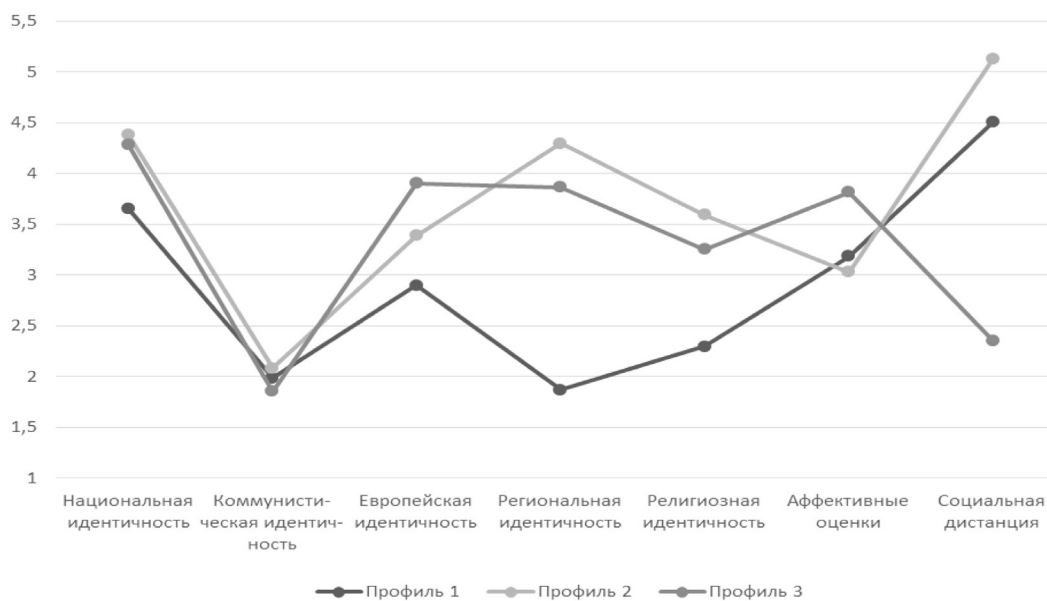

Рис. 2. Профили идентификации и отношения к представителям других наций в Болгарии

по трем профилям — Европейцы, Индивидуалисты, Националисты.

Анализ продемонстрировал, что латентные профили представителей двух стран имеют свои количественные различия; однако с точки зрения качественных характеристик различные аспекты идентификации и межгрупповые отношения имеют некоторые сходные паттерны. В целом, ожидания относительно связи между категориями идентичности с разным уровнем инклюзивности и отношением к аутгруппам подтвердились. Так, профиль Националистов характеризовался высоким уровнем культурно обусловленной множественной идентичности и высокий уровень идентификации с культурно специфическими социальными идентичностями (национальная, региональная, религиозная идентичности) выступил вместе с менее позитивным отношением к внешним группам, подтверждая гипотезу 1. Здесь следует подчеркнуть, что содержание профиля Националистов показало также некоторые межкультурные особенности, связанные со специфической корреляционной структурой множественной идентичности в России и Болгарии.

Важно отметить, что большая часть болгарской выборки попала в профиль Националистов. С одной стороны, такие результаты могут быть связаны с тем, что в болгарском обществе популярна идея национального и территориального единства еще со времен поствоенного развития страны после освобождения от Османского рабства [1]. С другой стороны, в современном болгарском обществе широко распространены «семейный патриотизм», отражающий сильную принадлежность к семье и местным общинам [3], а также наблюдается высокий уровень национальной идентификации в целом [9].

Несмотря на культурное сходство двух стран [15; 19; 24], наблюдались различия в профилях идентификации и отношении к представителям других наций. Профиль Интернационалистов в России был охарактеризован относительно низкой и умеренной идентификацией со всеми категориями и более позитивным отношением к представителям других наций. Спецификация этого профиля частично подтвердила вторую гипотезу, так как такой профиль отсутствовал у болгар. Такие результаты могут быть связаны с эффектом мультикультурализма: полиэтническая среда России способствует расширению российского сознания до принятия людей всех наций [5].

Профиль Европейцев характеризовался относительно высоким и умеренным уровнем культурно обусловленной множественной идентичности, но уровень европейской идентификации был самым высоким по сравнению со всеми остальными профилями в обеих странах. Более того, высокие уровни идентификации с более инклюзивной со-

циальной идентичностью (т. е. европейской идентичностью) сочетались с более позитивным отношением к внешним группам, подтверждая третью гипотезу. Таким образом, результаты соответствуют существующей теории о взаимосвязи инклюзивности социальной идентичности и межгрупповых отношений [10].

Наконец, следует подчеркнуть, что в обеих выборках были обнаружены свидетельства присутствия Индивидуалистов, которые не идентифицируют себя сильно с культурно обусловленной множественной социальной идентичностью и не проявляют позитивное отношение к членам других национальных групп. Несмотря на то, что обе культуры коллективистские, в современном обществе наблюдается тенденция к индивидуализации в связи с процессами глобализации. Кроме того, исследования в периоде посткоммунистического развития России и Болгарии подтвердили приверженность представителей этих стран индивидуалистическим ценностям [14].

Исследование вносит значительный вклад в существующую теорию, поскольку оно предлагает важные идеи об идентификации и межгрупповых отношениях в посткоммунистическом и постсоветском культурных контекстах. Однако следует отметить также наличие нескольких ограничений. В первую очередь, нужно поставить вопрос об объеме выборки и стратегии привлечения респондентов. Поскольку выборка была ограничена по размеру и представляет собой выборку согласных (*convenient sample*), полученные результаты нельзя обобщать. Для обобщения полученных результатов следует провести дальнейшие исследования с привлечением более крупной выборки, так как большие выборки могут выявить больше профилей идентификации и межгрупповых отношений.

Выводы

Данное исследование показало, что анализ латентных профилей может быть применен к процессам социальной идентификации и межгрупповых отношений. Кроме того, полученные профили, отражающие национальную, региональную, религиозную, европейскую и советскую/коммунистическую идентичности и аттитюды по отношению к представителям других наций продемонстрировали значимые различия в распределении переменных. Также результаты указали на то, что исследование закономерности переменных имеет место быть в современной науке, создает новые перспективы в разработке теории и позволяет сделать определенные выводы в сфере идентификации и межгрупповых отношений.

Литература

1. Велев Г. Национализъм [Национализм]. София: Знание, 2005. С. 400.

References

1. Velev G. Natsionalizmut [The Nationalism]. Sofia: Znanie, 2005. 400 p. (In Bul.)

2. Головашина О.В. Образ Советского Союза в социальной памяти современных россиян (на материалах эмпирического исследования) [Электронный ресурс]. 2013, 11(057). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sovetskogo-soyuza-v-sotsialnoy-pamyati> (дата обращения: 15.08.2021).
3. Коцева Т., Димитрова Е. Визии за демографския проблем в България след 1990 г.: Пронатализъм и социална политика. [Образ демографической проблемы в Болгарии после 1990 г.: Пронатализм и социальная политика]. София: Проф. Марин Дринов, 2014. С.175.
4. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М.: РУДН, 2009.
5. Литвинцева Г.Ю., Пашедко Ю.М. Русская культура как основа национальной идентичности // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11(1). С. 31–33. DOI: 10.23670/IRJ.2017.65.018
6. Панина Н.Б. Социологический мониторинг. Украинское общество 1994–2005: год перелома. Киев, 2005.
7. Brewer M.B. Ingroup identification and intergroup conflict: When does ingroup love become outgroup hate? // Rutgers series on self and social identity: Social identity, intergroup conflict, and conflict reduction. Vol. 3 / R.D. Ashmore, L. Jussim, D. Wilder (Eds.). London: Oxford University Press, 2001. P. 17–41.
8. Collins L., Lanza S. Topic Index // In Latent Class and Latent Transition Analysis: With Applications in the Social, Behavioral, and Health Sciences. 2010. DOI:10.1002/9780470567333.indsub
9. Dimitrova R., Chasiotis A., Bender M., van de Vijver F.J. Collective identity and well-being of Bulgarian Roma adolescents and their mothers // J Youth Adolesc. 2014. Vol. 43. № 3. P. 75–86. DOI:10.1007/s10964-013-0043-1
10. Dovidio J.F., Gaertner S.L., Kafati G. Group identity and intergroup relations: The common in-group identity model / S.R. Thye, E.J. Lawler, M.W. Macy, H.A. Walker (Eds.) // Advances in Group Processes. Stamford, CT: JAI, 2000. Vol. 17. P. 1–34. DOI:10.1016/S0882-6145(00)17002-X
11. Fiske S.T., Taylor S.E. Social Cognition: From Brains to Culture (2/e). London: Sage, 2013.
12. Foddy M., Platow M.J., Yamagishi T. Group-Based Trust in Strangers: The Role of Stereotypes and Expectations // Psychological Science. 2009. Vol. 20. № 4. P. 419–422. DOI:10.1111/j.1467-9280.2009.02312.x
13. Galyapina V., Lebedeva N., van de Vijver F.A. A three-generation study of acculturation and identity of the Russian minority in the Republic of North Ossetia–Alania // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. № 49. P. 976–992. DOI:10.1177/0022022118767578
14. Hampden-Turner Ch., Trompenaars F. Building cross-cultural competence: How to create wealth from conflicting values. Chichester: John Wiley and Sons Ltd, 2000. 388p.
15. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival. USA: McGraw-Hill, 2010.
16. Jetten J., Spears R., Postmes T. Intergroup Distinctiveness and Differentiation: A Meta-Analytic Integration // Journal of personality and social psychology. 2004. Vol. 86. P. 862–879. DOI:10.1037/0022-3514.86.6.862
17. Kaneva N., Popescu D. National Identity Lite: Nation Branding in Post-Communist Romania and Bulgaria // International Journal of Cultural Studies. 2011. № 14. P. 191–207. DOI:10.1177/1367877910382181
18. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Basic Values in Russia: Their Dynamics, Ethnocultural Differences, and Relation to
2. Golovashina O.V. Obraz Sovetskogo Soyuz v social'noy pamyati sovremennyh rossiyan (na materialah empiricheskogo issledovaniya) [Electronnyi resurs][Image of the Soviet Union in social memory of Russians (on materials of empirical research)]. *Social'no-ekonomicheskiye yavleniya i process* [Socioeconomic phenomena and processes], 2013. Vol. 11, no. 057. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sovetskogo-soyuza-v-sotsialnoy-pamyati> (Accessed 15.08.2021). (In Russ.)
3. Kotzeva T., Dimitrova E. Vizii za demografskiya problem v Bulgaria sled 1990g.: Pronatalizum i socialna politika. [Vision of the demographic problem in Bulgaria after 1990: Pronatalism and social policy]. Sofia: University Press Prof. Marin Drinov, 2014.175 p. (In Bul.)
4. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya migrantov i primimaiyushego naseleniya Rossii [Strategies of intercultural interaction of migrants and host society in Russia]. Moscow: RUDN, 2009. (In Russ.)
5. Litvintseva G.O., Pashedko Yu. M. Russkaya kul'tura kak osnova nacional'noy identichnosti [Russian culture as a base for national identity]. *Mezhdunarodniy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International research journal], 2017. Vol. 11, no. 1, pp. 31–33. DOI:10.23670/IRJ.2017.65.018 (In Russ.)
6. Panina N.B. Sociologicheskii monitoring. Ukrainское obschestvo 1994–2005: god pereloma [Sociological monitoring. Ukrainian society between 1994 and 2005: the year of breakdown]. Kiev, 2005. (In Russ.)
7. Brewer M.B. Ingroup identification and intergroup conflict: When does ingroup love become outgroup hate? In Ashmore R.D. (eds.), *Rutgers series on self and social identity: Social identity, intergroup conflict, and conflict reduction*, 2001. Vol. 3, pp. 17–41.
8. Collins L., Lanza S. Topic Index. *Latent Class and Latent Transition Analysis: With Applications in the Social, Behavioral, and Health Sciences*, 2010. DOI:10.1002/9780470567333.indsub
9. Dimitrova R., Chasiotis A., Bender M., van de Vijver F.J. Collective identity and well-being of Bulgarian Roma adolescents and their mothers. *J Youth Adolesc.*, 2014. Vol. 43, no. 3, pp. 375–86. DOI:10.1007/s10964-013-0043-1
10. Dovidio J.F., Gaertner S.L., Kafati G. Group identity and intergroup relations: The common in-group identity model. In Thye S.R. (eds.), *Advances in Group Processes*, 2000. Vol. 17, pp. 1–34. DOI:10.1016/S0882-6145(00)17002-X
11. Fiske S.T., Taylor S.E. *Social Cognition: From Brains to Culture (2/e)*. London: Sage, 2013.
12. Foddy M., Platow M. J., Yamagishi T. Group-Based Trust in Strangers: The Role of Stereotypes and Expectations. *Psychological Science*, 2009. Vol. 20, no. 4, pp. 419–422. DOI:10.1111/j.1467-9280.2009.02312.x
13. Galyapina V., Lebedeva N., van de Vijver F. A three-generation study of acculturation and identity of the Russian minority in the Republic of North Ossetia–Alania. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2018, no. 49, pp. 976–992. DOI:10.1177/0022022118767578
14. Hampden-Turner Ch., Trompenaars F. Building cross-cultural competence: How to create wealth from conflicting values. Chichester: John Wiley and Sons Ltd. 2000. 388 p.
15. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival. USA: McGraw-Hill, 2010.
16. Jetten J., Spears R., Postmes T. Intergroup Distinctiveness and Differentiation: A Meta-Analytic Integration. *Journal of personality and social psychology*, 2004. Vol. 86, pp. 862–79. DOI:10.1037/0022-3514.86.6.862

Economic Attitudes // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2018. Vol. 11. № 3. P. 36–52.

19. Magun V., Rudnev M. Basic human values of Russians: both different from and similar to other Europeans // *Sociology. SOC. Высшая школа экономики*. 2013. № WP BRP 23SOC2013.

20. Molenberghs P. The Neuroscience of In-group Bias // *Neuroscience and biobehavioral reviews*. 2013. Vol. 37. DOI:10.1016/j.neubiorev.2013.06.002

21. Muthén B.O. Beyond SEM: General latent variable modeling // *Behaviormetrika*. 2002. Vol. 29. № 1. P. 81–117. DOI:10.2333/bhmk.29.81

22. Plant E.A., Butz D.A., Tartakovsky M. Interethnic interactions: Expectancies, emotions, and behavioral intentions // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2008. Vol. 11. № 4. P. 555–574. DOI:10.1177/1368430208095827

23. Rouchy J.C. Cultural Identity and Groups of Belonging // *Group*. 2002. Vol. 26. № 3. P. 205–217.

24. Schwartz S.H. The 7 Schwartz cultural value orientation scores for 80 countries [Электронный ресурс]. URL:https://www.researchgate.net/publication/304715744_The_7_Schwartz_cultural_value_orientation_scores_for_80_countries, 2008 (дата обращения: 15.08.2021).

25. Verkuyten M. Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2007. Vol. 10. № 3. P. 341–357. DOI:10.1177/1368430207078695

17. Kaneva N., Popescu D. National Identity Lite: Nation Branding in Post-Communist Romania and Bulgaria. *International Journal of Cultural Studies*, 2011, no. 14, pp. 191–207. DOI:10.1177/1367877910382181

18. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Basic Values in Russia: Their Dynamics, Ethnocultural Differences, and Relation to Economic Attitudes. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2018. Vol. 11, no. 3, pp. 36–52.

19. Magun V., Rudnev M. Basic human values of Russians: both different from and similar to other Europeans. *Sociology. SOC. Higher School of Economics*, 2013, no. WP BRP 23SOC2013

20. Molenberghs P. The Neuroscience of In-group Bias. *Neuroscience and biobehavioral reviews*, 2013. Vol. 37. DOI:10.1016/j.neubiorev.2013.06.002

21. Muthén B. O. Beyond SEM: General latent variable modeling. *Behaviormetrika*, 2002. Vol. 29, no. 1, pp. 81–117. DOI:10.2333/bhmk.29.81

22. Plant E.A., Butz D.A., Tartakovsky M. Interethnic interactions: Expectancies, emotions, and behavioral intentions. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2008. Vol. 11, no. 4, pp. 555–574. DOI:10.1177/1368430208095827

23. Rouchy J.C. Cultural Identity and Groups of Belonging. *Group*, 2002. Vol. 26, no. 3, pp. 205–217.

24. Schwartz S.H. The 7 Schwartz cultural value orientation scores for 80 countries [Электронный ресурс], 2008. URL:https://www.researchgate.net/publication/304715744_The_7_Schwartz_cultural_value_orientation_scores_for_80_countries. (Accessed 15.08.2021)

25. Verkuyten M. Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2007. Vol. 10, no. 3, pp. 341–357. DOI:10.1177/1368430207078695

Информация об авторах

Носова (Велкова) Кристина, аспирант, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1865-928X>, e-mail: krisstina.velkova@gmail.com

Information about the authors

Nosova (Velkova) Kristina, PhD Student, Research Intern, Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1865-928X>, e-mail: krisstina.velkova@gmail.com

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021

ДИСКУССИИ И ДИСКУРСЫ
DISCUSSIONS AND DISCOURSES

К проблеме социальной обусловленности орудийного поведения высших животных: структура и особенности «социальных контекстов»

Е.Ю. Федорович

Школа антропологии будущего, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО ИОН «РАНХиГС»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6596-1262>, e-mail: labzoo_fedorovich@mail.ru

Е.Е. Соколова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2239-0858>, e-mail: ees-msu@mail.ru

Статья посвящена обзору и критическому анализу с позиций школы Л.С. Выготского—А.Н. Леонтьева современных исследований, раскрывающих значимость социальных, или групповых, взаимодействий («социальных контекстов») для формирования и сохранения в ряду поколений орудийного поведения у животных, а именно роль «умелых» членов группы, прежде всего материнских особей, а также артефактов орудийной деятельности. Вместе с тем показано, что новые данные не опровергают положения культурно-деятельностной психологии о принципиальном отличии социальной обусловленности орудийной деятельности животных от таковой у человека: «умелые» животные, в отличие от человека, целенаправленно не обучают и не поощряют попытки построения новичками действий с орудием, детеныши животных не обращаются за помощью и поддержкой при осуществлении данных действий, а артефакты воспринимаются животными прежде всего в своих физических характеристиках, в отличие от человеческих детей, присваивающих в онтогенезе общественно обусловленный способ их использования.

Ключевые слова: орудийное поведение животных, культура, социальное научение, артефакты, онтогенетическая ниша, культурно-деятельностная психология.

Финансирование. Работа Е.Е. Соколовой поддержана грантом Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00028.

Для цитаты: Федорович Е.Ю., Соколова Е.Е. К проблеме социальной обусловленности орудийного поведения высших животных: структура и особенности «социальных контекстов» // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 107–116. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170412>

On the Problem of Social Determination of Tool Behavior of Higher Animals: Structure and Features of "Social Contexts"

Elena Yu. Fedorovich

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6596-1262>, e-mail: labzoo_fedorovich@mail.ru

CC BY-NC

Elena E. Sokolova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2239-0858>, e-mail: ees-msu@mail.ru

The article provides a review and critical analysis of recent primate wild population research revealing the significance of social interactions ("social contexts") for the development and maintenance of tool behavior in animals from the perspective of the Vygotsky – Leontiev school. As social contexts, we consider the role of "skilled" group members, primarily maternal individuals, as well as artifacts of animal tool activity. We argue that these new data don't contradict the main statements of cultural and activity psychology regarding the fundamental differences between the psychological mechanisms underlying the process of social determination of animal and humans tool activity: namely, "skilled" animals, unlike humans, do not teach or encourage intentionally the attempts of naive individuals to develop tool actions, nor form their specific ways of handling tools; young primates do not seek help and support in acquiring and performing these actions. In addition, artifacts are perceived by animals primarily as preferred objects that have certain physical characteristics, for example, for extracting food, in contrast to human children, who adopt socially accepted techniques for handling them.

Keywords: tool behavior of animals, culture, social learning, artifacts, ontogenetic niche, cultural and activity psychology.

Funding. Elena E. Sokolova's work on this article is supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00028.

For citation: Fedorovich E.Yu., Sokolova E.E. On the Problem of Social Determination of Tool Behavior of Higher Animals: Structure and Features of "Social Contexts". *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 107–116. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170412> (In Russ.).

Введение

В истории человекознания чередовались периоды, когда человека то рассматривали как принципиально иное — по сравнению с животными — существо, требующее поэтому особых методов изучения, то, наоборот, считали возможным прямо сравнивать с «прочими животными». Сейчас «в моде» последняя тенденция: нередко ученые, обращающиеся к области сравнительной психологии, считают возможным на основании изучения тех или иных видов *поведения* животных видеть в них свидетельства проявления, пусть и в более простой форме, сознания, языка, культуры, нравственных качеств человека. Склонность искать и находить за внешне сходным поведением аналогичные психологические (или, более узко, когнитивные) механизмы поддерживается доминирующей за рубежом со времен Ч. Дарвина антропоцентрической парадигмой сравнительных исследований, предполагающей лишь количественные отличия между человеком и животными, что ярко проявляется в практически повсеместном использовании в англоязычных журналах таких терминов, как «human animals» (для обозначения людей), «nonhuman animals», «animals, other than humans» (для обозначения животных).

На основе критического анализа современных исследований в основном зарубежных коллег, посвященных сравнительно-психологическому изучению «языка» и «культуры» у животных, мы пытались в предыдущих работах [5; 6] показать качественные отличия этих феноменов от языка и культуры человека. В отношении языка мы увидели эту разницу в невоз-

можности использования животными языковых символов в функции произвольного управления своим поведением, в отношении культуры — в отсутствии у животных единства субъект-объектных и субъект-субъектных отношений в их «культурном» поведении.

Между тем в ряде современных исследований стали накапливаться данные, которые вроде бы опровергают последнюю мысль. Речь идет об орудийной деятельности животных, становление и поддержание в ряду поколений которой у индивидов, как оказалось, незначительны к «социальным контекстам», т. е. обусловлены социальными (или, как предпочитают говорить в отечественной психологии, групповыми) отношениями между животными, а также использованием тех или иных орудий членами группы в прошлом и настоящем и, как результат этого, наличием относящихся к ним «артефактов». Учитывая доступные на сегодня данные о поведении животных в природе и руководствуясь методологическими принципами культурно-деятельностной психологии школы Л.С. Выготского—А.Н. Леонтьева, мы предполагаем в настоящей статье показать, что за внешне сходными явлениями социальной обусловленности орудийной деятельности у животных и человека лежат принципиально различные психологические механизмы.

Орудийное поведение как важная составляющая «культуры» животных

Большинство зарубежных ученых придерживаются определения «культуры» животных как ряда со-

циально обусловленных, уникальных для тех или иных групп, сообществ, популяций «поведенческих традиций», демонстрируемых их членами неизменными в нескольких поколениях [например: 19; 20; 34; 37]¹. По ряду причин «культура» животных изучалась преимущественно на материале исследований их пищедобывательного орудийного поведения², прежде всего у человекообразных обезьян — шимпанзе и орангутанов, у низших обезьян (двух видов капуцинов, японских и длиннохвостых макаков), у некоторых врановых и китообразных [9; 13; 17; 32; 35; 36]. Под орудийным поведением обычно понимается использование индивидуальными незакрепленного объекта для более эффективного изменения формы, положения или состояния другого объекта, другого организма или даже самого индивида, использующего орудие [30].

Уникальный «культурный» поведенческий репертуар того или иного индивида с высокой вероятностью позволяет установить место, где он родился и/или живет. Так, если орудийное поведение чернополосого капуцина (*Sapajus libidinosus*) включает в себя использование палочек-зондов и камней для копания, а также бросание камней в ходе половых демонстраций, то данный индивид принадлежит к одной из групп из места Serra da Carivara National Park на Северо-Востоке Бразилии. Если же капуцины *того же самого вида* при взаимодействиях друг с другом демонстрируют взаимное обнюхивание рук (hand-sniffing) и надавливание на глаза (eye-poking), то они почти наверняка являются членами группы из места Lomas Barbudal в Коста-Рике [15]. Заметные «культурные» различия нередко существуют и между соседними группами. Например, смежные группировки шимпанзе, принадлежащие к одной и той же популяции из Kalinzu (Уганда), из поколения в поколение для погужения в скопления муравьев используют палочки разной длины [20], а шимпанзе из граничащих сообществ, проживающих в лесу Taï (Кот-д'Ивуар), выбирают «молотки» для разбивания орехов, которые различаются по своим размерам, формам и материалам. Разнообразие характеристик, выбираемых в пределах одного и того же сообщества орудий, низкое. Когда самки шимпанзе покидают родительскую группу, они быстро перенимают характерный для их нового сообщества выбор орудий [15].

«Культурные» формы орудийного поведения могут поддерживаться внутри одних и тех же сообществ или популяций животных практически без изменений многими сотнями поколений. Археологические раскопки, проведенные в Taï National Park, показывают, что шимпанзе в этом месте довольно однотипно раскалывают орехи при помощи камней по меньшей мере в течение 4300 лет [27]. Наряду с этим,

появление и поддержание некоторых форм «культурного» поведения животных может зависеть от изменений условий их жизни под воздействием людей. Например, своеобразная форма «орудийного» поведения японских макаков — «игра в камни» («stone handling»), т. е. перебирание камней и складывание их в пирамидки, а затем разрушение последних — никогда не наблюдалась там, где люди не подкармливали обезьян. По мере того как ученые прекращали снабжение обезьян дополнительными кормами, это специфическое орудийное поведение наблюдалось все реже и даже исчезало [24].

Связь орудийного поведения и особенностей группового образа жизни животных

В отечественной литературе по сравнительной психологии (в работах Н.Н. Ладыгиной-Котс, Н.Ю. Войтониса, К.Э. Фабри), а также в ряде зарубежных источников [например: 18; 25] при обсуждении наличия у тех или иных видов животных сложного орудийного поведения акцент делался на развитии в эволюции *манипуляционных способностей* и сопряженных с ними возможностей «наглядно-действенного» (практического) мышления. И действительно, некоторая связь между склонностью манипулировать объектами в раннем возрасте и наличием орудийного поведения у взрослых индивидов подтверждается при сравнении двух близкородственных видов — обыкновенного шимпанзе и бонобо. Известно, что взрослые бонобо, в отличие от шимпанзе, обитая в целом в сходных условиях, не используют орудия для извлечения пищи. Склонность часто манипулировать с самого раннего возраста различными предметами, в первую очередь теми, с которыми действовали другие члены группы, характерна именно для детенышей шимпанзе, что отличает их от детенышей бонобо [22].

В последнее десятилетие исследования в природе привели к выводу, что орудийное поведение следует рассматривать скорее как форму «культурного поведения», появившуюся в эволюции благодаря развитию особых социально-когнитивных возможностей (social cognition) у представителей тех биологических видов, которые ведут сложный групповой, или, как сейчас принято говорить, «социальный», образ жизни [11; 34]. К характеристикам этого последнего относятся, в частности: 1) длительное нахождение детенышей с матерями на фоне высокой толерантности членов группы к их присутствию; 2) когезивность (cohesion), т. е. связанность членов группы между собой, предполагающая частые неконфликтные взаимодействия друг с другом. Эти особенности

¹ При принятии решения, являются ли те или иные варианты поведения «культурными», необходимо исключить экологические факторы (например, то, что в той или иной группе шимпанзе не разбивают каменными орудиями орехи определенных видов пальм, может объясняться просто отсутствием этих растений в месте их обитания) и генетические факторы (например, только представители одного из четырех подвидов шимпанзе — *Pan troglodytes verus* — разбивают орехи при помощи «молотка и наковальни»).

² Широко изучаются и так называемые «вокальные культуры» (например, «песни» птиц, летучих мышей и китов), а также поведенческие варианты добывания пищи, не требующие использования орудий (например, обработка колючих и стрекательных частей растений горными гориллами).

группового образа жизни обуславливают развитие таких социально-когнитивных способностей, как, например, способности обращать внимание на результаты физических действий других индивидов, запоминать исходы предыдущих взаимодействий с членами группы и использовать эти знания при прогнозировании групповой динамики [11], тем самым создавая благоприятный «социальный контекст» для формирования и поддержания в ряду поколений «культурных традиций» орудийного и иных видов специфического для группы поведения [10; 31] при помощи так называемого *социального научения* («socially learning» или «socially biased learning»), когда приобретение знаний и навыков облегчается и/или направляется действиями или результатами действий других индивидов [8; 37]. В этом смысле «социальное научение» и способность запоминать и отслеживать социальные связи других членов группы и предсказывать их поведение на основании подобных знаний связаны между собой [31; 33].

Особенности жизни в группе, формирующие «онтогенетические ниши» для овладения орудийным поведением

Понятие онтогенетической ниши

Ключевым моментом, обеспечивающим преемственность условий жизни (экологической ниши) между поколениями и поддержания животными тех форм активности, посредством которых они формируют, сохраняют или изменяют свое окружение, является так называемая *онтогенетическая ниша*, развитие в рамках которой определяет специфику, возможность и ограничения поведения индивидов [12; 29]. Авторами «теории конструирования ниш» (niche construction theory) подчеркивается, что физические характеристики среды могут быть «усвоены» молодыми животными только в контексте «со-разделенной» (shared) деятельности с другими членами своей группы (родителями, сиблингами и др.) [23], поведение которых влияет на то, какие навыки в рамках видоспецифического поведения будут усваивать молодые животные. В терминологии авторов указанной теории, это так называемая *сконструированная социальная ниша*, в основе которой лежат поведенческие традиции, поддерживаемые в группе. В этом отношении, как считают некоторые ученые, «культурные традиции» выступают в качестве «второй природной системы наследования» [13].

Помимо «умелых индивидов» (точнее, демонстрируемых ими способов добывания пищи, поиска и построения убежищ, способов умиротворения конфликтов и форм различного рода социальных демонстраций), «сконструированную социальную нишу» дополняют «артефакты»³ — более или менее длительно сохраняющиеся материальные результаты деятельности членов группы в виде, например, обработанной ими пищи и/или орудий [13].

Таким образом, для того чтобы в группе животных в ряде поколений поддерживались сложные орудийные («культурные») навыки, необходимы: 1) демонстрация значимыми для детенышей умелыми индивидами того или иного действия в важных для них ситуациях и 2) наличие «артефактов». Кратко опишем результаты недавних проведенных в природе исследований самой сложной орудийной деятельности у животных — разбивания шимпанзе и капуцинами орехов при помощи «молотков» и «наковален»⁴.

Роль материнских особей и других членов группы в становлении орудийного поведения

Матери шимпанзе являются главными «моделями» для своих потомков в течение первых 5 лет их жизни [13], так как детеныши постоянно наблюдают за ними, когда те решают *практические задачи* по поиску и обработке пищи⁵. Например, подростки и младшие детеныши шимпанзе наблюдали за матерями, когда те разбивали камнями орехи, в 84,6% и 90,2% случаев соответственно [8]. Д. Фрагаззи и его коллеги специально проанализировали поведение детенышей шимпанзе, которым не было и года, в то время, когда их матери (которые в этом возрасте практически всегда носят детенышей на себе) добывали ядра орехов при помощи камня-молотка и камня-наковальни. Наблюдающие за действиями матери детеныши нередко забирали части скорлупы и кусочки орехов и манипулировали доступными им, согласно их возрасту, способами. Они обнюхивали и пытались поднять только те камни, которые использовали их матери [13]. Следует отметить, что аналогичное поведение в похожих ситуациях демонстрируют и детеныши капуцинов.

Сходная картина наблюдалась также в случаях «макания» муравьев-легионеров — погружения заранее обработанного прутика в скопление муравьев, а затем помещения вцепившихся в орудие насекомых в рот. Детеныши шимпанзе в возрасте до 4 лет пытались заниматься этим только тогда, когда муравьев

³ «Артефакт» часто определяется как природный объект, который был каким-либо образом либо изменен в процессе его использования, либо помещен в определенное место или в положение, либо приобрел новый запах. Это определение более широкое, чем то, которое используют археологи, где артефакты подразумевают изготовление (manufacture) [13].

⁴ Следует отметить, что шимпанзе раскалывают твердые орехи камнями только в одном, географически изолированном, западном регионе Африки; при этом только в единственном месте (Bossou, Гвинея) они используют два отдельных, незакрепленных камня в качестве молотка и наковальни. В других же местах (например, в Tai National Park, Кот-д'Ивуар) наковальнями выступают вмурованные в землю камни или стволы деревьев.

⁵ Подобное поведение получило даже особое название — «вглядывание» (peering behavior): внимательно наблюдая за действиями матери, детеныши приматов склоняются и вплотную приближают лицо к тем объектам, с которыми действуют их матери, особенно в случае «сложных технологий» [37].

добывали их матери. Если самки добывали таким образом еду часто, их детеныши начинали осуществлять «макание муравьев» раньше, чем детеныши тех матерей, которые делали это реже (в среднем в 2,1 и 2,9 года соответственно) [20]. Интересно, что родительские особи служат первыми моделями и для использующих орудия для добывания пищи птиц. Например, только что оперившиеся новокаледонские вороны, которые после выхода из гнезда несколько недель следуют за родителями и выпрашивают или крадут у них пищу, используют исключительно те орудия (крючки, изготовленные из веточек и жестких листьев), которыми ранее добывали насекомых старшие птицы, постепенно начиная изготавливать свои собственные лишь спустя многие месяцы после покидания гнезда [17].

Следует отметить, что ни взрослые шимпанзе, ни опытные капуцины (равно как и новокаледонские вороны) не занимаются прямым обучением (teaching) молодых индивидов, они также никогда целенаправленно не поощряют попытки детенышей манипулировать объектами [8; 16; 28].

По мере того как детеныши становятся старше, возрастает роль *других* членов группы в становлении специфического для группы орудийного поведения молодых — подростки начинают все чаще наблюдать с близкого расстояния за взрослыми членами группы, и в более чем половине случаев им удается «украсть» скорлупу или кусочки орехов. И если совсем юные детеныши шимпанзе (в возрасте до пяти лет) в 2/3 случаев пытались манипулировать объектами, с которыми действовали их матери, то подростки от 5 до 10 лет в 2/3 случаев подбирали или использовали орудия (камни-молотки и камни-наковальни, «пестики», палочки для погружения в муравьев, комки листьев для питья воды), которыми ранее манипулировали другие взрослые члены их группы [13].

Примечательно, что детеныши обезьян наблюдают чаще всего за *самыми умелыми* членами группы (например за теми, кто наиболее ловко разбивает орехи). Скорее всего, это объясняется тем, что рядом с этими индивидами имеется большее количество отходов и поэтому с большей вероятностью можно украсть для себя кусочек.

Роль артефактов в становлении орудийного поведения

Необходимой частью «социальной онтогенетической ниши» являются также так называемые артефакты — продукты деятельности других индивидов (прежде всего, ранее использованные и оставленные другими членами группы орудия и частично обработанные пищевые объекты). Артефактами могут выступать не только сами объекты, но и их особенности, места или способы их размещения. Например, на камнях-наковальнях, которые предпочита-

ются капуцинами при разбивании орехов, имеются ямки (результат действий с орехами предыдущих поколений этих обезьян), которые позволяют более устойчиво «закреплять» орехи на поверхностях [14]. Складывающиеся камни в пирамидки японские макаки избирательно манипулируют теми из них, которые находятся в характерных кучках (оставленных другими индивидами), но не теми, которые случайным образом разбросаны по поверхности [24].

Артефакты привлекают внимание детенышей в силу того, что этими объектами пользовались другие члены группы. Так, в качестве «молотков» молодые капуцины используют преимущественно те камни, которые были оставлены рядом с наковальнями другими индивидами, и большинство своих первых, еще нерезультативных, манипуляций с орехами они производят рядом с теми «наковальнями» (большими камнями или стволами деревьев), которые чаще всего используются «умелыми индивидами», даже в тех случаях, когда те в данный момент в этом месте не находятся [13].

Артефакты вносят важный вклад в формирование у детенышей навыков использования орудий тем, что предоставляют им возможность постоянной длительной практики⁶. И если добывающие орехи взрослые все чаще и чаще прогоняют старших ювенильных индивидов, то возможность приближаться к орудиям, оставленным предыдущими пользователями, никем не ограничивается.

О важности наличия артефактов для поддержания преемственности орудийных действий в ряду многих поколений говорит и тот факт, что орудийное поведение наблюдается у большего количества членов той или иной группы тогда, когда артефакты могут сохраняться на месте их использования длительное время. Частота использования в том или ином сообществе животных плохо сохраняемых орудий гораздо ниже. Например, шимпанзе из Bossou толкут палкой-«пестиком» сердцевину пальмы на самой ее верхушке и после окончания этих действий часто просто роняют ее на землю, поэтому наблюдающие за опытным индивидом молодые шимпанзе не могут подобрать палку на том месте, где она использовалась. Как результат, добывание шимпанзе мякоти из верхушечной части ствола пальмы является крайне редкой формой орудийного поведения по сравнению с использованием ими камней. Аналогично зондирование капуцинами с помощью палочек обитающих на деревьях насекомых гораздо менее распространено в популяциях, чем разбивание орехов, так как палочки-зонды весьма часто падают на землю после их использования, в то время как камни и обломки орехов обычно остаются рядом с местами наковален после завершения процесса [13]. Именно по тем же причинам, как предполагается, орудийные «культурные» действия, требующие специального мастерства, особенно редко встречаются

⁶ Д. Фрагаззи и его коллеги, много лет изучавшие орудийное поведение капуцинов и шимпанзе, призывают ученых ни в коем случае не изымать артефакты в ходе проведения своих исследований, так как это может привести к нарушению преемственности «культурных традиций» группы [13].

среди водоплавающих видов животных: в водной среде использованные взрослыми орудия и другие артефакты часто недоступны детенышам [25]. Так, применяемые для добычи и очистки жертв дельфинами из бухты Shark's Bay губки уносятся проходящими течениями, уменьшая тем самым возможность использования детенышами этих артефактов для практики. Предполагается, что поэтому только небольшая часть популяции дельфинов научается использовать губки подобным образом.

Качественные различия «социальных контекстов» при построении орудийных действий у животных и у человека

Проведя обзор некоторых современных зарубежных исследований орудийной деятельности животных как важной формы их «культурного поведения», попытаемся дать ответ на вопрос, поставленный в начале статьи, о возможных отличиях особенностей «социальных контекстов» орудийных действий животных от таковых у людей. Сравнение будет проводиться нами с разделяемых нами позиций культурно-деятельностной психологии школы Л.С. Выготского—А.Н. Леонтьева.

1. Полученные в недавних исследованиях новые факты действительно подтвердили роль «socially biased learning» у животных, а именно то, что получение новых знаний о физических характеристиках среды и возможных результатах действий по отношению к ним и в целом приобретение навыков орудийного поведения происходят *в контексте отношений индивидов с «умельцами» членами его группы* (прежде всего с матерями, если речь идет о формировании орудийных действий в онтогенезе). Исследования показывают, что благодаря наблюдениям и взаимодействиям с «умельцами» членами группы детеныши животных достаточно рано начинают выделять функцию предметов, которые они потом будут использовать в качестве орудий [о так называемых «stimulus enhancement» и эмуляции см.: 6; 34], так как получают информацию о том, что желаемый результат (пищу) можно получить при помощи тех или иных объектов. Однако *способы передачи* подобных знаний и навыков у животных и человека качественно различаются. «Умельцы» члены сообщества животных никогда не поощряют и не запрещают попытки построения новичками действий с орудием. Так, матери — капуцины и шимпанзе — хотя и относятся, до поры до времени, толерантно к тому, что детеныши крадут кусочки еды и использованные ими артефакты, никогда сами целенаправленно не передают своим детенышам орудия и уж тем более не корректируют их действий, не придают нужную форму рукам

(molded) учеников, не указывают, не помогают им контактом глазами и не предоставляют никаких иных «педагогических» сигналов [16]. Добывая пищу, они «метят» своими действиями ту часть мира, которая становится значимой для молодых членов группы, и, будучи толерантными к присутствию и действиям детенышей, создают тем самым условия, предоставляющие возможность развития у последних орудийного поведения. Вполне понятно поэтому, почему в тех случаях, когда матери шимпанзе не раскалывали орехи и не «удили» насекомых, их потомки, вырастая, как правило, также не демонстрировали подобное орудийное поведение [13]⁷.

Напротив, в случае человеческих предметно-орудийных действий взрослый *целенаправленно формирует* у ребенка многие из них и постоянно корректирует их на предмет «правильности» в соответствии с имеющимися в той или иной культуре образцами и инструкциями.

2. Соответственно, формируя способы «культурного» поведения, даже в случае освоения сложнейшей перкуссионной техники, детеныши животных *не обращаются к взрослым членам группы за поддержкой и оценением своих действий*, формируя и доводя до совершенства операционально-техническую составляющую навыка индивидуально [13; 28]. Детеныши с раннего возраста манипулируют объектами, однако изначально эти их действия (меняющиеся с возрастом) мало связаны с конечной целью, а результирующее поведение является не точной копией действий «демонстраторов», а «грубым приближением» к нему. Важным критерием сформированности навыка выступает практический результат — прежде всего добывание пищи, а специфическая форма действия определяется во многом экологическими факторами⁸.

Напротив, для человеческого ребенка сам по себе получившийся при осуществлении предметного (орудийного) действия результат не является критерием правильности осуществленного действия; таким критерием выступает *соответствие образцу, показанному взрослым*. Следование «образцу» у детей человека имеет место не только при усвоении *общей функции* предмета-орудия (например, мяч из-под шкафа можно достать палкой, машинка заводится ключиком), но и при освоении и последующей «шлифовке» *операционально-технической стороны* действия (как именно надо держать палку или как правильно вращать ключик заводной игрушки). Но и эта шлифовка, когда, казалось бы, ребенок должен ориентировать свои операции на физические свойства используемого орудия, также происходит «внутри показанного образца» [7, с. 137].

При этом, как давно уже доказано многочисленными исследованиями в традициях культурно-дея-

⁷ Аналогичное было отмечено и у дельфинов — только детеныши тех матерей, которые использовали «губки» для добывания морских ежей, став взрослыми, демонстрировали это редкое для китообразных орудийное поведение.

⁸ Например, будут ли ловящие на «удочки» термитов шимпанзе сразу слизывать их с прутика или пропускать палку через кулак и слизывать насекомых с руки, зависит от силы укусов разных видов термитов.

тельностью психологии, человеческие дети — даже весьма раннего возраста — постоянно ориентированы на взрослого, *требуют его присутствия при осуществлении собственных действий, ожидают от него одобрения и похвалы по поводу успеха и поддержки при неудачах*. В последнем случае они могут буквально совать в руки взрослого соответствующие предметы, требуя повторить действия, за которыми только что наблюдали и которые не могут пока выполнить самостоятельно. Так создается почва, подчеркивала М.И. Лисина, для перехода от «... неспецифических примитивных манипуляций с предметами к все более специфическим, а затем к культурно-фиксированным действиям с ними» [2, с. 102–103].

3. Новые исследования подтвердили и *роль артефактов* в появлении и поддержании в нескольких поколениях относительно неизменной орудийной деятельности в группах животных. При этом способы действий с предметами формируются детенышами животных самостоятельно и во многом определяются *физическими* характеристиками объектов (например, характеристиками горной породы или встречающихся в данной местности видов насекомых и/или растений), а также видоспецифическими и индивидуальными особенностями животных. Человеческие дети, используя артефакты, созданные в том числе многими предшествующими поколениями людей, усваивают способ их применения только *при условии его разъяснения «умелым» индивидом*, поскольку на самом предмете этот способ «не написан» и может быть весьма причудлив (так, в некоторых культурах ложку надо держать определенным образом, оттопыривая мизинец).

По мнению А.В. Запорожца, это «свидетельствует о возникновении нового, человеческого, отношения к вещи, которого нет у животного» [1, с. 185], что часто ведет к известному «педантизму» человеческого ребенка, который при решении задач «на интеллект» обнаруживает, казалось бы, меньшую сообразительность, чем животное, поставленное в аналогичную ситуацию, повторяя за взрослым «лишние» действия, не имеющие значения для достижения результата, или отказываясь использовать такие предметы, как, например, ножницы, стул, карандаш и книгу, в качестве средства для доставания далеко лежащего предмета, а не по их принятому в обществе назначению. Более того, человек может трогательно хранить предмет, который вообще нельзя уже использовать по назначению (например, чашку, из которой нельзя пить, поскольку в ее дне — трещина), но который был

когда-то подарен ему любимым человеком и поэтому приобрел для него особый личностный смысл. Животные же хранят (т. е. помнят, где они лежат) только те свои «орудия», которые еще можно использовать по прямому назначению.

В этом отношении мы согласны с В.Н. Павленко, которая пишет, что «... не орудия, увеличивающие возможности руки, и не другие участники деятельности, выполняющие одну из операций, а орудия, воспроизводящие функции этих Других, можно рассматривать в качестве новых, специфически человеческих медиаторов деятельности, потребовавших и качественно новых способов отражения действительности» [4, с. 125]⁹.

Следует также упомянуть, что в человеческом мире роль артефактов выполняют и *игрушки*, которые помогают ребенку присвоить смысл человеческих действий с соответствующими физическими предметами, которые символически воплощаются в игрушке. Животный мир совершенно лишен такого социального института *символических артефактов*.

Заключение

В настоящей работе были рассмотрены далеко не все возможные социальные аспекты становления и поддержания «орудийного поведения» в группах животных как формы их «культуры». Например, весьма перспективной для рассмотрения представляется нам тема отличий действий детенышей животных с непригодными для дальнейшего употребления артефактами от действий с игрушками у детей.

За пределами нашего анализа остался и крайне интригующий вопрос о возможной мотивации освоения юными индивидами сложных орудийных действий. Хотя и предполагается, что главным мотивационным фактором в этом случае выступает удовлетворение пищевой потребности, однако длящиеся многие месяцы «тренировки» ювенильных капуцинов или шимпанзе с орехами и камнями или «удочками» и «пестиками» в большинстве случаев не приводят к получению ими пищи [13].

Мы также оставили в стороне анализ новейших исследований, в которых обсуждаются проблемы возникновения «культурных» традиций в области коммуникации (например, в виде ритуалов приветствий у взрослых шимпанзе и капуцинов, функцией которых, как считается, является поддержание аффилиативных взаимодействий).

⁹ Однако в другом отношении мы не согласны с В.Н. Павленко, которая считает возможным провести прямую аналогию вычленения отдельных действий в коллективной деятельности человеческой охоты (известный пример А.Н. Леонтьева) с разделением функций в охоте волков или шимпанзе [см.: 4, с. 124]. Правда, как отмечал в известной дискуссии 1948 года Д.Б. Эльконин, в «Очерке развития психики» А.Н. Леонтьева было недостаточно прописано, что специфически человеческие смыслы порождает не само по себе техническое разделение функций: «Если выводить появление смысла из чисто технического разделения труда, то другой человек выступает лишь как условие осуществления индивидуальной деятельности, — т. е. эта коллективность является внешней по отношению к самому содержанию деятельности» [3, с. 44–45]. Напротив, говорил Эльконин, для человека не другой человек «является связью с природой, а наоборот, природа выступает в качестве того звена, через которое он связывается с [другим] человеком, и оно начинает приводить к социальному смыслу» [там же, с. 45]. Другой в данном случае, по Эльконину, — это прежде всего те люди в окружении человека, которые живут вместе с ним и совершенно не участвуют, например, в коллективной охоте.

Наконец, мы практически не затронули в настоящей статье ведущихся в последние годы дискуссий о специфике и формах социального научения, посредством которого и происходит поддержание культурных традиций в ряду нескольких поколений животных. Этой проблематике мы предполагаем посвятить нашу следующую работу, логически связанную с данной.

Литература

1. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: в 2 т. Том 1: Действие и интеллект. М.: Педагогика, 1986. С. 177–190.
2. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка / Под ред. А.Г. Рузской. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 384 с.
3. Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 238 л.
4. Павленко В.Н. Понятия «орудие», «психологическое орудие», «знак» и их соотношение // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 1. С. 122–131. DOI:org/10.17759/chp.2020160112
5. Соколова Е.Е., Федорович Е.Ю. Говорить — еще не значит быть человеком: критический анализ современных исследований языка животных в свете идей Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. 2016. № 3(23). С. 8–19. DOI: 10.11621/npj.2016.0302
6. Соколова Е.Е., Федорович Е.Ю. К проблеме «культуры» у животных: критический анализ современных исследований с позиций психологии деятельности школы А.Н. Леонтьева // Культурно-историческая психология. 2016. Том 12. № 2. С. 14–23. DOI:10.17759/chp.2016120202
7. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
8. Biro D., Inoue-Nakamura N., Tonooka R., et al. Cultural innovation and transmission of tool use in wild chimpanzees: evidence from field experiments // *Animal Cognition*. 2003. Vol. 6. P. 213–223. DOI:10.1007/s10071-003-0183-x
9. Boesch C. Wild cultures: a comparison between chimpanzee and human cultures. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2012. 276 p.
10. Burkart J., Hrdy S., van Schaik C. Cooperative breeding and human cognitive evolution // *Evolutionary Anthropology*. 2009. Vol. 18. P. 175–186. DOI:10.1002/evan.20222
11. De Petrillo F., Di Vincenzo F., Di Paolo L. An Evolutionary Perspective on Primate Social Cognition // *Evolution of Primate Social Cognition* / L. Di Paolo, F. Vincenzo, F. De Petrillo (eds.). Springer: International Publishing AG, 2018. P. 2–10.
12. Frigaszy D. Community resources for learning: how capuchin monkeys construct technical traditions // *Biological Theory*. 2011. Vol. 6. P. 231–240. DOI:10.1007/s13752-012-0032-8
13. Frigaszy D., Biro D., Eshchar Y., et al. The fourth dimension of tool use: temporally enduring artefacts aid primates learning to use tools // *Philosophical Transactions of The Royal Society*. 2013. Vol. 368: 20120410. DOI. org/10.1098/rstb.2012.0410
14. Frigaszy D., Pickering T., Liu Q., et al. Bearded capuchin monkeys' and a human's efficiency at cracking palm nuts with stone tools: field experiments // *Animal Behaviour*. 2010. Vol. 79. P. 321–332. DOI:10.1016/j.anbehav.2009.11.004

Анализ подобных проблем с позиций культурно-деятельностной психологии, которая противостоит модным ныне тенденциям отождествления людей с «прочими животными», поможет подойти к разрешению фундаментального, ныне широко обсуждаемого вопроса о возможности наличия у животных, если признается, что таковая существует, «кумулятивной» культуры [например: 31; 34] и ее эволюционных предпосылок.

References

1. Zaporozhets A.V. Deistvie i intellekt [Action and intelligence]. Zaporozhets A.V. *Izbrannyye psikhologicheskie trudy: v 2 t. T. 1* [Selected psychological works: in 2 vol. Vol. 1]. Moscow: Pedagogika, 1986. p. 177–190. (In Russ.).
2. Lisina M.I. Obschenie, lichnost' i psikhika rebenka [Communication, personality and mind of the child]. Ruzskaya A.G. (ed.) Moscow: «Institut prakticheskoi psikhologii», 1997. 384 p. (In Russ.).
3. Nauchnyi arkhiv RAO [Scientific archive of the Russian Academy of Education]. Coll. 82. Aids 1. Item 103. 238 p. (In Russ.).
4. Pavlenko V.N. Ponyatiya «orudie», «psikhologicheskoe orudie», «znak» i ikh sootnoshenie [The concepts of “tool”, “psychological tool”, “sign”, their correlation]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020, no. 1, pp. 122–131. (In Russ., Abstr. in Engl.). DOI: org/10.17759/chp.2020160112
5. Sokolova E.E., Fedorovich E.Yu. Govorit' — eshche ne znachit byt' chelovekom: kriticheskii analiz sovremennykh issledovaniy yazyka zhivotnykh v svete idei L.S. Vygotskogo [Talking still doesn't mean being human: a critical analysis of modern research on animal language in the light of L.S. Vygotsky's ideas]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2016, no 3 (23), pp. 8–19. (In Russ., Abstr. in Engl.). DOI: 10.11621/npj.2016.0302
6. Sokolova E.E., Fedorovich E.Yu. K probleme «kul'tury» u zhivotnykh: kriticheskii analiz sovremennykh issledovaniy s pozitsii psikhologii deyatel'nosti shkoly A.N. Leont'eva [On the problem of “culture” in animals: a critical analysis of modern research from the perspective of the psychology of the school of A. N. Leontiev]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2016, no. 2, pp. 14–23. (In Russ., Abstr. in Engl.). DOI:10.17759/chp.2016120202
7. El'konin D.B. Izbrannyye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]. V.V. Davydov, V.P. Zinchenko (eds.). Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p. (In Russ.).
8. Biro D., Inoue-Nakamura N., Tonooka R., et al. Cultural innovation and transmission of tool use in wild chimpanzees: evidence from field experiments. *Animal Cognition*, 2003. Vol. 6, pp. 213–223. DOI: 10.1007/s10071-003-0183-x
9. Boesch C. Wild cultures: a comparison between chimpanzee and human cultures. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2012. 276 p.
10. Burkart J., Hrdy S., van Schaik C. Cooperative breeding and human cognitive evolution. *Evolutionary Anthropology*, 2009. Vol. 18, pp. 175–186. DOI:10.1002/evan.20222
11. De Petrillo F., Di Vincenzo F., Di Paolo L. An Evolutionary Perspective on Primate Social Cognition. In L. Di Paolo, F. Vincenzo, F. De Petrillo (eds.) *Evolution of Primate Social Cognition*. Springer: International Publishing AG, 2018, pp. 2–10.
12. Frigaszy D. Community resources for learning: how capuchin monkeys construct technical traditions. *Biological*

15. Haslam M., Falótico T., Luncz L. Recognizing Culture in Wild Primate Tool Use // *Evolution of Primate Social Cognition* / L. Di Paolo, F. Vincenzo, F. De Petrillo (eds.). Springer: International Publishing AG, 2018. P. 202–213.
16. Henrich J., Tennie C. Cultural Evolution in Chimpanzees and Humans // *Chimpanzees and Human Evolution* / M. Muller, R. Wrangham, D. Pilbeam (eds.), Cambridge, MA; London, England: Harvard University Press, 2017. P. 645–702. DOI.org/10.4159/9780674982642-018
17. Holzhaider J., Hunt G., Gray R. Social learning in New Caledonian crows // *Learning & Behavior*. 2010. Vol. 38. P. 206–219. DOI:10.3758/LB.38.3.206
18. Humle T., Fragaszy D. Cognition and tool use // *Primates in perspective* / C. Campbell, A. Fuentes, K. MacKinnon, et al. (eds.). Oxford, UK: Oxford University Press, 2010. P. 637–661.
19. Humle T., Newton-Fisher N. Culture in non-human primates: Definition and evidence // *Understanding cultural transmission: a critical anthropological synthesis* / R. Ellen, S. Lycett, S. Johns (eds.). Berghahn Books, 2013. P. 80–101.
20. Humle T., Snowdon C., Matsuzawa T. Social influences on ant-dipping acquisition in the wild chimpanzees (*Pan troglodytes verus*) of Bossou, Guinea, West Africa // *Animal Cognition*. 2009. Vol. 12. P. 37–48. DOI: 10.1007/s10071-009-0272-6
21. Koops K. Cultural differences in ant-dipping tool length between neighbouring chimpanzee communities at Kalinzu, Uganda // *Scientific Reports*. 2015. Vol. 5: 12456. DOI: 10.1038/srep12456
22. Koops K., Furuichi T., Hashimoto C. Chimpanzees and bonobos differ in intrinsic motivation for tool use // *Scientific Reports*. 2015. Vol. 5: 11356. DOI: 10.1038/srep11356
23. Laland K., O'Brien M. Cultural niche construction: an introduction // *Biological Theory*. 2011. Vol. 6. P. 191–202. DOI:10.1007/s13752-012-0026-6
24. Leca J., Gunst N., Huffman M. Thirty years of stone handling tradition in Arashiyama macaques: implications for cumulative culture and tool use in non-human primates // *The monkeys of Stormy Mountain: 60 years of primatological research on the Japanese macaques of Arashiyama* / J.-B. Leca, M. Huffman, P. Vasey (eds.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2012. P. 223–257.
25. Mann J., Patterson E. Tool use by aquatic animals // *Philosophical Transactions of The Royal Society B: Biological Sciences*. 2013. Vol. 368: 20120424. DOI:10.1098/rstb.2012.0424
26. Matsuzawa T. Primate foundations of human intelligence: a view of tool use in nonhuman primates and fossil hominids // *Primate origins of human cognition and behavior* / T. Matsuzawa (ed.). Tokyo, Japan: Springer, 2001. P. 11–14.
27. Mercader J., Barton H., Gillespie J., et al. 4,300-Year-old chimpanzee sites and the origins of percussive stone technology // *PNAS*. 2007. Vol. 104(9). P. 3043–3048. DOI:org/10.1073/pnas.0607909104
28. Moore R. Social learning and teaching in chimpanzees. // *Biology and Philosophy*. 2013. Vol. 28(6). P. 879–901. DOI: 10.1007/s10539-013-9394-y
29. Odling-Smee J., Laland K., Feldman M. Niche construction. The neglected process in evolution. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. DOI:10.2307/j.ctt24hqpd
30. Ottoni E. Tool use traditions in nonhuman Primates: the case of tufted capuchin Monkeys // *Human Ethology Bulletin – Proc. of the XXII. ISHE Conference*, 2015. P. 22–40.
31. Renner E., Zawidzki T. Minimal Cognitive Preconditions on the Ratchet // *Evolution of Primate Social Cognition / Theory*, 2011. Vol. 6, pp. 231–240. DOI:10.1007/s13752-012-0032-8
13. Fragaszy D., Biro D., Eshchar Y., et al. The fourth dimension of tool use: temporally enduring artefacts aid primates learning to use tools. *Philosophical Transactions of The Royal Society B: Biological Sciences*, 2013. Vol. 368: 20120410. DOI.org/10.1098/rstb.2012.0410
14. Fragaszy D., Pickering T., Liu Q., et al. 2010. Bearded capuchin monkeys' and a human's efficiency at cracking palm nuts with stone tools: field experiments. *Animal Behaviour*, 2010. Vol. 79, pp. 321–332. DOI:10.1016/j.anbehav.2009.11.004
15. Haslam M., Falótico T., Luncz L. Recognizing Culture in Wild Primate Tool Use. In L. Di Paolo, F. Vincenzo, F. De Petrillo (eds.) *Evolution of Primate Social Cognition*. Springer: International Publishing AG, 2018, pp. 202–213.
16. Henrich J., Tennie C. Cultural Evolution in Chimpanzees and Humans. In M. Muller, R. Wrangham, D. Pilbeam (eds.) *Chimpanzees and Human Evolution*. Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, 2017, pp. 645–702. DOI.org/10.4159/9780674982642-018
17. Holzhaider J., Hunt G., Gray R. Social learning in New Caledonian crows. *Learning & Behavior*, 2010. Vol. 38, pp. 206–219. DOI:10.3758/LB.38.3.206
18. Humle T., Fragaszy D. Cognition and tool use. In C. Campbell, A. Fuentes, K. MacKinnon, et al. (eds.) *Primates in perspective*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2010, pp. 637–661.
19. Humle T., Newton-Fisher N. Culture in non-human primates: Definition and evidence. In R. Ellen, S. Lycett, S. Johns (eds.) *Understanding cultural transmission: a critical anthropological synthesis*. Berghahn Books, 2013, pp. 80–101.
20. Humle T., Snowdon C., Matsuzawa T. Social influences on ant-dipping acquisition in the wild chimpanzees (*Pan troglodytes verus*) of Bossou, Guinea, West Africa. *Animal Cognition*, 2009. Vol. 12, pp. 37–48. DOI: 10.1007/s10071-009-0272-6
21. Koops K. Cultural differences in ant-dipping tool length between neighbouring chimpanzee communities at Kalinzu, Uganda. *Scientific Reports*, 2015. Vol. 5: 12456. DOI: 10.1038/srep12456
22. Koops K., Furuichi T., Hashimoto C. Chimpanzees and bonobos differ in intrinsic motivation for tool use. *Scientific Reports*, 2015. Vol. 5: 11356. DOI: 10.1038/srep11356
23. Laland K., O'Brien M. Cultural niche construction: an introduction. *Biological Theory*, 2011. Vol. 6, pp. 191–202. doi:10.1007/s13752-012-0026-6
24. Leca J., Gunst N., Huffman M. Thirty years of stone handling tradition in Arashiyama macaques: implications for cumulative culture and tool use in non-human primates. In J.-B. Leca, M. Huffman, P. Vasey (eds.) *The monkeys of Stormy Mountain: 60 years of primatological research on the Japanese macaques of Arashiyama*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2012, pp. 223–257
25. Mann J., Patterson E. Tool use by aquatic animals. *Philosophical Transactions of The Royal Society B Biological Sciences*, 2013. Vol. 368: 20120424. doi:10.1098/rstb.2012.0424
26. Matsuzawa T. Primate foundations of human intelligence: a view of tool use in nonhuman primates and fossil hominids. In T. Matsuzawa (ed.) *Primate origins of human cognition and behavior*. Tokyo, Japan: Springer, 2001, pp. 11–14.
27. Mercader J., Barton H., Gillespie J., et al. 4,300-Year-old chimpanzee sites and the origins of percussive stone technology. *PNAS*, 2007. Vol. 104 (9), pp. 3043–3048. DOI:org/10.1073/pnas.0607909104
28. Moore R. Social learning and teaching in chimpanzees. *Biology and Philosophy*, 2013. Vol. 28 (6), pp. 879–901. DOI: 10.1007/s10539-013-9394-y

- L. Di Paolo, F. Vincenzo, F. De Petrillo (eds.). Springer: International Publishing AG, 2018. P. 249–266.
32. Sargeant B., Mann J. Developmental evidence for foraging traditions in wild bottlenose dolphins // *Animal Behaviour*. 2009. Vol. 78. P. 715–721. DOI:10.1016/j.anbehav.2009.05.037
33. Shettleworth S. Fundamentals of comparative cognition. Oxford University Press, 2013. 176 p.
34. Seyfarth R., Cheney D. How sociality shapes the brain, behaviour, and cognition // *Animal Behaviour*. 2015. Vol. 103. P. 187–190. DOI: 10.1016/J.ANBEHAV.2015.01.026
35. van Schaik C., Fox E., Fechtman L. Individual variation in the rate of use of tree-hole tools among wild orangutans: implications for hominin evolution // *Journal of Human Evolution* 2003. Vol. 44. P. 11–23. DOI:10.1016/S0047-2484(02)00164-1
36. Whiten A., Goodall J., McGrew C., Boesch C. Cultures in chimpanzees // *Nature*. 1999. Vol. 399(6737). P. 682–685. DOI: 10.1038/21415
37. Whiten A., van de Waal E. The pervasive role of social learning in primate lifetime development // *Behavioral Ecology and Sociobiology*. 2018. Vol. 72. P. 1–16. DOI. org/10.1007/s00265-018-2489-3
29. Odling-Smee J., Laland K., Feldman M. Niche construction. The neglected process in evolution. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. DOI:10.2307/j.ctt24hqpd
30. Ottoni E. Tool use traditions in nonhuman Primates: the case of tufted capuchin Monkeys. *Human Ethology Bulletin – Proc. of the XXII. ISHE Conference*, 2015, pp. 22–40.
31. Renner E., Zawidzki T. Minimal Cognitive Preconditions on the Ratchet. In L. Di Paolo, F. Vincenzo, F. De Petrillo (eds.) *Evolution of Primate Social Cognition*. Springer: International Publishing AG, 2018, pp. 249–266.
32. Sargeant B., Mann J. Developmental evidence for foraging traditions in wild bottlenose dolphins. *Animal Behaviour*, 2009. Vol. 78, pp. 715–721. DOI:10.1016/j.anbehav.2009.05.037
33. Shettleworth S. Fundamentals of comparative cognition. Oxford University Press, 2013. 176 p.
34. Seyfarth R., Cheney D. How sociality shapes the brain, behaviour, and cognition. *Animal Behaviour*, 2015. Vol. 103, pp. 187–190. DOI: 10.1016/J.ANBEHAV.2015.01.026
35. van Schaik C., Fox E., Fechtman L. Individual variation in the rate of use of tree-hole tools among wild orangutans: implications for hominin evolution. *Journal of Human Evolution*, 2003. Vol. 44, pp. 11–23. DOI:10.1016/S0047-2484(02)00164-1
36. Whiten A., Goodall J., McGrew C., Boesch C. Cultures in chimpanzees. *Nature*, 1999. Vol. 399(6737), pp. 682–685. DOI: 10.1038/21415
37. Whiten A., van de Waal E. The pervasive role of social learning in primate lifetime development. *Behavioral Ecology and Sociobiology*, 2018. Vol. 72, P: 80 (1–16). DOI. org/10.1007/s00265-018-2489-3

Информация об авторах

Федорович Елена Юрьевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Школы антропологии будущего, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО «ИОН РАНХиГС»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6596-1262>, e-mail: labzoo_fedorovich@mail.ru

Соколова Елена Евгеньевна, доктор психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2239-0858>, e-mail: ees-msu@mail.ru

Information about the authors

Elena Yu. Fedorovich, PhD in Psychology, Researcher, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6596-1262>, e-mail: labzoo_fedorovich@mail.ru

Elena E. Sokolova, Doctor of Psychology, Associate Professor, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2239-0858>, e-mail: ees-msu@mail.ru

Получена 02.11.2020

Принята в печать 03.11.2021

Received 02.11.2020

Accepted 03.11.2021

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
EMPIRICAL RESEARCH

Исследования академической резильентности детей-мигрантов: анализ и перспективы

О.Е. Хухлаев

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Э.Р. Хакимов

Образовательно-культурный центр Сиппола, г. Сиппола, Финляндия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5745-815X>, e-mail: eduard.khakimov@yahoo.com

А.Е. Фомичева

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2627-8532>, e-mail: nastyafom5@gmail.com

Работа посвящена анализу зарубежных и отечественных исследований академической резильентности детей-мигрантов. Приводятся основные определения понятия, обсуждаются существующие методы измерения академической резильентности, их возможности и ограничения, перспективы дальнейших исследований. Проанализированы субъективные и объективные критерии выявления «академически резильентных» учеников. Рассмотрены различные факторы, влияющие на проявление резильентности детьми-мигрантами. Показано, что наличие внешней поддержки в сочетании с возможностью и способностью ее просить и принимать положительно сказывается на учебных достижениях. В то же время такие внутренние факторы, как самоэффективность, асертивность, внутренний локус контроля, высокая мотивация и амбициозные цели, вносят существенный вклад в обеспечение высокой успеваемости даже при неблагоприятных условиях жизни ребенка-мигранта.

Ключевые слова: академическая резильентность, дети-мигранты, социально-экономический статус, адаптация, академические результаты, мотивация.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФГБОУ ВО МГППУ на 2021 г.

Для цитаты: Хухлаев О.Е., Хакимов Э.Р., Фомичева А.Е. Исследования академической резильентности детей-мигрантов: анализ и перспективы // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 117–127. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170413>

Studies on Academic Resilience of Migrant Children: Analysis and Prospects

Oleg E. Khukhlaev

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Eduard R. Khakimov

Education and Cultural Center Sippola, Sippola, Finland
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5745-815X>, e-mail: eduard.khakimov@yahoo.com

Anastasiya E. Fomicheva

Independent researcher, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2627-8532>, e-mail: nastyafom5@gmail.com

This article aims to analyze foreign and Russian studies on the academic resilience of migrant children. It provides the main definitions of the concept and discusses the existing methods of measuring academic resilience, their possibilities and limitations, and prospects for further research. Subjective and objective criteria for identifying "academically resilient" students are analyzed. Various factors influencing the manifestation of resilience by migrant children are considered. It is shown that the presence of external support, combined with the ability to ask for it and to accept it, has a positive effect on academic achievements. At the same time, such internal factors as self-efficacy, assertiveness, internal locus of control, high motivation and ambitious goals make a significant contribution to ensuring high academic performance even under unfavorable living conditions of a migrant child.

Keywords: academic resilience, migrant children, socioeconomic status, adaptation, academic results, motivation.

Funding. The study was carried out as part of the implementation of the state task of the Moscow State Pedagogical University for 2021.

For citation: Khukhlaev O.E., Khakimov E.R., Fomicheva A.E. Studies on Academic Resilience of Migrant Children: Analysis and Prospects. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 117–127. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170413> (In Russ.).

Введение

В психологии резильентность — «... способность личности поддерживать психологическое равновесие во время потенциально опасных ситуаций, <...> ресурсная адаптация к изменяющимся обстоятельствам и непредвиденным условиям среды» [2, с. 105].

Миграция — переезд жить на другую территорию, в другую страну — является внешним обстоятельством, которое зачастую неблагоприятно воздействует на психику человека. Миграция является вызовом не только для личности сформировавшегося взрослого, но и для мигранта-ребенка, особенно для подростка, кто еще только формирует свою идентичность и проходит первичную социализацию.

Актуальность выявления врожденных задатков, а также развиваемых и формируемых в разных условиях личностных и деятельностных особенностей резильентных мигрантов обусловлена огромной ценностью таких знаний для понимания проблем современных детей-мигрантов и для целенаправленного создания оптимальных психолого-педагогических и социально-педагогических условий для их социализации в новом для них «принимающем» обществе.

Статья представляет систематический обзор имеющихся данных о резильентности детей-мигрантов, с акцентом на их академическую резильентность, а также намечает перспективы дальнейших эмпирических и формирующих психолого-педагогических исследований.

Определение академической резильентности

Н. Гармези определил ключевые защитные психосоциальные факторы, которые стимулируют резильентность: а) личностные качества детей и подростков; б) характеристики семей; в) характеристики среды [6]. Зафиксируем здесь, что резильентность человека — это способность к устойчивости и восстановлению в ситуации длительного неблагоприятного внешнего влияния, которая развивается благодаря определенным внутренним предпосылкам и внешним социальным факторам. Другими словами, — это способность стабильной и последовательной результативной адаптации в сложных жизненных обстоятельствах.

Ряд исследователей начали выделять разные виды резильентности в зависимости от сфер жизнедеятельности человека, в которых он достигает неожиданно высоких результатов, несмотря на неблагоприятные внешние обстоятельства; одна из них — «академическая резильентность». Ее определение было сформулировано С. Лутар [8] как синоним школьной резильентности и означало, с одной стороны, способность к успеху в учебе в школе, несмотря на преобладающие социальные и институциональные барьеры, с другой стороны, способность эффективно справляться со стрессом или давлением и, в конечном итоге, достигать успехов в образовании: достаточно высокой учебной успеваемости, карьерного роста после окончания образования.

По мнению исследователей, академическая резильентность — это «... способность учащегося адаптиро-

ваться и развиваться в ответ на неблагоприятные ситуации на протяжении всего своего университетского опыта, в местах обучения или в университетской среде, которая позволяет учащемуся вернуться к сбалансированным условиям жизни с дополнительными возможностями, позволяющими ему двигаться вперед, повышая уровень человеческого капитала» [19, с. 1851].

В рамках международных тестирований TIMSS и PISA ученики считаются «академически резильентными», если они входят в 25% наиболее социально-экономически неблагополучных людей в своей стране и одновременно достигают высокого уровня овладения знаниями и навыками в трех или выше предметных областях по трем тестам PISA: чтение, математика и естественные науки [15]. Академическая резильентность — это способность находящегося в неблагоприятном положении учащегося освоить набор «навыков и компетенций, необходимых для полноценного участия в жизни общества и успеха на рынке труда» [13].

Академическая резильентность детей-мигрантов: методы изучения и результаты исследований

Для анализа эмпирических исследований академической резильентности учащихся с миграционным опытом нами был предпринят поиск литературы в базе Web of Science без ограничений глубины поиска по ключевым словам “academic resilience” и “immigration” в предметных областях, имеющих отношение к образованию или психологии. После отсева публикаций, в которых отсутствовали эмпирические данные и в которых были представлены результаты исследований взрослых, в обзор было включено 12 материалов 2004–2021 годов. Семь исследований были проведены в одном городе, регионе или стране. Пять исследований были проведены в международном масштабе; сравнивались результаты резильентности детей-мигрантов между разными странами, например, в странах Евросоюза на основе данных международного исследования PISA.

В целом, в большинстве работ академическая резильентность детей-мигрантов определяется как достаточно высокий уровень образовательных результатов, который такие дети показывают, несмотря на длительные негативные стрессогенные обстоятельства: низкий социально-экономический статус семьи ученика и факт миграции из другой страны.

Уровень образовательных результатов в большинстве исследований выявляется согласно результатам тестирования знаний и умений учащихся в «базовых для благополучной жизни» [13] сферах: математика, чтение и естественные науки — через разделение на высокий, средний и низкий диапазоны по той или иной выборке учащихся, например, по группе семей с низким социально-экономическим статусом или по группе мигрантов, приехавших из-за рубежа в разном возрасте и т. д. Низкий социально-экономический статус семьи ученика и факт его миграции, как правило, определялся по ответам на вопросы анкет для самих учеников, их учителей или родителей.

В целом, академически резильентные ученики-мигранты выявляются с помощью внешних, формальных критериев. Проблемой является то, что академически резильентными признаются ученики, некоторые из которых считают себя в школьной среде неуспешными. С другой стороны, ученики со средней успеваемостью, те, кто достигает этого вопреки внешним обстоятельствам, из внимания исследователей выпадают.

Решение этой проблемы предложено в ряде исследований, в которых уровень образовательных результатов определялся субъективно — самими учащимися через заполнение анкет или участие в интервью. В одном исследовании качество образования учащихся-мигрантов выявлялось через анализ их 10-летней карьеры после проведения первого среза [10].

На наш взгляд, сочетание формальных критериев академической резильентности с субъективной самооценкой учеников и/или с содержательной оценкой со стороны учителей или родителей позволяет достичь более точного выявления действительно академически резильентных учеников и получить более достоверные знания, как о внутриличностных, так и о внешних социальных факторах.

Результаты исследований включенных в анализ, в том числе данные о выборках и используемых методах измерения, представлены в табличной форме (табл. 1). По нашему мнению, такая форма изложения данных позволяет читателю ознакомиться с нюансами полученных результатов и составить собственное мнение о представленной проблематике.

Академическая резильентность детей-мигрантов: основные тенденции

Как отмечалось выше, в широкомасштабных исследованиях, основным источником данных для которых являются результаты теста PISA, под академической резильентностью понимается одновременная принадлежность учащегося к группе низкого социального благополучия и демонстрация высоких или хотя бы превышающих средние учебных достижений. Результаты этой группы исследований показывают, что, хотя в целом, особенно в странах Европейского Союза, количество академически резильентных учащихся среди коренных жителей больше, чем среди мигрантов, в отдельных странах, напротив, количество академически резильентных учащихся с мигрантским происхождением несколько больше. Отчасти это связано со сформированной за длительный период миграционной политикой некоторых государств, с существованием определенных программ адаптации и поддержки мигрантов в странах с более длительной историей принятия мигрантов.

Данные исследований, проведенных в отдельных странах, особенно в США, демонстрируют так называемый «парадокс мигранта» — более высокие академические достижения учащихся с мигрантским происхождением по сравнению с другими учащимися. Это явление достаточно четко связывается с внутренними, мотивационными факторами развития личности, с уровнем распространенности в среде мигрантов установки на ценность образования как социального лифта.

Исследования академической резильентности детей-мигрантов

Автор(ы)	Выборка	Методы измерений	Основные результаты
Группа исследований 1.			
	Количественные исследования в одном городе, регионе, стране		
Worjan G.D., Overman L.T., 2004 [3]	Учащиеся 3-х классов школ США (возраст около 10 лет). Всего: 925 ученика с низким уровнем социально-экономического статуса (26% афроамериканцы, 32% латиноамериканцы, 43% — белые). Из них 521 «академически резильентные» (успеваемость выше средней) 40/4 «с академическим риском» (успеваемость ниже средней)	Отметки по математике по полугодиям и годам: 1) общая самооценка была проведена по шкале Розенберга; 2) анкета самооценки успеваемости учащихся в области математики; 3) анкета отношения учащихся к школе; 4) оценка классным руководителем степени вовлеченности учащихся в учебный процесс	Для учащихся из этнических меньшинств с низким уровнем социально-экономического статуса, которые достигли устойчивых результатов по математике, т. е. для академически резильентных учащихся свойственны (по сравнению с малоуспешными учениками): 1) внутренний локус контроля; 2) более позитивный взгляд на школу; 3) более позитивная самооценка; 4) более активное участие в учебной деятельности
Perez W., Espinoza R., Ramos K., Coronado H., Cortes R. 2009 [16]	Ученики старших классов, проживающие в США нелегально. Всего: 110 нелегальных латиноамериканских старшеклассников (возраст от 17 до 21 года, 62% женщины) Среднее количество лет, прожитых в США, — 13,5 лет	1. Показатели академической успешности: высокий средний балл, большое количество академических наград и количество завершенных курсов с отличием. 2. Показатели риска: большая занятость в старшей школе; чувство отвержения, связанное с нелегальным статусом; низкий уровень образования родителей; большой размер семьи. 3. Показатели факторов внешней защиты: родительское одобрение школы; положительная оценка школьного образования со стороны друзей; участие во внеклассных мероприятиях; участие в волонтерской деятельности; полная семья. 4. Показатели факторов личной защиты: признан ли одаренным и талантливым во время своего начального или среднего школьного образования; шкала двуязычия; шкала дистресса; значимость школьного образования	1. «Резильентные» учащиеся-мигранты (23%) характеризуются высоким уровнем психосоциального риска в сочетании с высоким уровнем личных и средовых защитных факторов. 2. При наличии различных внешних и внутренних ресурсов академическая успеваемость в целом была положительной, даже при наличии нескольких источников психосоциального риска. 3. Наиболее важными факторами личной защиты (и резильентности) учеников-мигрантов являются: субъективная значимость школы, участие во внеклассной деятельности, участие в волонтерской деятельности. 4. Субъективная значимость обучения была положительно связана со средним баллом успеваемости
Камаев А., Тovar Garcia E.D., 2016 [7] продолжение — Тovar Garcia E.D., 2017 [18]	Учащиеся 1 — 8-х классов в школах России (возраст от 6 до 14 лет) и их семьи (всего 6000 семей)	Данные Российского лонгитюдного мониторингового исследования с 2010 по 2013 г. (4 среза): 1) оценка родителями уровня успеваемости своих детей; 2) статус ученика (был ли ребенок рожден вне России — т. е. является ли он «мигрантом»);	Дети-мигранты не обладают какими-либо значимыми преимуществами или недостатками в уровне учебных достижений по сравнению с другими школьниками. В среднем они показывают результаты, схожие с результатами по выборке в целом. То есть их происхождение не оказывает значимого влияния на их учебные достижения

Автор(ы)	Выборка	Методы измерений	Основные результаты
Товар-Гарсия Э.Д., 2018 [1]	Учащиеся 9-х классов в школах г. Ярославля и Ярославской области, Россия (возраст — 15 лет). Всего: 2003 ученика, среди них 210 ученик из семей мигрантов из-за рубежа	3) оценка родителями уровня здоровья ученика, пол и возраст, социально-экономический статус, тип школы По происхождению ученики были разделены на 3 группы: русские, этнически-кавказские и этнически-азиатские. 1. Индекс образовательных достижений и результатов. 2. Индекс семейного происхождения (социально-экономический статус, культурный и социальный капитал). 3. Индекс качества школ (специализация школы, нестандартные программы обучения, участие школ в олимпиадах). 4. Индекс ассертивности — энтузиазма по отношению к долгосрочным целям	1. Дети-мигранты не обладают более низкими образовательными достижениями, чем местные школьники. Семейное происхождение и качество школы не играют важной роли для мигрантов. 2. Дети мигрантов из республик Кавказа имеют более высокий уровень ассертивности по сравнению с остальными школьниками, хотя уровень их успеваемости соответствует уровню местных детей. 3. Ассертивность этнических кавказских мигрантов положительно влияет на их успеваемость
De Feyter J.J., Parada M.D., Hartman S.C., Curby T.W., Winsler A., 2020 [4]	Учащиеся 1—4-х классов в школах США (возраст от 7 до 11 лет), город Майями (59% населения имеет иностранное происхождение). Всего: 1638 детей из семей с низким доходом, афроамериканцы и латиноамериканцы. Три подгруппы: 1) дети мигрантов 1-го поколения (родились за пределами США); 2) дети мигрантов 2-го поколения (рождены в США, но хотя бы один родитель рожден за границей); 3) мигранты 3-го поколения (родители родились в США)	1. Оценки в классе с 1-го по 4-й класс (средний балл). 2. Результаты стандартизированных тестов по математике и чтению по государственному тестам SAT-10 и F-SAT. 3. Количество пропусков занятий, опозданий на уроки. 4. Количество оставленных на второй год	1. Выявлены более высокие академические результаты детей-мигрантов (афро- и латино-) с низким доходом почти по каждому параметру в каждом классе — с 1-го по 4-й класс по сравнению с детьми не мигрантов (афро- и латино-) с низким доходом. 2. Дети мигрантов 1-го поколения превосходили детей не мигрантов во всех классах и областях, измеряемых по среднему баллу и по результатам государственных тестов. Они же превосходили детей мигрантов 2-го поколения по 8 из 13 показателей. 3. Дети мигрантов 1-го поколения гораздо меньше прогугливали уроки и опаздывали, начиная с детского сада до 2-го класса по сравнению с детьми не мигрантов. Школьники-мигранты из числа афро- гораздо реже пропускали школу, чем другие. Этот феномен назван «иммигрантское преимущество» (высокий энтузиазм, отношение к образованию как к социальному лифту и т. д.). 4. «Иммигрантское преимущество» от поколения к поколению имеет тенденцию к снижению, так как снижаются результаты обучения (у 1-го поколения они выше, у 2-го — ниже, у 3-го — еще ниже)
Группа исследований 2.			
Количественные исследования в нескольких странах			
OECD, 2015 [14]	Ученики 9-х классов (возраст от 15,2 до 16,3 лет) из всех стран, участвовавших в международном исследовании PISA в	Тесты международного исследования PISA и анкеты, к нему прилагающиеся (информация о семейном происхождении, школь-	1. Доля академически резильентных учащихся (из неблагополучных семей, которые входят в первую четверть всех учащащихся по уровню академических достижений) среди учени-

Автор(ы)	Выборка	Методы измерений	Основные результаты
	2012 г., с привлечением данных этого же исследования в 2003, 2006 и 2009 гг.	ном опыте, образовательных ожиданиях и отношении к своей школе и учителям)	ков-мигрантов выше, чем среди учеников-не мигрантов в трех странах: Австралии, Израиле и Соединенных Штатах. 2. Значимым фактором академической резильентности являются «Ожидания в отношении высшего образования и карьеры» — часто они становятся самореализующимися про-рочествами: учащиеся, которые возлагают амбициозные, но реалистичные надежды на свое будущее, с большей вероятно-стью приложат больше усилий к обучению и лучше использо-уют доступные им возможности получения образования. 3. Этим учащимся удается преодолеть «двойное препят-ствие» — в виде бедности и в виде мигрантского происхожде-ния. То есть это высоко мотивированные учащиеся, которые обладают большим потенциалом для того, чтобы внести значительный вклад в развитие принимающих их стран
Schachner M., He J., Heizmann B., Fons J. R., Van de Vijver F., 2017 [17]	Ученики 9-х классов (возраст от 15,2 до 16,3 лет) с мигрантским происхождением из 6 стран Европы с разным уровнем ин-теграции мигрантов и мультикультурной политики: Всего: 5334 ученика	Тесты международного исследования PISA и анкеты, к нему прилагающиеся	1. Обнаружена важная роль чувства принадлежности к школе, связанная со стратегиями аккультурации, а также психоло-гическими, поведенческими и академическими результатами адаптации к школе в разных странах. 2. Во всех странах выявлено, что более сильная ориентация на принимающую (mainstream) культуру у учеников-мигрантов была связана с более сильным чувством принадлежности к школе. 3. Наименьший эффект от ориентации на принимающую культуру наблюдался в странах с наиболее благоприятной мультикультурной политикой: в Бельгии и Финляндии. 4. Более сильная ориентация на мейнстрим-культуру была значимо связана с чувством принадлежности школе в странах с умеренно благоприятной рациональной политикой: в Италии и Португалии. Авторами сделан вывод, что ассимиляция явля-ется наиболее успешной стратегией аккультурации в этих «промежуточных» странах. 5. В Дании и Словении ориентация учеников-мигрантов на свою собственную этническую культуру была выше, чем ориентация на принимающую культуру, что указывает на тенденцию к сепарации
MacLeod S., Cutmore M., Martin A., Col-lier R., Don-levy V., Be-low S., 2018 [9]	Ученики 9-х классов (возраст от 15,2 до 16,3 лет) стран ЕС	Тесты международного исследования PISA и анкеты, к нему прилагающиеся	1. В большинстве стран — членов ЕС количество академически резильентных учащихся выше среди школьников, принадлежа-щих к « коренным» народам, чем среди школьников-мигрантов. 2. Академически резильентные учащиеся с мигрантским про-исхождением имели более высокий уровень мотивации, чем резильентные учащиеся с немигрантским происхождением. 3. Оставление учеников-мигрантов на второй год в одном и том же классе отрицательно связано с академической рези-льентностью

Автор(ы)	Выборка	Методы измерений	Основные результаты
OECD, 2018 [15]	Ученики 9-х классов (возраст от 15,2 до 16,3 лет) из всех стран, участвовавших в международном исследовании PISA в 2015 г.	Тесты международного исследования PISA и анкеты, к нему прилагающиеся	<p>1. Вероятность того, что учащиеся-мигранты первого поколения в целом будут резильентными, в значительной степени зависит от возраста, в котором они прибыли в принимающую страну.</p> <p>В среднем по странам ОЭСР и ЕС «поздно прибывшие» (приехавшие после 12 лет) с меньшей вероятностью (на 10%) окажутся в группе резильентных учащихся, по сравнению с «рано прибывшими» (приехавшими до 12 лет).</p> <p>2. «Поздно прибывшие» учащиеся-мигранты на 24% реже, чем учащиеся из числа коренных народов, достигали базового академического уровня, сообщили о чувстве принадлежности к школе и удовлетворенности жизнью</p>
Gabrielli G., Longobardi S., Strozza S., 2021 [5]	<p>Ученики 9-х классов (возраст от 15,2 до 16,3 лет) из 7 стран: Италия, Испания, Греция, Германия, Франция, Великобритания, Нидерланды (участники международного теста PISA 2018).</p> <p>Ученики поделены для анализа на под-группы:</p> <p>1) мигранты (оба родителя или один — мигранты);</p> <p>2) коренные (оба родителя — не мигранты)</p>	Тесты международного исследования PISA и анкеты, к нему прилагающиеся	<p>1. Ученики-мигранты демонстрируют более низкую степень академической резильентности, чем их местные сверстники.</p> <p>2. Убеждения учеников в самоэффективности способствуют хорошей успеваемости больше среди коренных жителей, чем среди мигрантов.</p> <p>3. Намерения учащихся пойти в старшие классы положительно связаны с академической резильентностью, как у коренных жителей, так и у мигрантов.</p> <p>4. Образование родителей и родительская поддержка в большей степени и положительно связаны с резильентностью учеников-мигрантов, чем учеников-коренных жителей. Даже если родители не могут поддержать образовательные усилия и достижения своих детей с помощью определенных предметов или навыков, они все равно играют значительную роль, поощряя у учащихся чувство компетентности и положительное отношение к учебе.</p> <p>5. Учащиеся-мигранты в северо-западных странах (Германия, Франция, Великобритания, Нидерланды) более резильентны, если они посещают школы, где организована разнообразная внеклассная деятельность и имеются четкие критерии отбора для поступления в определенные классы. Для южных стран (Италия, Испания, Греция) эта закономерность не выявлена.</p> <p>6. Несовпадение языка обучения и языка домашнего общения отрицательно связано с академической резильентностью учеников</p>
Группа исследований 3.			
Качественные исследования			
Morales E.E., 2008 [10]	Учащиеся-мигранты в США из Доминиканской Республики, показавшие высокие академические достижения во время учебы и имеющие хорошую карьеру в США. Всего — 4 человека	<p>Лонгитюдное исследование :</p> <p>1) первоначальное интервью 1997;</p> <p>2) повторное глубинное интервью через 10 лет</p>	<p>1. Выявлены различные аспекты академической резильентности учеников-мигрантов.</p> <p>1.1. Сильный внутренний локус контроля, восприятие школы как опоры, посещение специальных школьных программ, поддерживающие учителя.</p>

Автор(ы)	Выборка	Методы измерений	Основные результаты
<p>Nachatar Singh J.K., 2020 [11]</p>	<p>Учащихся по обмену из разных стран в малайзийском университете (12 жен и 21 муж) Всего — 33 учащихся</p>	<p>Полуструктурированное интервью, в ходе которого происходило выделение наиболее резильентных учащихся. Учащиеся отозвались на просьбу дать интервью</p>	<p>1.2. интеллект выше среднего, высокая уверенность в себе, хорошая трудовая этика, пример значимого взрослого. 1.3. Независимость, дисциплина и приверженность к усердному труду, желание уйти из своего окружения (соседства), дополнительная школьная программа, высокие ожидания родителей относительно учебы ребенка . 1.4. Привычка к усердному труду, умение эффективно использовать помощь других людей, религия, поддержка со стороны значимых людей, переезд в новый район</p>
			<p>1. Резильентные учащиеся во время выполнения групповых заданий использовали стратегию присоединения к людям других этнических групп или привлечения помощи учителей, когда это необходимо, для объединения с другими учащимися и улучшения своего учебного опыта. Такие примеры выявлены в поведении учеников-мигрантов из регионов Африки и Ближнего Востока. 2. Резильентные учащиеся активно искали личную помощь, особенно у своих друзей. Учащиеся из африканских, азиатских и ближневосточных стран гораздо чаще обращались за такой помощью, чтобы понять, как работать на общих компьютерах, как предоставить отзывы о своей письменной работе или информацию о своих исследованиях. 3. Резильентные учащиеся указали, что должны были создавать для себя мотивацию, чтобы обратиться за помощью к другим, более знающим ученикам или узнать о дополнительных образовательных услугах. 4. Основные стратегии поведения резильентных учащихся связаны с их личными качествами: настойчивость и уверенность</p>

Интересно, что в некоторых исследованиях выявлены различия в зависимости от стран исхода. Ряд стран в качестве страны исхода являются более благоприятными для формирования академической резильентности у учащихся [11], а отдаленность страны исхода от страны приезда в плане традиций и языка — это фактор затруднения академической резильентности учащихся-мигрантов [3].

В нескольких исследованиях были получены различия между мигрантами первого и второго поколений. Общая тенденция такова, что мигранты второго поколения чаще оказываются в группе «академически резильентных», по сравнению с немигрантами [9]. В то же время среди мигрантов первого поколения встречаются учащиеся с более высоким уровнем мотивации к обучению, чем у других учащихся, в том числе и среди мигрантов второго поколения [4; 9].

Для детей мигрантов первого поколения важную роль играет возраст прибытия в другую страну. От него во многом зависит качество дальнейшей адаптации ребенка. Критическим признается возраст 12 лет [15]. Учащиеся, прибывшие позднее этого возраста, показывают меньшее чувство принадлежности к школе и реже достигают базового академического уровня, чем дети, прибывшие в более раннем возрасте.

Следующие факторы академической резильентности учащихся мигрантов относятся к мотивационно-потребностной сфере. Это уверенность в себе, высокая самооценка и самоэффективность. Представляется, что эта закономерность характерна не только для детей мигрантов, а скорее для более широкой группы учащихся. Академическая резильентность дает ребенку чувство собственной компетентности, возможность испытать успех и ощущение того, что он может справиться с вызовами и проблемами.

В пока немногочисленных исследованиях академической резильентности детей-мигрантов в России [1; 7; 18] отчетливо видна недостаточность эмпирических данных и необходимость глубокого и тщательного изучения этой проблемы.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Результаты описанных в статье исследований позволяют предположить, что академическая резильентность детей-мигрантов особенно интенсивно развивается в семьях, в которых есть хотя бы один значимый взрослый, который является для ребенка образцом резильентного поведения, высоко ценит академические успехи ребенка и возлагает большие надежды на его образование. Семейей можно считать «расширенную семью», включающую не только родителей, но и других родственников и, в некоторых случаях, «этнические группы тесных социальных связей». По-видимому, можно гипотетически говорить о выявленных фактах интериоризации благоприятных для академической успешности ребенка социальных отношений в его внутренний психический план.

Также в ряде случаев академическая резильентность детей-мигрантов обусловлена высоким профессионализмом в работе хотя бы одного значимого для него педагога. Особенно часто такая закономерность проявляется в начальной школе, хотя выявлены и единичные случаи среди мигрантов-подростков, с которыми работали педагоги не только школы, но и внешкольных организаций, например, волонтерских, религиозных и др. По мнению Я.С. Новотного, наиболее перспективными являются три основных направления исследований в школе. Сначала нужно выявить, как происходит поддержка и оценивание учебных успехов детей-мигрантов разными педагогами и как это стимулирует их к дальнейшим успехам. Далее важно изучить механизмы, лежащие в основе этого учебного успеха и использовать их в дальнейшей работе с этими же самыми детьми-мигрантами; понять, почему именно эти ученики так неожиданно добились успеха. Наконец, можно будет исследовать результативность этих механизмов в работе с другими учащимися [12].

Во-вторых, проведенные ранее исследования показывают, что наличие внешней поддержки у ребенка-мигранта с академической резильентностью сочетается с его способностью находить такую поддержку — обращаться, искать, просить и принимать. Важными предпосылками академической резильентности, а, возможно, сопутствующими и параллельно развивающимися, являются такие психические новообразования, как внутренний локус контроля, высокая внутренняя учебная мотивация, способность к самоэффективности, а также «ассертивность». В будущих исследованиях важно проверить, какие личностные особенности и деятельностные характеристики связаны с академической резильентностью детей-мигрантов. Также в них важно найти источник высокой мотивации среди детей с мигрантским происхождением, для того чтобы понять, какие условия способствуют ее повышению.

Помимо исследования характеристик мотивационно-потребностной сферы академически резильентных детей-мигрантов, необходимо понять, насколько они психологически благополучны, каков у них уровень удовлетворенности жизнью. Будет ли для детей-мигрантов верна следующая закономерность: поддерживаемая высокая внешняя учебная мотивация влияет на формирование устойчивой внутренней учебной мотивации, что приводит к достаточным высоким академическим достижениям. Влияет ли это на повышение или поддержание высокой общей самооценки и на относительно высокий уровень удовлетворенности жизнью.

В-третьих, можно осторожно предположить, что наиболее благоприятным возрастом для формирования академической резильентности является период обучения в начальной школе, особенно в первых двух классах. При этом дети, которых оставляют на второй учебный год, в большинстве случаев теряют академическую резильентность. Эта проблема также требует прояснения, особенно если учитывать межкультурные различия в резильентности, отдельные аспекты

в социальном и культурном контекстах. Другими словами, необходимо выявить особенности академической резильентности учащихся начальной школы, средней и старшей школы в различных культурно обусловленных способах восприятия и понимания мира.

В-четвертых, отдельное направление исследований возможно относительно связей между академической резильентностью детей-мигрантов с другими видами резильентности и предполагает ответ на вопрос: влияет ли повышение общей резильентности у таких детей на рост их академических результатов. Понятие академическая резильентность дает возможность исследователю встать на другую позицию и предоставляет совершенно иной, позитивный, взгляд на ребенка-мигранта, не как на жертву неблагоприятных

обстоятельств, а как на субъекта, способного бороться и преодолевать трудности.

В-целом, анализ показал, что специфика академической резильентности, связанная с миграционным опытом, выявлена пока что недостаточно. В будущих исследованиях академической резильентности видится двойная сложность. С одной стороны, необходимо рассматривать достаточно широкий круг переменных, т. е. факторов разного уровня: общество, школа, друзья, семья, личность, — что побуждает к применению преимущественно количественных исследований. С другой стороны, чтобы выявить действительные механизмы развития академической резильентности, необходимо применять методы качественных исследований.

Литература

1. Товар-Гарсия Э.Д. Иммигрантское происхождение или ассертивность? Поиск ключевых факторов образовательных достижений детей мигрантов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Том 15. № 2. С. 326–345. DOI:10.17323/1813-8918-2018-2-326-345
2. Bonanno G.A. Loss, Trauma, and Human Resilience: Have We Underestimated the Human Capacity to Thrive After Extremely Aversive Events? // *The American psychologist*. 2004. Vol. 59. № 1. P. 101–113. DOI:10.1037/0003-066X.59.1.20
3. Borman G.D., Overman, L.T. Academic Resilience in Mathematics among Poor and Minority Students // *The Elementary School Journal*. 2004. Vol. 104. № 3. P. 177–195. DOI:10.1086/499748
4. De Feyter J.J., Parada M.D., Hartman S.C., Curby T.W., Winsler A. The early academic resilience of children from low-income, immigrant families // *Early Childhood Research Quarterly*. 2020. Vol. 51. P. 446–461. DOI:10.1016/j.ecresq.2020.01.001
5. Gabrielli G., Longobardi S., Strozza S. The academic resilience of native and immigrant-origin students in selected European countries [Электронный ресурс] // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021. DOI:10.1080/1369183X.2021.1935657 (дата обращения: 22.10.2021).
6. Garnezy N. Resilience in children's adaptation to negative life events and stressed environments // *Pediatric Annals*. 1991. Vol. 20. P. 459–466. DOI:10.3928/0090-4481-19910901-05
7. Kamaev A., Tovar Garcia E.D. Educational achievements of migrant schoolchildren in Moscow [Электронный ресурс]. Moscow, 2016. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-46748-7> (дата обращения: 22.10.2021).
8. Lutha S.S. Vulnerability and resilience: A study of high-risk adolescents // *Child Development*. 1991. Vol. 62. P. 600–616. DOI:10.1111/j.1467-8624.1991.tb01555.x
9. MacLeod S., Cutmore M., Martin A., Collie R., Donlevy V., Below S. Against the odds — Academically resilient students with a migration background and how they succeed [Электронный ресурс]. ResearchGate. December 2018. DOI:10.2766/642712 (дата обращения: 22.10.2021).
10. Morales E.E. Academic Resilience in Retrospect: Following Up a Decade Later // *Journal of Hispanic Higher Education*. 2008. Vol. 7. № 3. P. 228–248. DOI:10.1177/1538192708317119

References

1. Tovar Garcia E.D. Immigrants background or assertiveness? Search for Key Factors of Educational Achievements of Migrant Children]. *Psihologija. Zhurnal Vyshej shkolj ekonomiki* = Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 2018. Vol. 15, no. 2. pp. 326–345. DOI:10.17323/1813-8918-2018-2-326-345 (In Russ.).
2. Bonanno G.A. Loss, Trauma, and Human Resilience: Have We Underestimated the Human Capacity to Thrive After Extremely Aversive Events? *The American psychologist*, 2004. Vol.59, no. 1, pp. 101–113. DOI:10.1037/0003-066X.59.1.20
3. Borman G.D., Overman L.T. Academic Resilience in Mathematics among Poor and Minority Students. *The Elementary School Journal*, 2004. Vol. 104, no 3, pp. 177–195. DOI:10.1086/499748
4. De Feyter J.J., Parada M.D., Hartman S.C., Curby T.W., Winsler A. The early academic resilience of children from low-income, immigrant families. *Early Childhood Research Quarterly*, 2020. Vol. 51, pp. 446–461. DOI:10.1016/j.ecresq.2020.01.001
5. Gabrielli G., Longobardi S., Strozza S. The academic resilience of native and immigrant-origin students in selected European countries. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2021. DOI:10.1080/1369183X.2021.1935657 (Accessed: 22.10.2021).
6. Garnezy N. Resilience in children's adaptation to negative life events and stressed environments. *Pediatric Annals*, 1991. Vol. 20, pp. 459–466. DOI:10.3928/0090-4481-19910901-05
7. Kamaev A., Tovar Garcia E.D. Educational achievements of migrant schoolchildren in Moscow, 2016. Available at: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-46748-7> (Accessed: 22.10.2021).
8. Luthar S.S. Vulnerability and resilience: A study of high-risk adolescents. *Child Development*, 1991. Vol. 62, pp. 600–616. DOI:10.1111/j.1467-8624.1991.tb01555.x
9. MacLeod S., Cutmore M., Martin A., Collie R., Donlevy V., Below S. Against the odds — Academically resilient students with a migration background and how they succeed, 2018 DOI:10.2766/642712
10. Morales E.E. Academic Resilience in Retrospect: Following Up a Decade Later. *Journal of Hispanic Higher Education*, 2008. Vol. 7, no. 3, pp. 228–248. DOI:10.1177/1538192708317119

11. Nachatar Singh J.K. Academic resilience among international students: lived experiences of postgraduate international students in Malaysia // *Asia Pacific Education Review*. 2020. Vol. 22. DOI:10.1007/s12564-020-09657-7

12. Novotny J.S. Academic resilience: Academic success as possible compensatory mechanism of experienced adversities and various life disadvantages [Электронный ресурс] // *New Educational Review*. 2011. Vol. 23. № 1. P. 91–101. URL: https://tner.polsl.pl/dok/volumes/tner_1_2011.pdf (дата обращения: 22.10.2021).

13. OECD 2011. *Against the Odds: Disadvantaged Students Who Succeed in School* [Электронный ресурс] / OECD Publishing, Paris. DOI:10.1787/9789264090873-en

14. OECD 2015. *Helping immigrant students to succeed at school – and beyond* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/education/Helping-immigrant-students-to-succeed-at-school-and-beyond.pdf> (дата обращения: 22.10.2021).

15. OECD 2018. *The Resilience of Students with an Immigrant Background: Factors that Shape Well-being* [Электронный ресурс] // *OECD Reviews of Migrant Education*. OECD Publishing, Paris. 2018. DOI:10.1787/9789264292093-en

16. Perez W., Espinoza R., Ramos K., Coronado H., Cortes R. Academic Resilience Among Undocumented Latino Students // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 2009. Vol. 31. P. 149–181. DOI:10.1177/0739986309333020

17. Schachner M.K., He J., Heizmann B., Van de Vijver F.J.R. Acculturation and School Adjustment of Immigrant Youth in Six European Countries: Findings from the Programme for International Student Assessment (PISA) // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. P. 649. DOI:10.3389/fpsyg.2017.00649

18. Tovar Garcia E.D. Migration background and educational achievements in Russia [Электронный ресурс] // *Migraciones Internacionales*. 2017. Vol. 9. № 1. P. 69–93. URL: <http://www.scielo.org.mx/pdf/migra/v9n1/1665-8906-migra-9-01-00069.pdf> (дата обращения: 22.10.2021).

19. Turner M., Holdsworth S., Scott-Young C. Not drowning, waving. Resilience and university: a student perspective // *Studies in Higher Education*. 2017. Vol. 43. № 11. <https://doi.org/10.1080/03075079.2017.1284193>

11. Nachatar Singh J.K. Academic resilience among international students: lived experiences of postgraduate international students in Malaysia. *Asia Pacific Education Review*, 2020. Vol. 22. DOI:10.1007/s12564-020-09657-7

12. Novotny J.S. Academic resilience: Academic success as possible compensatory mechanism of experienced adversities and various life disadvantages. *New Educational Review*, 2011. Vol. 23, no. 1, pp. 91–101. URL: https://tner.polsl.pl/dok/volumes/tner_1_2011.pdf (Accessed: 22.10.2021)

13. OECD 2011. *Against the Odds: Disadvantaged Students Who Succeed in School*. OECD Publishing, Paris, 2011. DOI:10.1787/9789264090873-en.

14. OECD 2015. *Helping immigrant students to succeed at school – and beyond*, 2015. Available at: <https://www.oecd.org/education/Helping-immigrant-students-to-succeed-at-school-and-beyond.pdf> (Accessed 22.10.2021).

15. OECD 2018. *The Resilience of Students with an Immigrant Background: Factors that Shape Well-being*. *OECD Reviews of Migrant Education*. OECD Publishing, Paris. 2018. DOI:10.1787/9789264292093-en (Accessed: 22.10.2021).

16. Perez W., Espinoza R., Ramos K., Coronado H., Cortes R. Academic Resilience Among Undocumented Latino Students. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 2009. Vol. 31, pp. 149–181. DOI:10.1177/0739986309333020.

17. Schachner M.K., He J., Heizmann B., Van de Vijver F.J.R. Acculturation and School Adjustment of Immigrant Youth in Six European Countries: Findings from the Programme for International Student Assessment (PISA). *Frontiers in Psychology*, 2017. Vol. 8, pp. 649. DOI:10.3389/fpsyg.2017.00649

18. Tovar Garcia E.D. Migration background and educational achievements in Russia. *Migraciones Internacionales*, 2017. Vol. 9, no. 1, pp. 69–93. Available at: <http://www.scielo.org.mx/pdf/migra/v9n1/1665-8906-migra-9-01-00069.pdf> (Accessed 22.10.2021)

19. Turner M., Holdsworth S., Scott-Young C. Not drowning, waving. Resilience and university: a student perspective. *Studies in Higher Education*, 2017. Vol. 43, no. 11. DOI:10.1080/03075079.2017.1284193

Информация об авторах

Хухлаев Олег Евгеньевич, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Хакимов Эдуард Рафаилович, кандидат педагогических наук, директор образовательно-культурного центра Сиппола, г. Сиппола, Финляндия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5745-815X>, e-mail: eduard.khakimov@yahoo.com

Фомичева Анастасия Евгеньевна, кандидат психологических наук, независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2627-8532>, e-mail: nastyafom5@gmail.com

Information about the authors

Oleg E. Khukhlaev, PhD in Psychology, Professor, Head of the Chair of Cross-Cultural Psychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Eduard R. Khakimov, PhD in Pedagogy, Head of the Education and Cultural Center Sippola, Sippola, Finland, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5745-815X>, e-mail: eduard.khakimov@yahoo.com

Anastasiya E. Fomicheva, PhD in Psychology, Independent Researcher, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2627-8532>, e-mail: nastyafom5@gmail.com

Получена 01.11.2021

Принята в печать 11.11.2021

Received 01.11.2021

Accepted 11.11.2021

Norms and Their Violation: From Scientific to Lay Thinking. An Exploratory Study from a Sample of Young Russian Adults

Marianna E. Sachkova

Russian Presidential Academy of National Economy & Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Elizaveta B. Berezina

Sunway University, Sunway, Malaysia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-8133>, e-mail: elizab@sunway.edu.my

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Problem. The problem of norms and norms violation has a long research history in scientific thinking. Lay thinking analysis rests in the shadow of this research line; although in the modern world people are actively involved in the construction of lay theories about various phenomena and they use this knowledge in daily life.

Aim. Following the ideas of the social representations theory, the aim of the exploratory study was to analyse the lay theories developed by young Russian adults about norms and norms violation.

Method. 134 young adults participated in the study, 26.12% males (aged 18 – 28 years, $M=21.01$ years, $SD=2.23$). 71.6% participants were students of social sciences from Moscow Universities. A free-association technique was used. The data were analysed by using prototypical analysis.

Results. The particularity of lay thinking about norms and norms violation was revealed.

Conclusion: It is possible to conclude that norms are not equated with laws, while norms violation is identified with crimes (laws' violation). The framework of the social representations theory allowed us to analyse the lay thinking about norms and norms violation as a matter of Russian cultural context.

Keywords: norms, norms violation, scientific thinking, lay thinking, social representations theory, Russian culture.

Acknowledgements. We thank the editor and two anonymous reviewers for their constructive comments, which helped us to improve the manuscript.

For citation: Sachkova M.E., Berezina E.B., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Norms and Their Violation: From Scientific to Lay Thinking. An Exploratory Study from a Sample of Young Russian Adults. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 128–136. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170414>

Нормы и их нарушение: от научного мышления к обыденному (поисковое исследование на выборке российской молодежи)

М.Е. Сачкова

Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ФГБОУ ВО «РАНХиГС»), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Е.Б. Березина

Университет Санвея, Санвей, Малайзия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-8133>, e-mail: elizab@sunway.edu.my

Н.В. Дворянчиков

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

И.Б. Бовина

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Проблема. Проблема норм и их нарушения находится в фокусе научного мышления в социальной психологии. «Ученые-любители» разрабатывают свои собственные непрофессиональные теории относительно норм и их нарушения. Данный аспект едва ли нашел отражение в литературе, хотя люди активно используют это обыденное знание в своей повседневной жизни.

Цель. Цель исследования заключалась в анализе наивных теорий о нормах и их нарушении на выборке российской молодежи. Поисковое исследование было основано на идеях теории социальных представлений.

Метод. В исследовании приняли участие 134 человека, 26,12% — мужчины (в возрасте 18–28 лет, $M=21,01$; $SD=2,23$). 71,6% участников были студентами, изучающими социальные науки в нескольких университетах г. Москвы (Россия). Основным инструментом изучения наивных теорий выступила методика свободных ассоциаций. Полученные данные были подвергнуты прототипическому анализу.

Результаты. Выявлена специфика обыденного мышления о нормах и их нарушении.

Вывод. Представляется возможным сделать вывод о том, что нормы не приравниваются к законам, нарушение норм отождествляется с преступлениями (нарушением законов). Рамки теории социальных представлений позволили нам проанализировать обыденное мышление о нормах и их нарушении в контексте российской культуры.

Ключевые слова: нормы, нарушение норм, научное мышление, обыденное мышление, теория социальных представлений, русская культура.

Благодарности. Мы благодарим редактора и двух анонимных рецензентов за их конструктивные замечания, которые помогли нам улучшить рукопись.

Для цитаты: Сачкова М.Е., Березина Е.Б., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б. Нормы и их нарушение: от научного мышления к обыденному (поисковое исследование на выборке российской молодежи) // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 128–136. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170414>

Introduction

Norms are the most important mechanism of social interaction regulation. Being a social animal, an individual spends most of his/her life time interacting with others [33]. By following norms people get approval or avoid punishment. Numerous factors influence on compliance with norms, culture plays a crucial role among

them [33]. Respect towards the norms is a key component of the East Asian cultures, it allows an individual to maintain the harmony within the group and it corresponds to the collectivistic culture [16]. For the individualistic culture uniqueness and conformity are concepts that have an opposite connotation [16].

Norms violation endangers the group's unanimity, it may involve a variety of punishment (e.g. social exclusion,

verbal or physical abuse)[21]. According to the results of a cross-cultural research conducted in 57 societies, responses to norms violation depend on the cultural context [10].

Norms and norms violation have a long research history in social psychology, but these complex constructs still initiate scientific discussions [14; 33].

It is important to underline that there is another line of analysis that rests in the shadow of mainstream research. The so-called *amateur scientists* work out their explanations of group functioning and use this knowledge in everyday life. The literature review reveals a number of works aimed to study lay theories about groups [13; 18]. Our interest towards the lay thinking about norms and their violation is situated in this line of analysis. This research perspective is relevant to the problem of norms and norms violation for several reasons. The Internet plays a key role in everyday life. People are faced with a huge amount of extremely diverse and contradictory information, whether it is scientific or popular. An individual is involved in a variety of communications through the new social media. The annual survey of social media usage shows the exponential growth of social network activity [8]. This daily usage of social media has a number of qualitative consequences for social interaction: transformation of communication process and modification of its norms and power relations, the empowerment of communication actors etc.[20]. Thus, in the modern world an individual is actively involved in a process of lay theory construction about various phenomena. This knowledge is used in order to predict the world and to act in it. This explains the relevance and the novelty of the proposed research perspective on norms and norms violation.

Norms and their violation in scientific thinking

Sherif followed a broad understanding of norms, assuming that norms are rules, traditions, standards, values that are standardized as a result of the interaction of individuals [32]. The concepts that were exchangeable for Sherif are considered to be distinct ones for modern scientific knowledge [4; 9].

According to one definition of norms that is cited quite often by researchers, norms are: “rules or standards that are understood by members of a group, and that guide and/or constrain behavior without the force of laws” [7, p. 152]. These principles can be implicit and explicit. The key points of this definition proposed by Cialdini are: norms are shared, and that their implementation is regulated by the group members, and not by the representatives of the law.

Norms vary depending on whether they are injunctive (for example, prescribing or prohibiting some behaviors) or descriptive, which inform what actions are taken by other people in similar situations [7].

Classical experimental studies on norms go back to the Sherif's works [31; 32], in which he focused on the psychological foundations of social norms. Appealing to the ideas of Durkheim on collective representations and the ideas of Chicago School on the functioning of small groups [31; 32], Sherif emphasizes that norms are a kind of standards for orientation in the world. In a situation

of uncertainty (when a person faces with an objectively unstable, unstructured, new situation, when all the grounds for comparison are absent) people do not succumb to chaos, but on the contrary—they give meaning to the situation, structure it by developing a common norm, in the process of interaction there is a mutual influence [32]. Sherif tried to show how culture, society, and social structure determine a person's perception and understanding of the world [4].

Experimental evidence suggests that norms, these social products, once developed, were retained by respondents for a long time, be it a month or even a year later [28].

In the so-called Robbers Cave study Sherif demonstrated the adaptive nature of norms when in a scout camp 14-year-olds boys who did not know each other were placed in the same group and they developed norms that regulated behaviour in the group [28].

The experimental works of Asch and Milgram fit into the line of research on norms, but while for Sherif the primary questions were what norms are and how they formed and function, for Asch and Milgram the question was how people followed or resisted norms, rules or roles [29].

The research line on norms and group influence has taken a new turn due to the events of WW2 (the Holocaust). This historical aspect was in the center of interest of Milgram in his experimental studies).

Empirical evidence in favour of Sherif's ideas can also be seen in research carried out within another theoretical tradition – social identity approach that uses the concept of norms: in a situation of uncertainty, the importance of norms increases and they have a greater impact on behaviour than in a familiar situation [12]. Furthermore, Sherif's idea to find a structure, so-called frame of reference, in the development of new norms has also been demonstrated within the social identity approach, which once again emphasises the value of the classical work on norm formation for social psychology [4; 29].

Jetten and Hornsey [14] distinguish the two lines of group norms violation analysis: the traditional research line focuses attention on what makes people conform to norms, norms violation is seen as an exception and gets less attention. If following norms is seen as the positive side of group life, violation of group norms or disagreement with them are positioned as the negative side of group life, a kind of threat to group activity, an obstacle in the way of achieving group goals.

The norms violation threatens the group (appearance of deviants leads to lower identification with the group by other members, uncertainty caused by deviants endangers group cohesion, and in its extreme form the group risks a slide towards internecine conflict and even splits [14], etc.), members of the group will try to reject deviants or to punish them. Among the most frequent measures: social exclusion, gossip and verbal or physical abuse [21]. The expression of a negative reaction towards norm violators may force them to follow the norm [14; 33].

According to the alternative research line: norms violation along with dissent are almost ordinary aspects of group functioning that are not the dark side of group life [14]. This idea has some articulation with those proposed by Durkheim concerning the role of crimes in healthy so-

ciety [14]. In the eyes of others the norms violators could be seen as powerful [34]. From the alternative research line point of view, norms violation is not always a destructive aspect of group life [14;33], on the contrary, norms violation can lead to a positive outcome. The presence of deviants in a group enables the rest of the group members to reflect on the group norms [14]. Appealing to the ideas of the theory of minority influence proposed by Moscovici it seems possible to say that by creating a conflict, and violating norms a minority opens a way to social change [14]. Sommer traces this logic by taking an example from the world of fashion when an active minority violates norms, which eventually leads to aesthetic change [30].

The argument that positive aspects can be seen in group norms violation relates to situations where anti-social behaviour is normative. For example, aggressive norms in a classroom predict violent behaviour [15]. Similarly, competition and achievement norms adopted in some schools, as opposed to cooperative norms, correlate with the level of bullying [15]. Hence, the norms violation has positive consequences, because it prevents aggressive behaviour and acts of violence.

Having undertaken an analysis of the works published in the last 20 years on the problem of group norms violation and dissent, Jetten and Hornsey [14] reveal the following motives behind these phenomena: 1) disloyalty and disrespect (those who are less committed to the group are less likely to follow its norms); 2) loyalty, concern for the group (constructive deviance, the norms violation is driven by the concern for the group); 3) moral rebellions (personal moral principles contradict to the group norms); 4) desire to express their uniqueness; 5) instrumental benefits from norms violation.

Norms and their violation in lay thinking

However, the ideas that were discussed above reflect the key points of research on norms and norms violation within the framework of scientific knowledge. Along with this line, there is another one: the “amateur” scientist, so-called “naive scientist from the street”, also develops his/her own explanatory theories about norms and their violation. In the literature these theories that individuals develop to explain the phenomena of everyday life are referred to as lay, implicit, naive, common-sense theories [13; 18]. “Amateur” scientists try to understand the world in order to predict and to control it [13; 18]. The quality of naive theories is inferior to scientific ones in terms of rigor or rationality, but people actively use this knowledge in their everyday life. It affects the perception of the world and interaction with other people [13].

The research interest towards lay thinking is not new. These lay theories reflect a certain taxonomy of groups (e.g.: intimacy groups, task groups, social categories and loose associations), lay people represent how these groups function; this knowledge is used in order to interpret the judgements and behaviour of group members [18].

However, very little attention was paid to the lay explication of group norms and their violation. The research attention towards this problem is justified by the

fact that with the widespread use of the Internet an individual in modern society has access to a huge amount of different information, he/she takes part in various groups, participates in many different discussions by using social media. This daily usage of social media has a number of consequences for social interaction: transformation of communication process, modification of communication norms, as well as the power relations associated with it, and the empowerment of communication participants etc. [20]. Thus, in the modern world an individual is actively involved in a process of lay theory construction about various phenomena. This knowledge is used in order to predict the world and to act in it. The lay explanations are not only products of individual cognitive processes, they are based on cultural and social knowledge [11].

One of the most promising theoretical frameworks to study how naive theories are formed and functioned is the social representations theory. Following Moscovici ideas, the “amateur scientist” or the “notorious man from the street” cannot come up with naive explanations on his own; these explanations are generated in numerous communications [23; 27] in which he is actively involved, as we have underlined above. According to the one of numerous definitions of the social representations (SRs) done by Moscovici they are: “systems of values, ideas and practices with a twofold function...: first, to establish an order which will enable individuals to orient themselves in their material and social world and to master it; and secondly to enable communication to take place among members of a community by providing them with a code for social exchange and a code for naming and classifying unambiguously the various aspects of their world and their individual and group history” [25, p. xiii]. The SRs are socially produced and shared, they are organised and they possess social utility. An important point should be underlined here: the existence of a SR implies the existence of a group that shares it, that communicates about the object of the SR [26]. Being the form of common sense knowledge the SRs are worked out by people in everyday communications in order to give meaning to different objects, phenomena, events, etc. that are strange, unknown, threatening. So the SRs transform the strangeness of these objects or phenomena, by putting them into the existing frame. The other functions of the SRs are: regulation of social behaviour and practice, social identity construction and support, and justification of social relations [1; 22; 26; 27].

In the present study we followed the ideas of the structural approach. According to this approach, SR is a set of beliefs that are organized as a core and peripheral system [5;22]. The core of SR is a stable part, it is formed by a small number of elements [5; 22]. These elements are rooted in culture. The core performs the following functions: it gives meaning to SR, it organizes it, and it provides the stability of SR [22]. The core crystallizes in the value system shared by group members and is maintained through collective memory [6]. So the core part is “stable, coherent, consensual and historically marked” [6, p. 76].

The peripheral system of SR provides the concretization to the meaning of the core, it is a kind of mediator in between the core and the situation in which the SR is developed and operates. The peripheral system is characterized

by variability and changeability, it is formed by a significant number of elements [22]. Due to variability, the peripheral system allows SR to adapt to the changing context, so the peripheral system is kind of a “protective system” for the SR core, and for the whole SR as well, because the change of the core results in the change of SR. The peripheral system is “flexible, adaptive, and relatively heterogeneous” [6, p. 76].

The idea of SR structure facilitates a possibility to compare the SRs. Thus the potential of the theory of SRs lies in the fact that it allows us to analyze how individuals construct a naive explanation of group norms and their violation, and how this construction regulates individual’s behavior and justifies their interaction with others. In everyday life an individual is constantly confronted with the question of norms and their violation in a wide variety of contexts, as far as he spends a large part of his life interacting with others. Hence, the question of coordination of interaction and cooperation becomes of considerable importance. Norms act as a mechanism for regulating this interaction, as Glenfeld underlines, they make effective interaction possible, they are the glue that keeps people together, coordinates their actions, and adapts to situations in which it is not otherwise possible to survive [33]. As it was underlined above, the scientific theories of norms and their violation are nicely outlined in the literature, whereas, the lay theories are missed. In the presented study we fill partly this gap. Even from a brief glance at the key ideas of the SRs theory it becomes clear that this theoretical framework is a very productive and fertile tool to analyse lay thinking.

The research questions in the presented study were concerned with the particularities of lay thinking developed by young Russian adults about norms and norms violation. The aim of the presented exploratory study was to reveal and to compare the SRs on norms and norms violation in a sample of young Russian adults.

Method

Participants and procedure

A total sample consisted of 134 young Russian adults, 26.12% males (aged 18 – 28 years, $M_{age} = 21.01$, $SD_{age} = 2.23$). 71.6% participants were students of social sciences from several Universities in Moscow, Russia. The convenience sampling was used to recruit participants, students were contacted in classrooms and proposed to participate in a study as a part of the larger project, if they agreed to participate a paper version of the questionnaire was distributed. 38% of young adults had employment experience in different domains.

Measures

The main tool to reveal the content of SR was free association technique [5; 19; 24]. The participants were asked to produce 5 words that came to their minds while they were thinking about each of the stimuli (group norms, group norms violation). They were asked to evaluate each answer on a scale from -3 to +3, in order to reveal the evaluative connotation of each answer.

The study was exploratory, there were no assumptions put forward, however, the output hypotheses based on the results of the study were expected.

Representational structure analysis

The hypothetical structure of the SRs was revealed by using a prototypical analysis [5; 24]. The free-associations data matrix was composed by words evoked by at least 5 % of respondents. The data matrix was analysed by using the IRaMuTeQ software [24].

Results

The prototypical analysis implies the idea that core elements are more salient in comparison with non-core elements [5; 24]. The operationalisation of this idea requires crossing of the two parameters, frequency (quantitative parameter) and appearance ranking (qualitative parameter) of an association [24]. The combination of these parameters could be considered as an indicator of centrality of elements, however, the prototypical analysis is seen in the literature as a measure to put forward a hypothesis about the SR structure [19].

The core zone (elements high in frequency and low appearance ranking, the potential core elements (“candidates to the central core” [19]) are situated here) is formed by the elements: *rules, morality, respect, cohesion, order* (see Table 1). The first element in this zone is synonymous with the object of SR, because “norm” means “pattern, rule”. The element *morality* refers to “a set of norms and principles of people’s behavior” [2]. This element is also synonymous with the object of the SR, but it is associated with an evaluative dimension. It highlights the prescriptive aspect of norms and not the descriptive one. The presence of synonyms of the SR object is expected. If scientific thinking tries to differentiate concepts by drawing a watershed between norms, rules, values [4; 9], lay thinking is hardly sensitive to such nuances. Other components of the core zone – *respect, cohesion, and order* – attract special attention. If *respect* makes one think how an individual should react towards norms, when *cohesion* and *order* – these elements refer to the consequences of the norms functioning when they are complied with and not violated. Overall, the potential core elements reflect a kind of ideal vision of norms. All elements have a positive valence (from +1,5 to +2,8).

The contrasted elements zone (see Table 1) is composed of low frequency and low appearance ranking elements. As Abric underlines it: “There are themes stated by few people (low frequency), but who consider them very important. This configuration may reveal the existence of a minority subgroup with a different representation <...> But we can also find here <...> a complement of the first periphery” [5, p.63]. This zone in the case of the SR of norms unites: *behaviour, traditions, values*. All elements have a positive valence (See Table 1). The identification of norms with traditions and values has the same logic as it was discussed above. These elements are synonymous to the SR object; but these analogues of norms are less fluid and changeable in comparison with rules. The action of norms relates to behaviour, but not to cognitive sphere or attitudes.

The first peripheral zone unites high frequency and high appearance ranking elements, it is a kind of afterthought in relation towards the object of the SR. The only element (with a positive valence) is situated in

Table 1

Prototypical analysis of the SR of group norms and group norms violation among young Russian adults
 (hypothetical structure of SR)

	Group norms (16,38;2.69)	Group norms violation (11,33;2.62)
Core zone*	rules (63; 2,1; +1,5)** morality (33; 2,0; + 2,0) respect(23; 2,4; +2,7) cohesion (20; 2,6; + 2,8) order (18; 2,5; +1,8)	crime (24; 1,8; -2,5) deviation (18; 2,3; -1,1) disobedience (15; 2,3; -1,1) rules violation (12;2,3; -1,4)
Contrasted elements zone*	behaviour (14; 2,4; +1,4) traditions (11; 2,0; +1,6) values (9; 2,4; +2,8)	disrespect (8; 1,5; -1,9) riot (7; 2,3; -2,4) outcast (7; 2,0; -1,6)
First peripheral zone*	laws (30; 2,7; +1,5)	punishment (22; 2,9; -1,1) selfishness (14; 2,9; -2,1) immorality (12; 2,7; -2,4) conflict (12; 3,0; -1,1)
Second peripheral zone*	society (14; 3,4; +1,9) help (14; 4,1; +2,9) collective (13; 2,7; +1,7) responsibility(13; 3,2; +1,8) relationship (11; 3,3; +2,2) etiquette (10; 3,0; +2,4) leader (9; 3,2; +1,3) limits (9; 3,7; +0,7) regulation (8; 3,0; +1,6) violation (8; 4,0; -2,0) commitments (7; 3,9; +1,0)	aggression (11; 2,7; -2,3) exclusion (11; 2,9; -0,8) sanctions (11; 2,9; -0,8) responsibility (10; 3,0; +0,9) chaos (9; 2,8; -2,3) stand out (8; 3,4; 0,8) misbehaviour (7; 2,9; -1,9) freedom (7; 2,9; +2,0) rudeness (7; 3,1; -2,1) misunderstanding (7; 3,9; -2,3)

Note: «*» – four zones of SR hypothetical structure were revealed by the usage of rank-frequency method [6;24]; «**» – frequency, average rank of occurrence and average valence for each element are indicated in brackets [6;24]; Valence varies from – 3 to +3: negative [-3; -1], neutral (-1;+1), or positive connotations [+1;+ 3] of each element.

this zone: *laws*. The secondary role of *laws* in the understanding of norms coincides with the logic of Cialdini's definition [7] cited above, which emphasises that norms' implementation is regulated by the group members, and not by the representatives of the law. The special attention should be drawn to another point. According to Dahl's definition, it seems possible to distinguish three aspects of the concept of law: "a limit placed on the freedom of will or action; an imminent beginning, a basis; a rule, a decree of a higher authority" [3, p. 591]. The law as the limit – is the key aspect of the Russian mentality, which can be clearly traced through the etymology of the word "law"[3]. *Конь* from which comes the word *за-конь* (law), means "beginning" and "end". It is the boundary between "beginning" and "end", then the word *за-конь* (law) itself is a "limit", another sphere of life that lies beyond this limit, but it is not an absolute category, "it is a boundary within a wider sphere" [3, p. 592]. As a consequence, even in cases of legal or divine laws, there is a certain bifurcation: in the first case between the law of conscience and legal law; in the second, there is a "dualism", the confrontation between Christianity and Paganism [3]. This duality could be seen in our results where the norms are identified with morality and not with laws. All elements of this zone have a positive valence (from +1,4 to +2,8).

The second peripheral zone (low frequency, high appearance ranking elements) unites: *society, help, collective, responsibility, relationship, etiquette, leader, limits, regulation, violation, commitments*. The elements of this zone

vary in their meanings: synonyms of stimulus words with some concretisation (*etiquette*, on the one hand, and *society and collective* – on the other). The element of interaction (*help* and *relationship*); action of norms and reaction to them (*regulation, responsibility, limits* and *violation*); unconditional fulfilment of norms (*commitments*). Finally, the element related to the norms' personification – *leader*. All these themes correspond to the individual experience and serve to contextualise the core elements.

There is also a variation of elements in terms of their valence: from -2 to +2,9. The only element with a negative valence is *violation*, the element with the most positive valence – *help* (+2,9) are in this zone of the SR.

Overall, the content of the core zone and the peripheral system corresponds to the logic described by Moliner and Abric [22] about the expressive properties of core and peripheral elements. The former ones are: general characteristics of the SR object, they are abstract, and almost unconditional beliefs. Whereas the latter ones are: specific, concrete and contextualised, conditional beliefs. The potential core elements refer to the normative reaction towards the object of the SR and to the results of the norms functioning. The peripheral system concretizes the meaning of the core elements in a variety of *frames of reference* that are used in order to function in a group, as well as the element of interaction; action of norms and reaction to them; unconditional fulfilment of norms, and their personification.

The core zone of the SR of norms violation (see Table 1) is composed of a few elements (with negative va-

lence from -2,5 to -1,1) that could be seen as the general characteristics of the object, namely: *crime, deviation, disobedience, rules violation*. At the first glance, all core zone elements (the potential core elements) are from the same semantic field, reflecting the process opposite to the normatively prescribed one. Rules violation is synonymous with the object of the SR itself.

However, from the more detailed observation of the components of the core zone an interesting conclusion could be proposed. The element *crime* draws our particular attention — the frequency and appearance ranking of this element allow us to think that the threshold of sensitivity in relation to the violation of group norms is identified with a crime, i.e. crossing the very limit indicated by the law [3]. It turns out that a violation is a violation only when the action crosses the level of the law, and everything else is not seen as a violation of norms. If we come back to the hypothetical structure of the SR of norms, it turns out that norms are only secondarily understood through reference to laws, while violation of norms is identified with violation of laws, thereby crossing the prescribed limit [3]. This interpretation relies on the cultural particularities of lay thinking. Crime is the element with the most negative connotation among all the components of the SR.

The contrasted elements zone includes (see Table1): *disrespect, riot, outcast*. The valence of these elements is negative (from -2,4 to -1,6).

The analysis of this part of the SR reveals some interesting points: 1) the concretisation of the norms violation by the element *riot* once again illustrates the idea of certain extremity in the lay thinking about the norms violation. The action should be really strong in order to be seen as a violation; 2) the personification of the individual who violates norms as an *outcast* and not as a violator is worth attention because *outcast* refers to the group reaction to the norms violation.

The first peripheral zone includes: *punishment, selfishness, immorality, conflict*. The valence of these elements is negative (from -2,4 to -1,1). The presence of the elements *selfishness, immorality* — makes us think about the articulation in between SRs theory and attribution theory [11]. The norms violation implies thinking about the motivation of these acts, the lay thinkers search for the dispositional constructs in order to explain why the norms are violated.

The second peripheral zone (see Table 1) is composed of elements with diverse meanings. These associations vary in their valence (from -2,3 to +2) could be grouped in the following manner: concretisation of norms violation actions: *aggression, rudeness, chaos, misbehaviour*, reaction towards norms violator: *exclusion, sanctions*, motivation of norms violation *stand out, freedom, misunderstanding*; and finally — *responsibility*.

The candidates to the central core elements refer to the mechanisms of norms violation. The lay thinking in contrast to the scientific thinking mixes up the norms violation with laws violation. In the peripheral system one can find the concretisation of the norms violation in a variety of actions, in a variety of contractions coming from group in order to punish the norms violator. Lay thinkers attribute the motivation of the norms violation behaviour.

Discussion

The aim of this exploratory study was to analyse the lay thinking about norms and norms violation in a sample of young Russian adults. Lay people work out naive explanations about groups, their classification as well as their functioning [13;18]. The “amateur” scientists use this knowledge in order to predict the behaviour of group members [18]. The structural approach of the theory of SRs was used as a framework to analyse the lay thinking.

The comparison of the hypothetical structure of SRs of norms and norms violation in the same group of young Russian adults reveals several points concerning the lay thinking: norms are seen as an idealized frame of reference. The candidates to the central core elements (associations with positive connotations) describe this idealized frame of reference, the mechanism of its functioning as well as the consequences of this action. The identification of norms with morality strengthens this ideal vision. At the same time this element implies prescriptive aspects of norms. The peripheral system consists of the concretisations of the SR object in a variety of *frames of reference* that are used in order to function in a group (traditions, values, laws and etiquette), the other elements refer to interaction; action of norms and reaction to them; unconditional fulfilment of norms, norms’ personification. As we have underlined in the theoretical overview, scientific thinking is directed towards the differentiation of the concepts norms, rules, values [4; 9], lay thinking is much less sensitive to such subtlety.

In lay thinking the norms violation has definitely negative meaning (the potential core elements have negative valence), and it is equated with crime. This fact gives us a reason to think that the so-called sensitivity threshold towards the norms violation is quite elevated and as a result a certain tolerance towards the norms violation should be expected. It is possible to think that this vision of norms violation is particular to Russian culture [3]. The other candidates to the central core elements *deviation, disobedience* — refer to the mechanism of norms violation. In the peripheral system the concretisation and the contextualisation of the core zone elements are situated, namely, in a variety of actions, in a variety of contractions coming from group in order to punish the norms violator. Lay thinkers attribute a certain motivation to the norms violation behaviour.

The analysis of the lay theories about norms and norms violation reveals certain particularities of these two explanations: on the one hand there is an idealised frame of reference together with the mechanism of its functioning and the consequences of this functioning, on the other — its opposition an extreme case laws’ violation together with the mechanism of violation. The detailed analysis of these SRs shows a certain asymmetry: if one takes a look at the core zone (candidates to the central core elements), it is possible to conclude that norms are not equated with laws, while norms violation is identified with crimes (laws’ violation).

Conclusion

The scientific thinking concerning norms and norms violation is very well presented in the literature starting from the Sherif's experimental studies in the mid-thirties [31;32]. However, along with the scientific thinking about norms and their violation there is another tradition of analysis: "amateur" scientist also develops his/her own explanatory theories about norms and their violation. These theories that individuals develop to explain the phenomena of everyday life could be referred to as lay, implicit, naive, common sense theories [13; 18]. The productive and appropriate theoretical framework to study how lay theories are formed and how they function was the SRs theory. The potential of this theory is explained by the fact that it allows us to analyze how individuals construct a naive explanation of group norms and their violation, and how this construction regulates individual's behavior and justifies their interaction with others. In everyday life an individual is constantly confronted with the question of norms and their violation in a wide variety of contexts, because he spends a large part of his life interacting with others. As it was underlined above, the scientific theories of norms and their violation are nicely outlined in the literature, whereas, the lay theories are almost missed. In the presented study this gap was partially filled.

The aim of the study was to analyse the lay thinking about norms and their violation developed by young Russian adults. Following the structural approach to SRs the hypothetical structure of the SRs on norms and norms violation was revealed. The content of these SRs shows

that in opposition to scientific thinking that is directed towards the differentiation of such concepts as norms, rules, values [4; 9], lay thinking is not sensitive to these nuances. The comparison of the lay theories about norms and norms violation reveals an interesting point: in case of norms there is an idealised frame of reference together with the mechanism of its functioning and the consequences of this functioning, in case of norms violation – its opposition an extreme case laws' violation together with the mechanism of violation. The detailed analysis of these SRs leads to a conclusion about a certain asymmetry in lay thinking: norms are not equated with laws, whereas norms violation is identified with crimes (laws' violation).

Although the hypothetical structure of the SRs of norms and norms violation needs further testing, the obtained results allow us to reveal lay theories about norms and their violation and to discuss them as a matter of Russian cultural context [3]. These results suit the perspective highlighted in the literature [14; 33].

The use of a single instrument to evoke the SRs of norms and their violation that reveals the hypothetical structure of the SRs is the possible limitation of the study.

However, the exploratory study does not have an input hypothesis, but it does have an output one. According to this hypothesis the core elements of the SR of norms are: rules, morality, respect, cohesion, order. The SR of norms violation are crystallized around the elements: crime, deviation, disobedience, rules violation. To conclude, a further study to verify the hypothetical structure of the SRs norms and norms violation on a bigger sample [17] is the aim of the next step.

References

1. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Living in a Digital Society: from the Point of View of One Social Psychological Perspective [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157. doi:10.17759/psylaw.2020100310. (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Moral' [Moral']// Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Moral' // Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Gl. red. S.A. Kuznetsov. Saint-Petersburg: Norint, 1998. <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C> (Accessed at: 20.03.2021) (In Russ.).
3. Stepanov Yu.S. Zakon [Law]. In: Yu.S. Stepanov (ed.). *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya. [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]*. Moscow: Languages of Slavic culture, 1997, pp. 591–620 (In Russ.).
4. Abrams D., Levine M. Norm formation: Revisiting Sherif's autokinetic illusion study. In: J.R. Smith, S.A. Haslam (eds.). *Social psychology: Revisiting the classic studies*. Sage Publications Ltd. 2012, pp. 57–75.
5. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales. In: J.-C. Abric (ed.). *Méthodes d'étude des représentations sociales*. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003, pp. 59–80.
6. Abric J.-C. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations. *Papers on Social Representations*, 1993. Vol. 2, pp. 75–78.

7. Cialdini R.B., Trost M.R. Social influence: Social norms, conformity and compliance. In D.T. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey (eds.), *The handbook of social psychology*. McGraw-Hill, 1998, pp. 151–192.
8. Digital in 2020. <https://wearesocial.com/digital-2020> (Accessed at: 22.05.2021).
9. Dubois N. Introduction: the concept of norm. In: N. Dubois (ed.). *A sociocognitive approach to norms*. London: Routledge, 2003, pp. 1–16.
10. Eriksson, K., Strimling, P., Gelfand, M. *et al.* Perceptions of the appropriate response to norm violation in 57 societies. *Nature Communications*, 2021. Vol. 12. DOI:10.1038/s41467-021-21602-9
11. Hewstone M., Augoustinos M. Social attributions and social representations. In: U. Flick (ed.). *The psychology of the social*. Cambridge: Cambridge university press, 1998, pp. 60–76.
12. Hogg M.A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*, 2020. DOI: 10.1080/10463283.2020.1827628
13. Hong Y., Levy S.R., Chiu C. The Contribution of the Lay Theories Approach to the Study of Groups. *Personality and Social Psychology Review*, 2001. Vol.5, pp. 98–106. DOI:10.1207/S15327957PSPR0502_1
14. Jetten J., Hornsey M.J. Deviance and dissent in group. *Annual review of psychology*, 2014. Vol. 65, pp. 461–485. DOI:10.1146/annurev-psych-010213-115151
15. Jones S.E., Bombieri L., Livingstone A.G., Manstead A.S.R. The influence of norms and social identities on children's responses to bullying. *British journal of educational psychology*, 2011. Vol. 82, pp. 241–256.

16. Kim H., Markus H.R. Deviance or uniqueness, harmony or conformity? A cultural analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999. Vol. 77, pp. 785–800. DOI: 10.1037/0022-3514.77.4.785
17. Kretzschmar A., Gignac G. At what sample size do latent variable correlations stabilize? *Journal of Research in Personality*, 2019. Vol. 80, pp. 17–22. DOI:10.1016/j.jrp.2019.03.007
18. Lickel B., Hamilton D.L., Sherman S.J. Elements of a Lay Theory of Groups: Types of Groups, Relational Styles, and the Perception of Group Entitativity. *Personality and Social Psychology Review*, 2001. Vol. 5, pp. 129–140. DOI:10.1207/S15327957PSPR0502_4
19. Lo Monaco G., Piermatteo A., Rateau P., Tavani J.L. Methods for Studying the Structure of Social Representations: A Critical Review and Agenda for Future Research. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 2016. DOI:10.1111/jtsb.12124
20. Marzouki Y. La conscience collective virtuelle : un nouveau paradigme des comportements collectifs en ligne. In: G. Lo Monaco, S. Delouvé, P. Rateau (eds.). *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications* / Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016, pp. 413–415.
21. Molho C., Tybur J.M., Van Lange P.A.M., Balliet D. Direct and indirect punishment of norm violations in daily life. *Nature Communications*, 2020. Vol.11. DOI:10.1038/s41467-020-17286-2
22. Moliner P., Abric J.C. Central Core Theory. In: G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). *Cambridge Handbooks in Psychology. The Cambridge Handbook Of Social Representations*. Cambridge University Press, 2015, pp. 83–95. DOI:10.1017/CBO9781107323650.009
23. Moliner P., Bovina I. B. Introduction: The Heuristic Value of Social Representations Theory. *RUDN Journal of Psychology And Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 291–298. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-291-298
24. Moliner P., Lo Monaco G. *Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2017. 190 p.
25. Moscovici S. Foreword. In: C. Herzlich (ed.). *Health and Illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press, 1973, pp. ix–xiv.
26. Moscovici S. *La psychanalyse: son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 652 p.
27. Moscovici S. Why a theory of social representations? In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, pp. 18–61.
28. Prislun R., Crano W. A history of social influence research. In: A. Kruglanski, W. Stroebe (eds.). *The Handbook of the History of Social Psychology*. New York, NY: Psychology Press, 2012, pp. 321–339.
29. Sarup G. Sherif's metatheory and contemporary social psychology. In: Granberg D., Sarup G. (eds.). *Social Judgment and Intergroup Relations*. New York: Springer, 1992. DOI:10.1007/978-1-4612-2860-8_2
30. Sommer C.M. *Minority Influence and Fashion. The Model of Style Transformation*. Paper presented at the EASP Small group meeting in honor of Serge Moscovici. 2016. 17–18 November.
31. Sherif M. A study of some social factors in perception. *Archives of Psychology*, 1935. 60 p.
32. Sherif M. *The psychology of social norms*. New York: Harper, 1936. 210 p.
33. van Kleef G., Gelfand M., Jetten J. The dynamic nature of social norms: new perspectives on norm development, impact, violation, and enforcement. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2019. Vol. 84. DOI: 10.1016/j.jesp.2019.05.002557
34. Wanders F, Homan A.C., van Vianen A.E.M., Rahal R.-M., van Kleef G.A. How norm violators rise and fall in the eyes of others: The role of sanctions. *PLoS ONE*. 2021. Vol. 16. DOI:10.1371/journal.pone.0254574

Information about the authors

Marianna E. Sachkova, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Elizaveta B. Berezina, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of Psychology, Sunway University, Sunway, Malaysia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-8133>, e-mail: elizab@sunway.edu.my

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Информация об авторах

Сачкова Марианна Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (ФГБОУ ВО «РАНХиГС»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Березина Elizaveta Борисовна, кандидат психологических наук, старший лектор, кафедра психологии, Университет Санвея, Санвей, Малайзия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-8133>, e-mail: elizab@sunway.edu.my

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 06.06.2021

Received 06.06.2021

Принята в печать 03.11.2021

Accepted 03.11.2021

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
MEMORABLE DATES

К 90-летию В.П. Зинченко и В.М. Мунипова — «ОТЦОВ» ЭРГОНОМИКИ

В.К. Зарецкий

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8831-6127>, e-mail: zar-victor@yandex.ru

Статья посвящена юбилейным датам выдающихся отечественных психологов В.П. Зинченко и В.М. Мунипова, долгие годы проработавших вместе в области эргономики и психологии. Их деятельность способствовала становлению эргономики как научной дисциплины, изменению мышления проектировщиков, смещению фокуса внимания с технических свойств изделий на их эргономические свойства, на проектирование деятельности человека. В статье содержится краткий рассказ о становлении эргономики как научной дисциплины в СССР и о роли тандема «В.П. Зинченко—В.М. Мунипов». Показана их роль в становлении не только эргономики, но и практической психологии, в поддержании, развитии и дальнейшей трансляции традиций культурно-исторической психологии.

Ключевые слова: В.П. Зинченко, В.М. Мунипов, эргономика, эргономическое мышление, психология, психологическая практика, проектирование, деятельность.

Для цитаты: Зарецкий В.К. К 90-летию В.П. Зинченко и В.М. Мунипова — «отцов» эргономики // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 137–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170415>

To the 90th Anniversary of V.P. Zinchenko and V.M. Munipov — the “Fathers” of Ergonomics

Viktor K. Zaretsky

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8831-6127>, e-mail: zar-victor@yandex.ru

The article is devoted to the anniversary dates of the outstanding Russian psychologists V.P. Zinchenko and V.M. Munipov, who have worked together for many years in the field of ergonomics and psychology. Their activities contributed to the formation of ergonomics as a scientific discipline, a change in the thinking of work designers, a shift in the focus of attention from the technical properties of products to their ergonomic properties, to the design of human activities. The article contains a short story about the formation of ergonomics as a scientific discipline in the USSR and about the role of the tandem "V.P. Zinchenko—V.M. Munipov". Their role is shown in the formation of not only ergonomics, but also practical psychology, in the maintenance, development and further transmission of the tradition of cultural-historical psychology.

Keywords: V.P. Zinchenko, V.M. Munipov, ergonomics, ergonomic thinking, psychology, psychological practice, design, activity.

For citation: Zaretsky V.K. To the 90th Anniversary of V.P. Zinchenko and V.M. Munipov — the "Fathers" of Ergonomics, *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 137–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170415> (In Russ.).

Замечательные отечественные психологи Владимир Петрович Зинченко и Владимир Михайлович Мунипов были не только тезками, не только родились в один далекий 1931 год, но и проработали вместе несколько десятков лет, завоевав в нашей стране репутацию «отцов эргономики», став докторами наук, академиками РАО, учеными, внесшими безусловно серьезный вклад в науку и практику. Разнообразие их интересов, широкое поле деятельности, охватывающее не только эргономику и психологию, но и философию, и методологию, и историю науки, делает практически неразрешимой задачу дать в одной статье даже в обобщенном виде целостную картину их вклада. Поэтому автор решил ограничиться откликом на тот период жизни, в который ему довелось работать с ними совместно, вариться в котле передовой науки, отстаивать право психологии быть не только академической наукой, но и практикой (о чем мечтал Л.С. Выготский), и быть не просто практикой, а научно обеспеченной, научно обоснованной практикой, в чем была особенная ценность их деятельности в области эргономики. Работа в эргономике давала возможность перебросить мост от психологической науки к психологической практике, обосновать практику проектирования технических средств, как практику проектирования прежде всего деятельности человека, и предоставить этот конгломерат из науки и практики в качестве предмета анализа и рефлексии философам и методологам.

История эргономики в нашей стране удивительна. Оглядываясь назад, как человек, который проработал в отделе эргономики ВНИИ Технической Эстетики 14 лет (7 лет младшим научным сотрудником под руководством В.П. Зинченко, а следующие 7 лет заведующим отделом эргономики под руководством В.М. Мунипова), хочу поделиться образом, который возникает у меня при воспоминании о 1970–1980-х годах. Для многих это были годы застоя (до перестройки), тоски, имитации бурной деятельности, когда откровенные разговоры возможны были разве что на кухне в узком кругу друзей. Во ВНИИТЭ застоя не было, там кипела жизнь, были живые дискуссии, была творческая атмосфера, которая втягивала в себя представителей самых разных наук и сфер деятельности, поскольку дизайн и эргономика были невероятно широко связаны с разными сферами практики. В разные годы в отделе эргономики ВНИИТЭ работали С.Г. Геллерштейн, Э.Г. Юдин, Н.Г. Алексеев, Г.М. Зараковский, Л.Д. Чайнова, В.М. Гордон, В.И. Даниляк и другие. В дизайнерских отделах работали Г.П. Щедровицкий, О.И. Генисаретский, А.Г. Левинсон, Д.А. Азрикан, В.Ф. Сидоренко, Л.Б. Переверзев, Л.А. Кузьмичев, С.О. Хан-Магомедов и многие другие. На методологических семинарах в отделе эргономики ВНИИТЭ, организованных Э.Г. Юдиным, можно было встретить В.С. Швырева, Б.Г. Юдина,

В.А. Садовского, Э.М. Мирского, В.М. Розина и др. Загадка эргономики притягивала внимание самых разных людей, которые видели в проблеме деятельности и синтеза знаний потенциальный ключ к решению сложных задач современности...

То, что во ВНИИТЭ в целом и в отделе эргономики в частности был оазис реальной творческой жизни, была несомненная заслуга Владимира Петровича и Владимира Михайловича, а также самой эргономики, которая с момента зарождения оказалась полигоном для испытания передовых научных идей и методологических подходов.

Об истории эргономики (какой она виделась изнутри ее создателям) было подробно рассказано Владимиром Михайловичем Муниповым в его интервью журналам «Культурно-историческая психология»¹ и «Вопросы психологии»², которые он дал в связи со своим 80-летием, поэтому мы здесь не будем на этом останавливаться. Интересен сам момент встречи В.М. Мунипова и В.П. Зинченко на эргономическом поле. ВНИИТЭ был образован в 1962 г. Юрием Борисовичем Соловьевым, которому стало скучно занимать место чиновника в Госкомитете СССР по науке и технике, и он сделал попытку создать институт дизайна в СССР. Слово «дизайн» показалось чересчур «буржуазным», поэтому наукой объявили техническую эстетику, а практику назвали художественным конструированием. В.М. Мунипов был в числе энтузиастов, которые продвигали идею неизвестной тогда науки эргономики, и ему было поручено организовать соответствующий отдел. На той встрече Владимир Петрович, слушая вдохновенный рассказ Владимира Михайловича об эргономике, так проникся перспективами работы на передовом крае науки и техники, что предложил себя в качестве заведующего отделом, после чего 15 лет его возглавлял.

За эти 15 лет эргономика прошла огромный путь, оставив яркий след, пронеслась как комета, изменив науку, методологию, практику, а главное — мышление людей, которые своими действиями вносят изменения в искусственный (создаваемый руками людей) мир. Их мышление стало *эргономическим*, т. е. оно стало *фокусироваться* не на том, как соединить между собой детали машины, чтобы она лучше работала (да простят меня инженеры за столь грубый образ), а *на том, как будет действовать*, имеющий дело с этой машиной *человек*.

Об эргономике в 1970-е годы шли жаркие споры: наука это или практика, самостоятельная дисциплина или комплекс, объединяющий знания разных наук, классическая наука или неклассическая. С одной стороны, многие вопросы, которые ставила эргономике практика, решались на уровне здравого смысла, и наука здесь была не нужна. С другой стороны, чтобы решить простой вопрос о расположении приборов на пульте управления, иногда требовалось проводить сложные научные исследования, исполь-

¹ Мунипов В.М. В.М. Мунипов открывает себя психологам // Культурно-историческая психология. 2011. Том 7. № 2. С. 2–21.

² К 80-летию В.М. Мунипова // Вопросы психологии. 2011. № 4. С. 145–152.

зую методы психологии, антропологии, физиологии. И как объединять получаемые данные исследований в целостное знание, было непонятно. А уж решение подобной задачи в общем виде (как требовали каноны классической науки) выглядело просто невероятным. Эргономика начала развиваться как неклассическая научная дисциплина.

В соответствии с традициями отечественной психологии и доминирующим в ней деятельностным подходом отечественная эргономика объявила себя наукой о деятельности. Опорой для такой позиции был не только деятельностный подход, но и идеи эргологии и эргонологии, которые были в 1920-е годы высказаны В.М. Бехтеревым и В.Н. Мясищевым. В.М. Бехтерев, творчество которого было предметом кандидатской диссертации В.М. Мунипова, определил будущую эргономику как науку о повышении производительности труда, сохранении здоровья и развитии личности трудящегося. Так называемая триединая задача на протяжении последующих 60 лет задавала отечественным эргономистам ориентир, практически недостижимый идеал, к которому должна стремиться эргономика. Похожую идею в области науки и практики, возникшей на стыке психологии и педагогики выдвигал в те же годы Л.С. Выготский, который разрабатывал педологию как комплексную науку о создании условий развития ребенка.

Большие надежды В.П. Зинченко возлагал на своего друга Эрика Григорьевича Юдина, который летом 1975 г. создал в отделе эргономики группу методологических проблем эргономики. Задачей группы было обоснование возможности развития эргономики как комплексной научной дисциплины (т. е. объединяющей в своем предмете знания разных наук) об исследовании и проектировании деятельности человека. И хотя Эрик Григорьевич Юдин успел проработать всего полгода (он умер, не дожив до 46 лет, подорвав свое здоровье в лагерях, где оказался по политическим причинам), в эти полгода был подготовлен эпохальный сборник «Труды ВНИИТЭ, Серия Эргономика. Вып. 10», посвященный проблеме деятельности как объекта исследования, проектирования, управления. Функции главного редактора сборника взял на себя другой друг В.П. Зинченко В.В. Давыдов.

Думаю, что именно идея разворота фокуса эргономики с систем «человек—машина» на деятельность человека с техническими средствами как таковыми раздвинула горизонты мышления дизайнеров, проектировщиков и конструкторов. Уже в начале 1980-х возник вопрос: возможна ли эргономика быта? Сейчас это кажется нелепым — мы даже в рекламе

шариковой ручки можем обнаружить «улучшенные эргономические свойства» (не скользит, снижает нагрузку на мышцы и т. п.), не говоря уже о сложных технических изделиях типа пылесоса. На выставках вместо фотографий конструкции приборов, иллюстрирующих их техническое качество, надежность, энергоемкость, стали показывать фотографии комфортных поз, видео, демонстрирующие удобство и простоту обращения с прибором. Стали появляться подробные инструкции, описывающие в деталях, как обращаться с изделием. В Великобритании провели исследование, которое показало, что 60% бытовых травм связаны с обычным чайником, точнее с его небезопасностью для человека, или, другими словами, с его неэргономичностью. Стали стремительно появляться модели безопасных чайников, о которые нельзя обжечься, которые не обварят кипятком, сами выключатся, если про них забудут...

... Оказалось, что технический прогресс возможен не столько по вектору смены технологий, сколько именно по вектору придания изделиям все новых эргономических свойств. Картина опасного и ненадежного технического мира стала сменяться на картину комфортного, безопасного мира, который создается в заботе о человеке для того, чтобы его деятельность была максимально облегчена.

... В 1981 году вышло первым изданием руководство стран-членов СЭВ (Совета экономической взаимопомощи, объединявшего европейские страны «социалистического лагеря») «Эргономика: принципы и рекомендации» (2-е изд. — 1983 г.). Работа над руководством объединила 113 авторов из всех стран-членов СЭВ. Уже в первом издании руководства были примеры эргономической оценки качества изделий бытового назначения, был раздел о принципах организации труда для лиц с пониженной работоспособностью³ (уже тогда мы чувствовали, что термин «инвалид» не следует употреблять по отношению к человеку, подобно тому, как Л.С. Выготский еще в 1920-е гг. предсказывал, что термин «дефективный» по отношению к ребенку неизбежно выйдет из употребления). Был даже отдельный раздел, написанный по материалам государственного стандарта ГДР, — «Развитие личности в трудовой деятельности», суть которого заключалась в оценке видов труда по специальным критериям, различающим условия, создающие опасность деградации личности, пребывающей в этих условиях постоянно. В частности, там были критерии длительности производственного цикла, предзаданности способа работы, необходимости коммуникации и кооперации и т. д. По этим критериям получалось, что виды деятельности с короткими производственными циклами с предзаданным способом

³ Поиск авторов для написания этого «идеологически важного раздела» привел к неожиданному результату: оказалось, что ни в СССР, ни в одной из стран-членов СЭВ в 1980 г. не было ни одного научного учреждения, которое бы занималось вопросами организации труда лиц с пониженной работоспособностью на таком уровне, чтобы предложить хоть какой-то материал в руководство. В итоге раздел был закрыт инициативными разработками отдельных специалистов, пытавшихся ставить и решать эту проблему, а основным автором стал ответственный секретарь Руководства. Для сравнения: в Японии в это же время была реализована национальная программа поддержки жизнедеятельности людей с инвалидностью, в ходе реализации которой было создано 5000 новых технических изделий, облегчающих жизнь и труд лицам «с пониженной работоспособностью».

работы, выполняемые вне коммуникации и кооперации с другими людьми, не способствуют развитию личности и должны быть постепенно преобразованы с точки зрения условий... По этим критериям некоторые виды учебной деятельности, которые практикуются в современной средней и высшей школе, следовало бы запретить, как не способствующие развитию личности. А погоня за показателями («эффективностью») вступает в противоречие не только с идеей развития, но и — как показывают многие современные исследования — наносит вред физическому и психическому здоровью учащихся.

В 1985 г. состоялась коллегия ГКНТ СССР по вопросу о внедрении эргономики в народное хозяйство. В ней приняли участие 100 организаций из 35 министерств и ведомств, включая все военные министерства. К коллегии была приурочена выставка по эргономике, на которой демонстрировались образцы различных технических изделий и систем по принципу «было — стало» или «было — возможно», т. е. новые, эргономически и дизайнерски проработанные технические средства или их проекты на фоне прежних, все еще находящихся в эксплуатации, машин, созданных без мысли о том, как ими будет пользоваться человек. Из проекта постановления ГКНТ СССР об эргономике, который представил на коллегию ВНИИТЭ (основными авторами были В.М. Мунипов и В.П. Зинченко) не было вычеркнуто ни единого слова... Руководством ГКНТ он был принят полностью.

В 1986 г. в результате аварии на Чернобыльской АЭС во всем мире с самых высоких трибун заговорили о роли человеческого фактора. В СССР была принята Всесоюзная программа внедрения достижений эргономики в отрасли народного хозяйства. Такой масштаб был не по силам даже всей системе ВНИИТЭ с десятью ее филиалами в Ленинграде, Вильнюсе, Минске, Киеве, Харькове, Баку, Тбилиси, Ереване, Свердловске, Хабаровске... В отделе эргономики в это время работали 55 человек, во всей системе — около 200. Постановление запустило процесс создания эргономических лабораторий во всех отраслях народного хозяйства, стало выгодно называть себя эргономистом. Стали создаваться отраслевые ученые советы по присуждению ученых степеней в области эргономики по психологическим, биологическим, техническим наукам. А после распада СССР распалась и система филиалов ВНИИТЭ, численность головного института сократилась в 10 раз, от отдела эргономики осталась лаборатория эргономического обеспечения дизайнерских разработок из 5 сотрудников. В.М. Мунипов перешел на работу профессором кафедры эргономики Московского института радиоэлектроники и автоматики (МИРЭА), заведующим которой к тому времени уже был В.П. Зинченко.

... Комета под названием «эргономика» пролетела, вспыхнула и угасла, рассыпавшись мириадами искр, оплодотворивших мышление специалистов в самых разных областях деятельности. При создании чего-либо (внесении любых изменений в искусственную

среду) для них стало обычным делом думать о том, как будет действовать и чувствовать себя человек в системе «человек—техническое средство—среда»... Когда в 1950-е гг. появились первые магнитофоны, их счастливые обладатели долго изучали инструкцию, прежде чем воткнуть вилку в розетку, и отпрыгивали, когда вспыхивала лампочка после поворота кнопки «power». Сейчас любой ребенок смело нажимает на любые кнопки совершенно незнакомого ему гаджета, не опасаясь, что случится что-то непоправимое или техническое средство вдруг нанесет ему вред. Идея «от техники безопасности — к безопасности техники», казавшаяся утопической в 1980-е годы, в наше время успешно реализована. Аварии и травмы стали скорее результатом потери бдительности человека от излишнего доверия к технике, чем недостатков самой техники...

Оказала свое влияние эргономика с ее идеями комплексного обеспечения проектирования деятельности человека на психологию, педагогику, практику социальной работы. В начале 1980-х в сборниках трудов ВНИИТЭ появились первые публикации о социальном проектировании. В 1990-е слово «проект» стало общеупотребимым в самых различных областях деятельности, в том числе указанных, и остается таковым до сих пор. Создание социальных систем подразумевает проектирование деятельности человека в них, а, следовательно, может опираться на опыт проектирования деятельности в эргономике. В 1990-е гг. методологические идеи обеспечения проектной деятельности в эргономике были взяты на вооружение в процессах инициации и поддержки педагогических инноваций, основная направленность которых заключалась в поиске условий развития личности ребенка в учебной деятельности.

... В.П. Зинченко и В.М. Мунипов до конца жизни были тесно связаны с МГППУ. Владимир Михайлович читал нашим студентам лекции по эргономике, Владимир Петрович не только читал лекции, но и был главным редактором журнала «Культурно-историческая психология», а также представителем России в ИСКАР (Международном обществе культурно-исторических и деятельностных исследований).

... Когда В.М. Мунипову исполнилось 80 лет в 2011 г., то празднование его юбилея стало значительным событием. Тогда на Сретенке встретились не только сотрудники МГППУ но и бывшие коллеги из ВНИИТЭ, эргономисты и дизайнеры, философы, культурологи, инженеры, психотерапевты... Тот вечер запомнился всем присутствовавшим искрометным юмором Владимира Петровича, рассказами Владимира Михайловича о приключениях при первых выездах за границу, которые были редкостью для советских людей, воспоминаниями коллег о временах, когда все только начиналось. В 1970—1980-е гг. большинство книг и статей по эргономике выходили под авторством В.П. Зинченко и В.М. Мунипова, и кто-то, вспомнив об этом, сказал, что многие тогда думали, что это один человек «Зинченко-Мунипов».

Владимир Петрович мгновенно отреагировал байкой о том, как он приехал в Свердловск на совещание по эргономике и сказал: «Я — Зинченко», а в ответ услышал «А где Мунипов?».

Творческое наследие людей, которые вдохновенно работали несколько десятилетий, не сводится к текстам, которые ими написаны и опу-

бликованы. Главное — традиция, которой они принадлежали, круг проблем, в рамках которых их деятельность имела смысл, их творческие замыслы по поводу возможных решений, та эстафетная палочка, которую они приняли от своих учителей и протянули нам. И за это — наша глубокая благодарность Учителям!

Информация об авторе

Зарецкий Виктор Кириллович, кандидат психологических наук, профессор кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8831-6127>, e-mail: zaretskiyvk@mgppu.ru

Information about the author

Viktor K. Zaretsky, PhD in Psychology, Professor, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8831-6127>, e-mail: zar-victor@yandex.ru

Получена 05.12.2021

Принята в печать 07.12.2021

Received 05.12.2021

Accepted 07.12.2021